

ИЗ
НЕМЕЦКОЙ
ПОЭЗИИ
ВЕК X-
ВЕК XX

ИЗ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ
ВЕК X-ВЕК XX

**ИЗ НЕМЕЦКОЙ
ПОЭЗИИ
ВЕК X—ВЕК XX**

*Переводы
Льва Гинзбурга*

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1979

И(Пем)

И 32

Предисловие
С. Ош е р о в а

Художник
В. Н о с к о в

И 70404-112 163-79
028(01)-79

© Переводы, отмеченные в содержании *; вступительная статья, оформление. Издательство «Художественная литература», 1979 г.

В 1836 году Пушкин писал, что русская поэзия «более и более дружится с поэзией германской»¹. Слова эти были сказаны в ту пору, когда Жуковский успел сделать достоянием русского читателя баллады Шиллера и Бюргера, когда в России в стихах Гете находили живой отклик на самые насущные мировоззренческие вопросы, когда московская и петербургская молодежь жадно усваивала идеи немецкой классической философии. С Лермонтова началась многолетняя влюбленность русских стихотворцев в Гейне, о котором Майков недаром писал: «Давно его мелькает тень // В садах поэзии родимой».

Именно через Гейне многим русским поэтам открылся сатирический и революционный пафос немецкой поэзии,— и эта традиция была подхвачена в первые же годы советской власти, когда силами ведущих поэтов тех лет была создана антология «Немецкая революционная поэзия». И в последующие годы советские поэты-переводчики внесли немалый вклад в дело познания немецкой поэзии, впервые открыв нашему читателю целые ее пласты. Новым свидетельством этой старой любви должен стать предлагаемый читателю сборник «Из немецкой поэзии. Век X — век XX», смысл которого — показать одну из стержневых традиций немецкой литературы.

Мы говорим о *немецкой* литературе с полным правом, хотя в открывающем книгу разделе собраны стихи вагантов, написанные преимущественно по-латыни,— да и сама поэзия этих бродивших из университета в университет студентов и безместных клириков была явлением общеевропейским, связанным не только с германским, но и с романским ареалом средневековой культуры. Дело не только в том, что один из основных источников переведенных стихов — так называемая Кембриджская рукопись — возникла в начале XI века в Лотарингии, где теснее всего соприкоснулись герман-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10-ти томах, т. VII. М.—Л., 1949, с. 406.

ская и романская культуры, а знаменитый Буранский сборник, где собрана вагантская «классика» XII — начала XIII века, найден был в Баварии, в монастыре Бенедиктбейрен, а писан либо в той же Баварии, либо в немецкой Швейцарии. И не только в том, что в нем есть немецкие стихи, что некоторые латинские песни сопровождаются немецким переводом-подтекстовкой того же мотива, а иные даже (как приведенная в этой книге «Я скромной девушкой была...») комически обыгрывают смесь народного языка и ученой латыни. Может быть, более существенно то, что именно немецкой культуре — прежде всего позднему романтизму — прочно забытая вагантская поэзия обязана своим воскрешением в середине прошлого века и что именно романтиками создан несколько легендарный образ ваганта — жизнерадостного бродяги-школяра, первого воспевателя радостей плоти во тьме средневекового аскетизма, тот самый образ, который вдохновлял переводчика этой книги.

Для воссоздания этого образа ваганта менее важны те элементы учености, классической и богословской, какие есть в отобранных здесь стихах, менее важна связь (часто пародическая) с церковными гимнами; гораздо существенней то, что лирика вагантов (и особенно «предвагантская» поэзия Кембриджской рукописи) была низовым слоем средневековой латинской поэзии, наиболее тесно связанным с народными песнями той эпохи (нам неизвестными). Ведь названные произведения из Кембриджской рукописи — это те же, говоря языком более поздней эпохи, «стихотворные новеллы», то есть немецкие шванки или французские фавль, только написанные по-латыни. И среди лирики Буранского сборника можно найти и «веснянки» («Весенняя песня»), и песни о любви, разлуке и т. д. А в песнях застольных, кабацких, и особенно в тех, что пародируют формы и формулы поэзии богослужебной, слышны отголоски праздничного народного шествия.

И еще: именно в стихах вагантов, этих бродяг и отщепенцев средневекового мира, где место каждого человека в иерархии было особенно незыблемо, чрезвычайно сильно звучит тема неустойчивости мира — будь то в прямых обличениях, таких, как «Жалоба на своекорыстие и преступления духовенства» Вальтера Шатильонского или «Апокалипсис Голиарда», или в сетованиях Архипиита Кельнского либо примаса Гуго Орлеанского.

Так мы, по существу, и называли ту традицию, которая и составляет основу этой книги: традицию народную, не порывающую связи с фольклором, и неразрывную с ней традицию протеста и даже бунтарства.

Казалось бы, трудно связать с этой традицией поэму «Ведный Генрих» Гартмана фон Ауэ, одного из основоположников жанра «рыцарской повести» в Германии, переложившего на немецкий

язык французские куртуазные романы «Эрек» и «Ивейн». Но в «Бедном Генрихе» напрочь отсутствует то, что обычно составляет основу рыцарского романа, — «авентюра», приключение. Зато выделяется в ней тема испытания нравственных ценностей, особенно словесной морали. Конечно, основой всякой этики для Гартмана остается этика христианская: ведь мы имеем дело с произведением той эпохи, когда, по меткому замечанию Гейне, «в светской поэзии отражалась вся тогдашняя жизнь со всеми ее христианскими воззрениями и устремлениями»¹. И вот у Гартмана фон Ауэ оказывается, что безупречное рыцарство Генриха есть лишь богопротивная гордыня, между тем как истинная христианская добродетель — любовь к ближнему и самоотречение — живет в душе крестьянской дочери. Моральные ценности смещаются, и подвиг юной простолудинки нисколько не умаляется тем, что к высокому духовному стремлению примешиваются простые житейские мотивы: страх потерять доброго господина и получить взамен злого, готового разорить семью, боязнь замужества без любви... Именно это произведение близко народной морали и религиозности, той вере, где чаянья царства Христова неотделимы от надежд на лучшую жизнь, на земную справедливость.

Еще ярче эти чаяния проявились в творчестве самого народа — в представленных здесь народных балладах, которые вводят читателя в необъятный мир немецкой народной поэзии. О ней Гете, рецензируя первый том составленного поэтами-романтиками Арнимом и Brentano собрания песен «Волшебный рог мальчика» (1806), писал: «Эти стихотворения являются самой подлинной поэзией, какая только может существовать даже для нас, хотя мы и стоим на более высокой ступени развития. Ведь в них таится непреодолимое очарование...»² А спустя четверть века с еще большим увлечением писал о «Волшебном роге мальчика» Гейне: «Слышно, как в этих песнях бьется сердце немецкого народа. Здесь раскрывается вся его сумрачная веселость, весь его дурашливый разум. Здесь грохочет немецкий гнев, здесь посвистывает немецкая насмешка, здесь одаряет поцелуями немецкая любовь. Здесь как жемчуг сверкает неподдельное немецкое вино и искренняя немецкая слеза»³.

Народные «баллады» — то есть песни повествовательного, а не лирического содержания — относятся в наибольшей своей части к XV—XVI векам. Это было время фиксации народных текстов. Именно в Германии на помощь фольклору раньше всего пришел печатный станок. Среди никунабул — книг, изданных между 1450 (годом

¹ Г. Гейне. Собр. соч., т. 6. М., Гослитиздат, 1958, с. 148.

² Сб. «Гете об искусстве». М., 1975, с. 386.

³ Г. Гейне. Собр. соч., т. 6. Гослитиздат, 1958, с. 288.

Гутенбергова изобретения) и 1500 годом — есть и собрание песен (1471 г.); но самое широкое распространение получали «летучие листки», где обычно напечатана была одна песня.

В Германии это было время наивысшего подъема народного самосознания, время величайших народных движений — Великой крестьянской войны, восстания Башмака... В своих песнях народ откликался на все — от потрясших страну событий (из таких исторических баллад в книгу вошли «Баллада о Генрихе Льве», «Вейнсбергские жены») до повседневных трудов крестьянина; в них воплощал он свои легенды и предания, утверждал свое достоинство, изливал свою ненависть.

Мы живо воспринимаем в них и сочувствие влюбленным, которых разлучает имущественное неравенство («Была б ты немного богаче...»), и гордость крестьянина, одолевающего рыцаря в споре о месте в мире (мотив, уже звучавший в «Бедном Генрихе»), и неприязнь к насильнику Фалькенштейну. Тема несправедливости, нужды, неустройства мира звучит в балладах особенно сильно. Вот как, например, воспринимал одну из них — «Балладу о голодном ребенке» — великий композитор Густав Малер, положивший ее на музыку, как и многие другие песни из «Волшебного рога мальчика». Дав песне символическое название «Земная жизнь», он говорил о ней: «В крике ребенка, который просит хлеба, и в ответах матери, которая уговаривает его подождать еще и еще, я вижу всю человеческую жизнь. Человек подобен умершему ребенку: он не получает самого необходимого, того, что нужно его душе и телу для роста, пока уже не будет поздно»¹.

Теме неустройства мира, естественно, отвечает тема желательного его переустройства. Свидетельство тому — не только своеобразная шутовская утопия, страна лентяев Шлараффия, не только надежда найти управу на разбойника-рыцаря Линденшмидта у справедливого маркграфа (которому, кстати, помогает расправиться с разбойником мужик), но и сочувствие «бедняге Швартенгальсу», который сам вышел на большую дорогу, желая «перераспределить» богатства (недаром «разбойничьи песни» в «Волшебном роге...» особо отмечал Гете).

Многие могучие потоки немецкой поэзии берут начало в народной песне. Здесь и темы, впоследствии разработанные в балладах романтиков (Лорелея, Тангейзер, мертвый жених, приезжающий за невестой). Здесь — начало песенной лирики, достигшей высочайших вершин в творчестве Брентано, Арнима, Эйхендорфа, Гейне. Здесь — истоки того веселого задора, грубоватого юмора, который воспринял молодой Шиллер и претворил в таких стихах, как «Мужичка

¹ Густав Малер. Письма. Воспоминания. М., 1968, с. 461,

серенада» или «Вытрезвление Бахуса». И здесь же — первоисточник той демократической сатиры, которая в этой книге представлена «Жалобой старонемецкого юноши» Гейне, «Принцем Людвигом» Фрейлиграта и традиции которой так очевидны у современных немецких поэтов.

Но речь об этом впереди, а сейчас нам следует продолжить разговор о «немецкой старине». XV—XVI столетия были не только временем интенсивнейшего народного творчества, но и веком гуманизма, веком реформации, гуманизмом подготовленной и гуманизм убившей, — веком немецкого Возрождения. Ему не суждено было создать высокой лирики на народном языке; волна петраркизма, прокатившаяся из Италии вплоть до Португалии и Англии, Германию миновала. Поэзия гуманистов была преимущественно латинской, в ней «сшивались» и варьировались бесконечные цитаты из латинских авторов. Зато на народном языке развилась беспримерно богатая религиозная лирика — и наряду с нею сатирическая поэзия, начатая знаменитым «Кораблем дураков» Себастиана Бранта.

От этой поэмы и пошла обильная «дурацкая литература», где все человеческие пороки высмеивались как глупости, прямые следствия всеобщего неразумия. К ней и примыкает «масленичное игрище» («фастнахтшпиль») Ганса Сакса «Извлечение дураков» (1557), которое читатель также найдет в этой книге. Нюрнбергский ремесленник, сам себя рекомендовавший:

Ганс Сакс, который был сапожником и стихотворцем тож, —

он во всех своих бесчисленных произведениях оставался истинно народным поэтом (таким и представил его Гете в поэме «Ганс Сакс на старинной гравюре»). От него пошел Knittelvers — тот ломаный стих с парной рифмой, который получил такое первостепенное значение в немецкой поэзии. «Knittelvers, немецкий балаганый раек... словно предназначенный для скороговорок ярмарочных балагуров, этот с виду простодушно-дурашливый, а на самом деле рассудительный, лукавый и кряжистый плебейский стих оказался эмоциональным, музыкальным и философским ключом для проникновения в сердцевину и гетевского «Фауста», и трилогии Шиллера «Валленштейн»¹, — писал переводчик этой книги. Сам этот стих становился символом коллективной народной мудрости, трезвого народного жизнеотношения, которое обнаруживается и в шиллеровском «Лагере Валленштейна», и в «Марате» Вайса.

Те же мотивы народного протеста против неустройства мира, которые слышались в балладах, с особой силой звучали в фольк-

¹ Сб. «Немецкая старина». М., 1972, с. 4.

лорной поэзии эпохи Тридцатилетней войны (1618—1648). Это величайшее бедствие, постигшее Германию и обрекшее ее на многовековое раздробление и ничтожество, вызвало живейший отклик народа. Злая ирония по отношению к своекорыстным военачальникам — разорителям страны — Хольку, Валленштейну, скорбь о разрушенном Магдебурге, ликование по случаю долгожданного мира, — в богатейшей гамме чувств и отвечающих им поэтических интонаций воплощается здесь тема «народ и история».

Невзгоды войны вызвали поэтический отклик не только у народа, но и у многочисленных стихотворцев той поры. Поэт-коммунист Иоганнес Бехер собрал в антологии «Слезы отечества» их стихи, посвященные войне, и показал, как силен гражданский пафос их поэзии, который и делает творчество далеких от нас Опица, Грифиуса и их современников актуальным для наших дней.

Как и во всей Европе, поэзия в Германии развивается в русле барочного художественного мышления, — ибо и во всей Европе, и в Германии XVII век был веком величайшего мировоззренческого кризиса. Рухнула средневековая картина мира, иерархически устроенного богом и отводившего человеку прочное место в иерархии, — но рухнул и ренессансно-гуманистический мир с человеком, занявшим место в его средоточии. Земля оказалась лишь крошечной частью одного из множества миров, Европа — лишь крошечной частью Земли, а человек, выпавший из привычных патриархальных связей, очутился лицом к лицу с безграничной вселенной, вечностью, временем, богом. И вот поэзия стала вопрошать, что есть вечность, время, бог, как бы заново испытывать все и вся, отождествляя прежде не сопоставимое и противопоставляя прежде не расторгимое. Отсюда — барочное «сопряжение далековатых идей» и бесконечные антитезы, нагромождение причудливых образов, объединенных строжайше рассчитанной формой стиха.

Но если для классических стран барокко — Италии, Испании, даже для Англии — это было вместе с тем обновлением ренессансно-классической поэтики, то Германия этой поэтики не знала. Немецкой поэзии нужно было прежде всего овладеть сонетом и одой, александрийским стихом и хореем. Все это принесли в Германию деятельность Опица и его современников и последователей — Векерлина, Флеминга, Даха и других. Опиц в своих теоретических трудах являлся именами Петрарки и Ронсара, ссылаясь на классицистские поэтики Скалигера и Види; он ввел в немецкую поэзию силлабо-тонический стих с правильным чередованием слогов ударных и безударных. Однако уже в его «Образце сонета», при всей ученой выстроенности этих стихов, слишком много образов, чтобы не увидеть в их нанизывании влияния нового, барочного вкуса. Еще сильнее сказывается этот вкус у Флеминга — в таких стихах, как

«Зачем я одержим...» и «Озаренье», где в бесконечной цепи антитез поэт стремится запечатлеть и преодолеть внутренний разлад, столь свойственный человеку эпохи барокко. И окончательно торжествует этот вкус в таких стихах Грифиуса, как сонеты «К накрашенной» (он так и кажется переводом из какого-нибудь итальянского поэта школы Марино) или «Свадьба зимой».

Но не следует думать, будто утверждение ивоземных стиховых форм и барочного мироощущения полностью «переломило» традицию немецкой поэзии, оторвав ее от народных корней. Вспомним хотя бы, что и «Пресыщение ученостью» Опица, и «Ночные музыканты» Санта-Клары, и анонимную «Вечность» мы найдем в «Волшебном роге мальчика» — и не случайно: народ принял эти стихи. А написанную Симоном Дахом по заказу на диалекте песню «Айне из Тарау» перевел на литературный язык Гердер — первый мыслитель, указавший на великое значение народного творчества, и в его переводе песню стали петь по всей стране.

Не менее тесно связана с предшествующей традицией духовная поэзия XVII века, представленная в книге стихами Шпее, Гергардта и поэтов-мистиков — Шефлера, писавшего свои изречения под латинским псевдонимом Ангелус Силезиус (Ангел Силезский), Квириуса Кульмана. Эта существенная струя немецкой поэзии важна для всего развития немецкой культуры. Недаром хорал Пауля Гергардта «Перед распятием» был многократно использован Иоганном Себастианом Бахом, в том числе в величайшем его творении — «Страстях по Матфею». Многие поколения волновала поэтическая непосредственность религиозного переживания, то со-страдание Христу, которое одушевляло «короля духовных певцов», чьи песни «полны силы и скромного благочестия и изложены благородным народным языком» (так писал великий гуманист Альберт Швейцер) ¹.

Вообще, пусть многие стихи поэтов немецкого барокко оказываются перепевами общеевропейских тем, — в Германии эти темы прозвучали впервые. Эта первичность особенно живо ощущается в стихах, посвященных событиям Тридцатилетней войны. Тут сквозь громозвучную риторику од, сквозь назидательность поэтических посланий властителям, сквозь бравурность военных песен прорывается подлинная страсть и искренняя боль за родную страну, скорбь о ее бедствиях, отчаяние и надежда, гнев и насмешка. Прав был Иоганнес Бехер, утверждая, что стихи поэтов XVII столетия «имели исключительное значение для возникновения национальной немецкой литературы» ².

¹ А. Швейцер. Иоганн Себастиан Бах. М., 1964, с. 12.

² «Tränen des Vaterlandes. Deutsche Dichtung aus dem 16. und 17. Jahrhundert. Eine Auswahl von J. Becher». Berlin, 1954, S.5.

Не случайно так наставал на этом именно поэт нашего века — того века, когда правящие классы Германии вновь, как говорили в старицу, преступили все законы божеские и человеческие и ввергли народ в немыслимые дотоле глубины бедствий, разорения и национального позора. В катастрофическую эпоху художники стали искать опоры в лучших традициях искусства прошлого.

В картинной галерее «Альбертинум» в Дрездене висят картины художников-антифашистов Отто Дикса «Войпа» и Ганса Грундига «Нацизм». Их содержание просто, как содержание плаката, протест выражен в них лаконически и концентрированно, их живописный язык реалистичен и вместе с тем абсолютно современен. И обе они имеют форму тетраптиха — четверного алтарного образа-складня готических церквей. Традиции искусства смыкаются через века. И разве не так же «Песня павших» Фейхтвангера примыкает к той же идущей из средних веков традиции, что и стихи Грифиуса «Мертвец говорит»? И еще глубже: разве в стихах престарелого, всемирно признанного Герхарта Гауптмана, написанных в первый день последнего года существования фашизма, мы ощущаем не ту же смесь отчаяния, стыда за свою отчизну — и надежды, что и в «Слове утешения» Опица? И сколь ни прозаичны слова, в которых описывает «конец света» Якоб ван Годдис, — разве не звучит в них то же предчувствие катастроф и сломов, что и в пророчествах Квиринауса Кульмана? Или возьмем другой — сатирический жанр. Не та же ли ирония, что звучала по поводу похвалы пехотинца у Флеминга, стала столь язвительной и гневной у Курта Тухольского, когда он изобличает чудовищное бахвальство вождя «третьего рейха»? Не истинная ли «современная баллада» — «Бригитта Б.» Франка Ведекинда, одного из выдающихся мастеров сатирического кабаре, так расцветшего в Германии в первые десятилетия века?

Раздел поэзии ГДР в книге открывается стихотворением Бехера «Я немец». Эти слова были сказаны в те годы, когда слово «немец» стало ненавистно для миллионов людей. Но Бехер произнес их гордо, потому что знал: истинные немцы — с теми, кто ненавидит самозванцев, присвоивших право зваться немцами себе одним. Как в стихах Опица триста лет назад, как в стихах Гауптмана, мы чувствуем в стихотворении Бехера «Где была Германия...» ту же смесь стыда и горечи — и надежды. Но другой надежды: не опицеской и гауптмановской надежды на «движенье дней», что «угодно богу», а надежды на тех, кто вступил в прямую схватку со злом и к кому поэт причисляет себя:

Об этом наши предки к нам зывали,
Грядущее звало из дальней дали:
«Вы призваны сорвать покровы тьмы!»

И, неподвластны несправедливой силе,
Германию в себе мы сохранили
И ею были, ею стали — МЫ!

Бехеру вторит Херmlin в «Балладе о Даме Надежде» — о «святой смеси предчувствия и знания». Во имя осуществления надежды бичует «лакеев, дослужившихся до сверхчеловека» Эрих Вайнерт. Во имя того, чтобы надежда скорее облеклась плотью в новой Германии, пишет свои агитационные стихи-песни Куба.

Именно поэты-антифашисты и были и ощущали себя истинными хранителями и наследниками лучших традиций немецкой (да и мировой!) поэзии. Недаром Херmlin пишет балладу в манере Вийона, а Брехт называет свое имя среди имен величайших поэтов-изгнанников («Об изгнании поэтов»). Недаром, создавая издевательскую карикатуру — «имперского поэта» Ганса Душилера, Вайнерт отказывает гитлеризму во всякой причастности к поэзии, к культуре. И столь же закономерно то проникновенное благоговение, с каким Фюрнберг вспоминает о встрече с Рильке.

Вместе с тем причастность к истории ощущается ими не столько как связь с прошлым, сколько как ответственность за настоящее и будущее. Лучше всего это чувство ответственности выразил Куба в стихотворении «Пой на ветру». В то же время вопрос о необходимости и закономерности преобразования мира волнует не только поэтов ГДР, но и прогрессивных немецких художников Запада. Именно этой теме и посвящена стихотворная драма живущего в Швеции немецкого писателя Петера Вайса «Преследование и убийство Жан-Поля Марата» (1960).

Самая известная у нас пьеса Петера Вайса носит название «Судебное разбирательство» и представляет собой инсценировку процесса над нацистскими преступниками. В «Марате» как бы тоже идет судебное разбирательство — но подсудственной является идея. Идея революции. И следствие облечено в весьма причудливую драматическую форму, которая имитирует средневековое ярмарочное представление на площади, — с его «глашатаем», объясняющим, что и кем совершается сейчас на подмостках, с его хором ряженных, с пантомимой, музыкой и танцами, — но которая дает место и для воплощения острых идейных, интеллектуальных конфликтов, достойных театра Брехта. Раешник Knittelvers, все вышучивающий и подвергающий сомнению, сменяется «вольным стихом» XX века, способным вместить самые сложные понятия философского и политического словаря. Атмосфера шутовства и пародии усугубляется тем, что пьесу, по замыслу автора, разыгрывают умалишенные, и «актерам», наполняющим «сцену на сцене», все время приходится «выходить из роли» и возвращаться в «реальные» условия сума-

шедшего дома. Так все постулаты, выдвигаемые действующими лицами, подвергаются пародирующему осмеянию, сомнению, и в конечном итоге, отрицанию. Все идеи, кроме одной: идеи революции.

Революция как идея представлена в пьесе конкретным фактом Великой французской революции. Для немецкой литературы это традиционно: ведь, едва осуществившись, французская революция стала основным событием духовной жизни Германии. Ее приветствовал Шиллер, избранный почетным гражданином Французской Республики; Гете, не принимавший революционного насилия, в ночь битвы при Вальми — первой победы республиканских войск над коалицией реакционных монархов — понял и сказал друзьям, что в мировой истории свершился переворот; Гейне видел в ней начало и залог грядущего освобождения, то издевательски напоминая о судьбе верхов «старого режима» (прочтите в этой книге стихотворение «Мария-Антуанетта!»), то сравнивая себя с ее солдатом. Петер Вайс, обратившись к французской революции — к революции буржуазной, получает особую возможность подвергнуть саму идею жесткому испытанию сомнениями и соблазнами.

«Пьеса де Сада» разыгрывается в 1806 году — после 9 термидора, после 18 брюмера, когда верхушка «третьего сословия» присвоила все, что было завоевано руками народа. Поэтому с самого начала ставится под сомнение осуществимость целей революции. Сам народ вызывает к Марату устами хора ряженных, исполняющих один из лейтмотивов драмы: «Марат, революцию нашу изгадили!» После этого особенно грозным представляется вопрос об оправданности крайнего средства революционной борьбы — якобинского террора. И едва Марату хотя бы отчасти удастся оправдать террор, представив его народным возмездием, как сам де Сад принимается искушать его: революция противна самой природе, где верховенствуют силы косной устойчивости, энтропии. Но Марат опрокидывает и это возражение; для него революция не просто общественный переворот, революция — это создание нового человека.

Человек-раб создан не природой, но воспитанием, прежде всего церковью — служанкой господствующих классов; и инстинкты жестокости, своекорыстия, честолюбия, которые де Сад считает врожденными человеку, суть лишь инстинкты классовые, взращенные социальной несправедливостью прошлого и сулящие ту же несправедливость в будущем, когда власть захватит термидорианская буржуазия. Так снова встает вопрос о результатах революции. И тут же Марат и Жак Ру дают на него ответ: революцию спасет лишь сама революция — новая, пролетарская революция. По авторскому замыслу Вайса, де Сад должен воплощать интеллигенцию во всех ее противостоящих подлинной революционности позициях: отрицающей, скептической, но также и «архиреволюционной».

Немедля выдвигается следующее возражение: пусть победит новая революция — не будет ли новое общество обществом насильственного уравниения, стирания всякого личного своеобразия? — Нет, отвечает Марат, таким обществом может стать лишь общество мнимого равенства, когда буржуазия, с целью сохранить свое господство, повысит жизненный уровень рабочего класса и объявит, что нет причин для классовой розни... Ядовитые стрелы вайсовского сарказма бьют уже в современное общество потребления.

Разбитый как скептик, пресловутый маркиз оборачивается архиреволюционером, выдвигая напоследок лозунг из арсенала «новой левой»: нет революции социальной без революции сексуальной. Впрочем, это для автора скорее курьез, и вот, даже не оспоренный своим оппонентом по этому пункту, де Сад сам признается в собственной растерянности и несостоятельности, разблачая себя по всем законам народного ярмарочного театра.

Но испытание идеи революции не окончено. Теперь под сомнение ставится личность главного носителя этой идеи — Марата. Кто он? Измученный болезнью человеконенавистник? Неудачливый приспособленец? Бездарный ученый, выдвигавший нелепые гипотезы? Честолюбец, притязающий стать диктатором? Все эти варианты ответа один за другим проигрываются на подмостках. Но окончательный ответ дает лишь финал пьесы. Когда Марат, убитый и «воскресший», Марат, узнавший о термидоре и Наполеоне, об ограблении революции буржуазией, вновь провозглашает свои убеждения — зритель должен верить только ему, истинному Другу Народа. И верить «второму я» Марата — Жаку Ру, который сулит обманутому народу: «Последнее слово будет за вами!» Идеи революции побеждает, в этом смысл глубокой и своеобразной пьесы Вайса.

Наши беглые заметки, понятно, не претендуют дать анализ всех произведений, составивших эту книгу, — мы только хотели показать ту «связь времен», которая их объединяет. В литературе связь времен именуется традицией. И читателю, мы надеемся, стало ясно, какая из традиций немецкой поэзии явилась стержнем книги. Это — традиция народная и неразрывная с нею традиция демократическая, а потом и революционная. Именно они-то и привлекают автора перевода Льва Гинзбурга, для их воплощения он находит в богатейшем арсенале русской поэзии и создает заново средства поэтической выразительности, доступные лишь истинному таланту. А там, где есть талант и любовь, — там труд не может не быть успешным.

С. Ошеров

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

*Светлой памяти моей дорогой
жены и друга
Бибисы Ивановны
Дик-Киркилло
свой труд посвящаю*

Эта книга сложилась отчасти из моих прежних сборников: «Немецкие народные баллады» (1959), «Слово скорби и утешения» (1963), «Лирика вагантов» (1970), «Страницы немецкой поэзии» (1970), «Немецкая старина» (1972), «Колесо Фортуны» (1976), «Немецкая поэзия XVII века» (1976). Многое, однако, переведено специально для этого тома и публикуется здесь впервые.

Как переводчика, меня влекло к материалу ранее не открытому, к литературным пластам, к которым еще не успели прикоснуться предшественники. К счастью для меня, это был материал чрезвычайной исторической важности, поэзия, возникшая в самые роковые, в самые ответственные часы немецкой и европейской истории: агония средневековья и зарождение нового времени, Реформация, Крестьянская война, эпоха Тридцатилетней войны, затем,— после Великой французской революции и наполеоновских войн,— революция 1848 года, первая мировая война, фашизм, вторая мировая война, крушение нацистской Германии, наши дни...

Составляя эту книгу, я хотел, чтобы читатель получил представление не только о десяти веках немецкой поэзии, но и о чем-то несравненно более важном: о десяти веках жизни человеческого духа, о его величайших взлетах и глубочайших падениях, о преодолении человеком отчаяния и скорби, о стремлении к Истине.

Лев Гинзбург

ЛИРИКА
ВАГАНТОВ
X—XII ВЕКА

ОРДЕН ВАГАНТОВ

«Эй, — раздался светлый зов, —
началось веселье!
Поп, забудь про Часослов!
Прочь, монах, из кельи!»
Сам профессор, как школяр,
выбежал из класса,
ощутив священный жар
сладостного часа.

Будет ныне учрежден
наш союз вагантов
для людей любых племен,
званий и талантов.
Все — храбрец ты или трус,
олух или гений —
принимаются в союз
без ограничений.

«Каждый добрый человек, —
сказано в Уставе, —
немец, турок или грек,
стать вагантом вправе».
Признаешь ли ты Христа, —
это нам не важно,
лишь была б душа чиста,
сердце не продажно.

Все желанны, все равны,
к нам вступая в братство,
невзирая на чины,
титулы, богатства.
Наша вера — не в псалмах!
Господа мы славим
тем, что в горе и в слезах
брата не оставим.

Кто для ближнего готов
снять с себя рубаху,
восприми наш братский зов,
к нам спеши без страха!
Наша вольная семья —
враг поповской швали.
Вера здесь у нас — своя,
здесь — свои сжимали!

Милосердье — наш закон
для слепых и зрячих,
для сиятельных персон
и шутов бродячих,
для калек и для сирот,
тех, что в день дождливый
палкой гонит от ворот
поп христоробивый;

для отцветших стариков,
для юнцов цветущих,
для богатых мужиков
и для неимущих,
для судейских и воров,
проклятых веками,
для седых профессоров
с их учениками,

для пропойц и забулдыг,
дрыгнувших в канавах,
для творцов заумных книг,
правых и неправых,
для горбатых и прямых,
сильных и убогих,
для безногих и хромых
и для быстроногих.

Для молящихся глупцев
с их дурацкой верой,
для пропащих молодцов,
тронутых Венерой,
для попов и прихожан,
для детей и старцев,
для венгерцев и славян,
швабов и баварцев.

От монарха самого
до бездомной голи —
люди мы, и оттого
все достойны воли,
сострадания и тепла
с целью не напрасной,
а чтоб в мире жизнь была
истинно прекрасной.

Верен богу наш союз
без богослужений,
с сердца сбрасывая груз
тьмы и унижений.
Хочешь к всеобщей пойти,
чтоб спастись от скверны?
Но при этом, по пути,
не минуй таверны.

Свечи яркие горят,
дуют музыканты:
то свершают свой обряд
вольные ваганты.
Стены ходят ходуном,
пробки — вон из бочек!
Хорошо запить вином
лакомый кусочек!

Жизнь на свете хороша,
коль душа свободна,
а свободная душа
господу угодна.
Не прогневайся, господь!
Это справедливо,
чтобы немощную плоть
укрепляло пиво.

По до гробовой доски
в ордене вагантов
презирают щегольски
разодетых франтов.
Не помеха драный плащ,
чтоб пленять красоток,
а иной плясун блестящ
даже без подметок.

К тем, кто бос, и к тем, кто гол,
будем благосклонны:
на двоих — один камзол,
даже панталоны!
Но какая благодать,
не жалея денег,
другу милому отдать
свой последний пфенниг!

Пусть пропьет и пусть проест,
пусть продует в кости!
Воспретил наш манифест
проявления злости.
В сотни дружеских сердец
верность мы вселяем,
ибо козлищ от овец
мы не отделяем.

НИЩИЙ СТУДЕНТ

Я — кочующий школяр...
На меня судьбина
свой обрушила удар,
что твоя дубина.

Не для суетной тщеты,
не для развлечения —
из-за горькой нищеты
бросил я ученье.

На осеннем холоду,
лихорадкой мучим,

в драном плащике бреду
под дождем колючим.

В церковь хлынула толпа,
долго длится месса.
Только слушаю попа
я без интереса.

К милосердию аббат
паству призывает,
а его бездомный брат
зябнет, изнывает.

Подари, святой отец,
мне свою сутану,
и тогда я наконец
мерзнуть перестану.

А за душеньку твою
я поставлю свечку,
чтоб господь тебе в раю
подыскал местечко.

ПРОЩАНИЕ СО ШВАБИЕЙ

Во французской стороне,
на чужой планете,
предстоит учиться мне
в университете.
До чего тоскую я —
не сказать словами...
Плачьте ж, милые друзья,
горькими слезами!
На прощание пожмем
мы друг другу руки,
и покинет отчий дом
мученик науки.

Вот стою, держу весло —
через миг отчалию.
Сердце бедное свело
скорбью и печалью.
Тихо плещется вода,

голубая лента...
Вспоминайте иногда
вашего студента.
Много зим и много лет
прожили мы вместе,
сохранив святой обет
верности и чести.

Слезы брызнули из глаз...
Как слезам не литься?
Стану я за всех за вас
господу молиться,
чтобы милостивый бог
силой высшей власти
вас лелеял и берег
от любой напасти,
как своих детей отец
нежит да голубит,
как пастух своих овец
стережет и любит.

Ну, так будьте же всегда
живы и здоровы!
Верю: день придет, когда
свидимся мы снова.
Всех вас вместе соберу,
если на чужбине
я случайно не помру
от своей латыни,
если не сведут с ума
римляне и греки,
сочинившие тома
для библиотеки,

если те профессора,
что студентов учат,
горемыку школяра
на смерть не замучат,
если на смерть не уплюсь
на хмельной пирушке,
обязательно вернусь
к вам, друзья, подружки!
Вот и все! Прости-прощай,

разлюбезный швабский край!
Захотел твой житель
увидать науки свет!..
Здравствуй, университет,
мудрости обитель!
Здравствуй, разума чертог!
Пусть вступлю на твой порог
с видом удрученным,
но пройдет ученья срок,—
стану сам ученым.
Мыслью сделаюсь крылат
в гордых этих стенах,
чтоб отрыть заветный клад
знаний драгоценных!

ДОБРОДЕТЕЛЬНАЯ ПАСТУШКА

На заре пастушка шла
берегом, вдоль речки.
Пели птицы. Жизнь цвела,
Блеяли овечки.

Паствой резвою своей
правила пастушка,
и покорно шли за ней
козлик да телушка.

Вдруг навстречу ей — школяр,
юный оборванец.
У пастушки — как пожар
на лице румянец.

Платье девушка сняла,
к школяру прижалась.
Пели птицы. Жизнь цвела.
Стадо разбежалось.

Я СКРОМНОЙ ДЕВУШКОЙ БЫЛА...

Я скромной девушкой была,
virgo dum флоредам,
нежна, приветлива, мила,
омнибус плацедам.

Пошла я как-то на лужок
флорес адунаре,
да захотел меня дружок
иби дефлораре.

Он взял меня под локоток,
сед нон индеценгер,
и прямо в рощу уволок
вальде фраудуленгер.

Он платье стал с меня срывать
вальде индеценгер,
мне ручки белые ломать
мультим виолентер.

Потом он молвил: «Посмотри!
Немус эст ремотум!
Все у меня горит внутри!»
Планкси эт хок тотум.

«Пойдем под липу поскорей
нон прокуль а виа.
Моя свирель висит на ней,
тимпанум кум лира!»

Пришли мы к дереву тому,
диксит: седеамус!
Гляжу: не терпится ему.
Лудум фациамус!

Тут он склонился надо мной
нон абскве тиморе.
«Тебя я сделаю женой...»
Дульцис эст кум оре!

Он мне сорочку снять помог,
корпоре детекта,
и стал мне взламывать замок,
куспиде эректа.

Вонзилось в жертву копьедо,
бене венебатур!
И надо мной — его лицо:
лудус комплеатур!

МОНАХИНЯ

Всей силой сердца своего
я к господу взывала:
«Казни того, из-за кого
монахиней я стала!»

За монастырскою стеной —
тоска и сумрак вечный.
Так пусть утешен будет мной
хотя бы первый встречный!

И вот, отринув страх и стыд,
я обняла бедняжку...
А бог поймет, а бог простит
несчастную монашку.

ВЫХОДИ В ПРИВОЛЬНЫЙ МИР!

Выходи в привольный мир!
К черту пыльных книжек хлам!
Наша родина — трактир.
Нам пивная — божий храм.
Ночь проведши за стаканом,
не грешно упиться в дым.
Добродетель — стариканам,
безрассудство — молодым!

Жизнь умчится, как вода.

Смерть не даст отсрочки.

Не вернуться никогда
вешние денечки.

Май отблещет, отзвенит —
быстро осень подойдет
и тебя обременит
грузом старческих забот.
Плоть зачахнет, кровь заглохнет,
от тоски изноет грудь,
сердце бедное иссохнет,
заметет метелью путь.

Жизнь умчится, как вода.

Смерть не даст отсрочки.

Не вернуться никогда
вешние денечки.

«Человек — есть божество!»
И на жизненном пиру
я Амура самого
в сотоварищи беру.
На любовную охоту
выходи, лихой стрелок!
Пусть красавицы без счету
попадут к тебе в силок.
Жизнь умчится, как вода.
Смерть не даст отсрочки.
Не вернутся никогда
вешние денечки.

Столько девок молодых,
сколько во поле цветов.
Сам я в каждую из них
тут же втюриться готов.
Девки бедрами виляют,
пляшут в пляске круговой,
пламя в грудь мою вселяют,
и хожу я сам не свой.

Жизнь умчится, как вода.
Смерть не даст отсрочки.
Не вернутся никогда
вешние денечки.

АХ, ТАМ В ДОЛИНЕ, ПОД ГОРОЙ..

Ах, там в долине, под горой
блаженной майскою порой
гуляла с младшею сестрой
любовь моя.

Лился пленительный капев
из чистых уст прелестных дев.
Но обмерла, меня узрев,
любовь моя.

Светился луговой простор,
резвился божьих пташек хор,
и к богу устремила взор
любовь моя.

Не лучше ль было б под кустом
улечься нам в лесу густом
и там ко рту прижаться ртом,
любовь моя?!

* * *

Когда б я был царем царей,
владыкой суши и морей,
любой владел бы девой,
я всем бы этим пренебрег,
когда проспать бы ночьку мог
с английской королевой.

Ах, только тайная любовь
бодрит и будоражит кровь,
когда мы втихомолку
друг с друга не отводим глаз,
а тот, кто любит напоказ,
в любви не знает толку.

* * *

Без возлюбленной бутылки —
тяжесть чувствую в затылке.
Без любезного винца
я тоскливей мертвеца.

Но когда я пьян мертвецки,
веселюсь по-молодецки
и, горлая во хмелю,
бога истово хвалю!

ЗАВЕЩАНИЕ

Я желал бы помереть
не в своей квартире,
а за кружкою вина
где-нибудь в трактире.

Ангелочки надо мной
забренчат на лире:

«Славно этот человек
прожил в грешном мире!

Простодушная овца
из людского стада,
он с достоинством почил
среди хмельного чада.
Но бродяг и выпивох
ждет в раю награда,
ну, а трезвенников пусть
гложут муки ада!

Пусть у дьявола в когтях
корчатся на пытке
те, кто злобно отвергал
крепкие напитки!
Но у господа зато
есть вино в избытке
для пропивших в кабаках
все свои пожитки!»

Ах, винишко ах, винцо,
Vinum, vini, vino!
Ты сильно, как богатырь,
как дитя, невинно!
Да прославится господь,
сотворивший вина,
повелевший пить до дна —
не до половины!

Вольно, весело я шел
по земным просторам,
кабаки предпочитал
храмам и соборам,
и за то в мой смертный час
с увлажненным взором —
«Со святыми упокой!» —
грядяте дружным хором!

ДОБРОЕ, СТАРОЕ ВРЕМЯ

Вершина знаний, мысли цвет,—
таким был университет.
А нынче, волею судеб,
он превращается в вертеп.

Гуляют, бражничают, жрут,
книг сроду в руки не берут,
для шалопаля-школяра
ученье —вроде бы игра.

В былые дни такой пострел
всю жизнь над книжками потел,
и обучался он — учти —
до девяноста лет почти.

Ну, а теперь — за десять лет
кончают университет
и в жизнь выходят потому,
не научившись ничему!

При этом наглости у них
хватает поучать других.
Нет! Прочь гоните от дверей
таких слепых поводырей.

Неоперившихся птенцов
пускают наставлять юнцов!
Барашек, мантию надев,
решил, что он — ученый лев!

Смотри: сидят, упившись в дым,
Григорий и Иероним
и, сотрясая небеса,
друг друга рвут за волоса.

Ужель блаженный Августин
погряз в гнуснейшей из трясин?
Неужто мудрость всех веков
свелась к распутству кабаков?!

Мария с Марфой, это вы ль?
Что с вами, Лия и Рахиль?
Как смеет гнилозубый хлюст
касаться чистых ваших уст?!

О, добродетельный Катон!
Ты — даже ты! — попал в притон
и предназначен тешить слух
пропойц, картежников и шлюх.

То гордый дух былых времен
распят, осмеян, искажен.
Здесь бредни мудростью слывут,
а мудрость глупостью зовут!

С каких же, объясните, пор
ученье — блажь, прилежность —
вздор?

Но если названное — тлен,
что вы предложите взамен?!

Эх, молодые господа,
побойтесь Страшного суда!
Прощенья станете просить —
да кто захочет вас простить?!

КАБАЦКОЕ ЖИТЬЕ

Хорошо сидеть в трактире.
А во всем остатнем мире —
скука, злоба и нужда.
Нам такая жизнь чужда.
Задают вопрос иные:
«Чем вам нравятся пивные?»
Что ж! О пользе кабаков
расскажу без дураков.

Собрались в трактире гости.
Этот пьет, тот — жарит в кости.
Этот — глянь — продулся в пух,
У того — кошель разбух.
Все зависит от удачи!
Как же может быть иначе?!
Потому что нет средь нас
лихоимцев и пролаз.

Ах, ни капельки, поверьте,
нам не выпить после смерти,
и звучит наш первый тост:
«Эй! Хватай-ка жизнь за хвост!...»
Тост второй: «На этом свете
все народы — божьи дети.

Кто живет, тот должен жить,
крепко с братьями дружить.

Бахус учит неизменно:
«Пьяным — море по колено!»
И звучит в кабацком хоре
третий тост: «За тех, кто в море!»
Раздается тост четвертый:
«Постных трезвенников — к черту!»
Раздается пятый клич:
«Честных пьяниц возвеличь!»

Клич шестой: «За тех, кто зелье
предпочел сиденью в келье
и сбежал от упырей
из святых монастырей!»
«Слава добрым пивоварам,
раздающим пиво даром!» —
всею дружною семьей
мы горланим тост седьмой.

Пьет народ мужской и женский,
городской и деревенский,
пьют глупцы и мудрецы,
пьют транжиры и скупцы,
пьют скопцы и пьют гуляки,
миротворцы и вояки,
бедняки и богачи,
пациенты и врачи.
Пьют бродяги, пьют вельможи,
люди всех оттенков кожи,
слуги пьют и господа,
села пьют и города.

Пьет безусый, пьет усатый,
лысый пьет и волосатый,
пьет студент, и пьет декан,
карлик пьет и великан!

Пьет монахиня и шлюха,
пьет столетняя старуха,
пьет столетний старый дед, —
словом, пьет весь белый свет!

Все пропьем мы без остатка,
Горек хмель, а пьется сладко,
Сладко горькое питье!
Горько постное житье...

СПОР МЕЖДУ ВАКХОМ И ПИВОМ

Чтоб потешить вас, братцы, беседую,
я вам байку смешную поведаю:
Вакх и пиво однажды повздорили
и нещадно друг друга позорили,

В жарком споре случается всякое...
Диспут мог бы окончиться дракою,
ибо Вакх выдвигал обвинения,
как всегда, находясь в опьянении.

«Ты, — кричал он, махая ручищами, —
до небес превозносишься нищими!
Я ж, являясь богов украшением,
подвергаюсь порой поношениям.

Можно ль мерить нас общею мерою?
Говорят: рождено ты Церерою.
Нет! При всей своей мнимой
безвредности,
эта ложь — порождение бедности.

Нищетою рождено в беззаконии,
ты — утеха для нищей Саксонии,
ты, как шлюха, сошлась с голодранцами,
будь то швабами или фламандцами.

Пьют бродяги тебя и отшельники,
школяры и монахи-бездельники,
воры пьют со своими подружками,
громохвая огромными кружками.

Всех ты, подлое пиво, бесстыжее,
опоило проклятою жижею,
так что даже особы священные
соблазнялись порой твоей пеною!

Да, ты брызжешь, ты плещешь, ты
пенишься
и, возможно, поэтому ценишься.
Но, хоть славы вовсю домогаешься,
понапрасну со мною тягаешься!

Вакх — бессмертной природы
творение —
возвращает незрячему зрение,
и способно творение богово
сделать юношей старца убогого!

Вакх с любой кручиной справляется:
безнадежно больной поправляется,
холостяк стать супругом готовится,
а скалдырик транжиром становится.

Разливая вино виноградное,
Вакх приходит к вам с вестью отрадною,
и, отведав напиток, резонно вы
повторяете строки Назоновы:

«Душу нам греет вино, ее открывая
веселью...»

Вакх освоил науки премногие —
от грамматики до астрологии,
от черчения до элоквенции,
вплоть до тонкостей юриспруденции.

Упоительна мудрая речь его!
С глупым пивом равнять его нечего,
потому что для доброго гения
оскорбительны эти сравнения!

Эх ты, горькое пиво кабацкое!
Ну-ка спрячь свое рыло дурацкое!
Убирайся назад в свою бочечку
и сиди там хоть целую ночечку!...

...Пусть же славится Вакха всесилие!
Благовонный, как роза и лилия,
от души тебя крепко целуем мы,
и тебе воспоем «Аллилуйю» мы!

Ах, куда вы скрылись, где вы,
добродетельные девы?
Или вы давным-давно
скопом канули на дно?!
Может, вы держались стойко,
но всесветная попойка,
наших дней распутный дух
превратил вас в грязных шлюх?!
Все предпринятые меры
против происков Венеры,
насаждающей чуму,
не приводят ни к чему.
От соблазнов сих плачевных
застрахован только евнух,
все же прочие — увы —
крайней плотью не мертвы.
Я и сам погряз в соблазнах
и от девок безобразных
оторваться не могу.
Но об этом — ни гугу!..

НАСТАВЛЕНИЕ ПОЭТУ, ОТПРАВЛЯЮЩЕМУСЯ К ПОТАСКУХАМ

Поэт, лаская потаскуху,
учти: у Фрины сердце глухо.
Она тебе отдаст свой жар
лишь за солидный гонорар.
Нужны служительнице блуда
вино, изысканные блюда,
а до того, что ты поэт,
ей никакого дела нет.
Не вздумай сей «прекрасной даме»
платить любовными стихами.
Твои стишата ей смешны.
Ей только денежки нужны.
Когда ж на стол монету бросишь,
получишь все, о чем ты просишь.
Но вскоре тварь поднимет крик,
что ты, мол, чересчур велик,

а заплатил постыдно мало,
что вообще она устала,
что ей давно домой пора:
болеет младшая сестра...
Ей кошелечек свой отдавши,
почти не солоно хлебавши,
ты облачаешься в камзол...
Меж тем уже другой осел
ее становится добычей.
О, что за пакостный обычай
искать сомнительных утех
у девок мерзостных, у тех,
кто сроду сердца не имеет,
а лишь распутничать умеет?!
Ужели не пойдет нам впрок
и этот горестный урок?!
Весь город над тобой смеется...
Но вижу: вновь тебе неймется,
и ты уже готов опять
последний талер ей отдать.
Все начинается сначала...
Так хоть бы, стерва, не ворчала,
что из-за жадности своей
ты слишком мало платишь ей!

ОТПОВЕДЬ КЛЕВЕТНИКАМ

Хуже всякого разврата —
оболгать родного брата.
Бог! Лиши клеветников
их поганных языков.

Злобно жалят, словно осы,
их наветы и доносы,
ранит грудь, как острый нож,
омерзительная ложь.

Про меня — о я, несчастный! —
распустили слух ужасный,
будто я неверен той,
что сверкает чистотой!

Как могу я быть неверен
той, с которой я намерен,
в единенье двух сердец,
встать хоть нынче под венец?!

Сей поклев невероятен!
На душе моей нет пятен!
Я Юпитером клянусь,
что немедленно женюсь!

Никогда — ни сном, ни духом, —
вопреки коварным слухам,
мой чистейший идеал,
я тебе не изменял!

Я клянусь землей и небом,
Артемидою и Фебом,
всей девяткой дружных муз,
что незыблем наш союз.

Я клянусь стрелой и луком:
пусть любым подвергнусь мукам,
пусть в геенну попаду —
от тебя я не уйду!

В чем секрет столь жгучей страсти?
В чем причина сей напасти?
Очевидно, в том, что ты —
воплощение красоты.

С чем сравнить тебя я вправе?
Ты — алмаз в златой оправе.
Твои плечики и грудь
могут мир перевернуть.

Ты — редчайший самородок!
Носик, губки, подбородок,
шейка дивной белизны
для лобзаний созданы.

Нет! Покуда мир не рухнет
или солнце не потухнет,
изменять тебе — ни-ни!
Ты сама не измени!

РАЗДОР МЕЖДУ ЧТЕНИЕМ КНИГ И ЛЮБОВЬЮ

Преуспев в учении,
я, посредством книг,
в беспрестанном чтении
мудрости достиг.
Но, сие учение
в муках одолев,
я познал влечение
к ласкам жарких дев.
И, забросив чтение,
тешу плоть свою:
нынче предпочтение
девам отдаю.
Да... И тем не менее
(хоть в любви везет)
тайный червь сомнения
сердце мне грызет.
Что мне,— по течению
безрассудно плыть
иль, вернувшись к чтению,
гением прослыть?
Ну, а развлечения
бросив целиком,
можно стать из гения
круглым дураком!
«Только через чтение
к счастью путь лежит!» —
в крайнем огорчении
разум мой брюзжит.
«Быть рабом учения
глупо чересчур», —
не без огорчения
шепчет мне Амур.
«Слышишь! Прочь смущения!
Розы жизни рви!
Радость ощущения —
в воле и в любви...»
В дивном озарении
начертал господь,
чтоб сошлись в борении
разум, дух и плоть.

* * *

В утренней рани почудилось мне:
сторож запел на зубчатой стене...

Слышишь, дружок?

Утро уже протрубило в рожок —
та-ра-ра-ра!

Значит, пришла расставанья пора,
милый ты мой!

Ночь от недобрых, завистливых глаз,
словно сообщница, прятала нас,
кутала тьмой.

Горькие слезы застлали мой взор.
Хмурое утро крадется, как вор,
ночи вослед.

Проклято будь наступление дня!
Время уводит тебя и меня
в серый рассвет.

* * *

Вновь облетела липа, и лес осенний гол,
но милый не вернулся, но милый
не пришел.

Смолк в рощах голос птичий, мир холодом
сражен,

Мой милый стал добычей неверных чьих-то
жен.

Он с ними шутки шутит, мне жизнь что
ночь черна,

Он с ними спит и кутит, а я ему верна.
Они его морочат! О, глупенький птенец!
Чего же он не хочет вернуться наконец?
Горька моя утрата, не счесть моих скорбей.
Промчались без возврата дни юности моей.

ЖАЛОБА ДЕВУШКИ

Повеял утренний зефир,
теплом обдав холодный мир.
Запели птицы веселей
в лиловом воздухе полей.

В наш неуютный, хмурый край
пришел веселый братец май,
пришел он, полный юных сил,
и все вокруг преобразил.

Надев цветастый свой камзол,
он устелил цветами дол,
одним касанием руки
из почек выбив лепестки.

Уже глухая глушь лесов
звенит созвучьем голосов,
и гимны слышатся окрест
в честь женихов и в честь невест.

Когда я слышу этот хор,
когда я зрю цветов узор
и пробуждение познаю,—
теснят рыданья грудь мою.

Ужель весь век томиться мне
с моей тоской наедине,
приняв жестокий приговор?!
И глух мой слух. И слеп мой взор.

О, разлюбезный братец май!
Спаси! Помилуй! Выручай!
И, чудо-ключиком звеня,
на волю выпусти меня!

ПЛАЧ ПО ПОВОДУ БЕГСТВА ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Шумит веселый май.
А я, как Менелай,
покинутый Еленой,
один во всей вселенной,
реву, судьбу кляня:
сбежала от меня
моя подружка Флора.
Не вынесу позора!
Едва настала ночь,
ты упорхнула прочь!

А мы ведь так хотели
понежиться в постели!
Что делать? Не пойму.
Она ушла. К кому?
Неужто дал ей пфенниг
какой-нибудь мошенник?
Я весь в слезах — смотри!
Глаза мои утри!
Ужель ты так развратна,
что не придешь обратно?!
Твой бедный голубок,
кляня жестокий рок,
стал выжатым, как губка,
от твоего поступка!
Я высох, я зачах,
темно в моих очах;
тоски не одолею
и скоро околею.
Молю тебя: приди!
Прижмись к моей груди!
Когда мы будем вместе,
забуду я о мести!
Я по свету брожу,
стенаю и дрожу,
ищу, ищу лекарства
от женского коварства!
Нет! Не желаю впредь
на девушек смотреть.
Ах, мне ничто не мило,
коль ты мне изменила.
Я обошел весь свет.
Тебя ж все нет и нет.
Ужель не отзовешься?
Я плачу, — ты смеешься.

ЛЮБОВЬ К ФИЛОЛОГИИ

О возлюбленной моей
день и ночь мечтаю, —
всем красавидам ее
я предпочитаю.
Лишь о ней одной пишу,
лишь о ней читаю.

Никогда рассудок мой
с ней не расстаётся,
окрыленный ею, дух
к небесам взовьётся.
Филологией моя
милая зовется.

Я взираю на нее
восхищенным взором.
Грамматическим мы с ней
заняты разбором.
И меж нами никогда
места нет раздорам.

Смог я к мудрости веков
с нею причаститься.
Дорога мне у нее
каждая вещичка:
суффикс, префикс ли, падеж,
флексия, частица.

Молвит юноша: «Люблю!»
Полон умиления.
А для нас «любить» — глагол
первого спряжения.
Ну, а эти «я» и «ты» —
два местоимения.

Можно песни сочинять
о прекрасной даме,
можно прозой говорить
или же стихами,
но при этом надо быть
в дружбе с падежами!

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЯ ШКОЛЯРОВ СВОЕМУ УЧИТЕЛЮ

Муж, в науках преуспевший,
безраздельно овладевший
высшей мудростью веков,
силой знания волшебной, —

восприми сей гимн хвалебный
от своих учеников!

Средь жрецов науки славных
нет тебе на свете равных,
наш возлюбленный декан!
Ты могуч и благороден,
сердцем чист, душой свободен,
гордой мыслью — великан!

Всех искусней в красноречье,
обрати свою к нам речь и
наш рассудок просвети!
Помоги благим советом
цели нам достичь на этом
нами избранном пути.

Снова близится полночный
час, как девой непорочной
был господень сын рожден,
смерть и муку победивший,
в злобном мире утвердивший
милосердия закон.

Так пускай горит над всеми
свет, зажженный в Вифлееме,
под один скликаая кров
из мирского океана
многомудрого декана
и беспутных школяров!

РАЗГОВОР С ПЛАЩОМ

«Холод на улице лют.
Плащ мой! Какой же ты плут!
С каждой зимой ты стареешь
и совершенно не греешь.
Ах ты, проклятый балбес!
Ты, как собака, облез.
Я — твой несчастный хозяин —
нынче ознобом измаян».
Плащ говорит мне в ответ:
«Много мне стукнуло лет,

Выгляжу я плоховато —
старость во всем виновата.
Прежнюю дружбу ценя,
надо заштопать меня,
а с получением подкладки
снова я буду в порядке.
Чтоб мою боль утолить,
надо меня утеплить.
Будь с меховым я подбоем,
было б тепло нам обоим».
Я отвечаю плащу:
«Где же я денег сыщу?
Бедность — большая помеха
в приобретении меха.
Как мне с тобой поступить,
коль не могу я купить
даже простую подкладку?..
Дай-ка поставлю заплатку!»

ПРОКЛЯТИЕ

Шляпу стибрил у меня
жулик и притвора.
Всеблагие небеса,
покарайте вора!
Пусть мерзавца загрызет
псов бродячих свора!
Пусть злодей не избежит
божья приговора!

Да познает негодяй
вкус кнута и плетки,
чтобы грудь и спину жгло
пламенем чесотки!
Пусть он мается в жару,
чахнет от чахотки.
Да изжарит подледа
черт на сковородке!

Пусть он бродит по земле
смертника понурей,

пусть расплата на него
грянет снежной бурей!
Пусть в ушах его гремит
жуткий хохот фурий.
Пусть его не защитит
даже сам Меркурий!

Пусть спалит господень гнев
дом его пожаром,
пусть его сразит судьба
молнии ударом!
Стань отныне для него
каждый сон кошмаром,
чтобы знал, что воровство
не проходит даром!

Сделай, господи, чтоб он
полным истуканом
на экзамене предстал
пред самым деканом.
Положи, господь, предел
кражам окаянным
и, пожалуйста, не верь
клятвам покаянным!

КОЛЕСО ФОРТУНЫ

Слезы катятся из глаз,
арфы плачут струны.
Посвящаю сей рассказ
колесу Фортуны.
Испытал я на себе
суть его вращения,
преисполнившись к судьбе
чувством отвращения.
Мнил я: вверх меня несет!
Ах, как я ошибся,
ибо, сверзшийся с высот,
вдребезги разшибся
и, взлетев под небеса,
до вершин почета,
с поворотом колеса

плюхнулся в болото.
Вот уже другого ввысь
колесо возносит...
Эй, приятель! Берегись!
Не спасешься! Сбросит!
С нами жизнь — увы и ах! —
поступает грубо.
И повержена во прах
гордая Гекуба.

ВЗБЕСИВШИЙСЯ МИР

Блуд и пьянство
в христианство
золотой привнес телец.
Мир разврата
без возврата
в Тартар рухнет наконец.
Наши души
ночи глуше,
наши хищные сердца
осквернили,
очернили
всемогущего отца.
Блудодейство,
лиходейство,
воровство, разбой и мор!..
Мир греховный!
Суд верховный
грозный вынес приговор.
Тлена тленней
лист осенний.
Навзничь падают дубы.
Не спасете
бренной плоти
от карающей судьбы.
Все улады
без пощады
смерть сметет в урочный час.
Так покайтесь!
Попытайтесь,
чтоб господь хоть душу спас!

Надо всеми
в паше время
меч возмездья занесен.
Безутешен
тот, кто грешен,
тот, кто праведен,— спасен!
Скажем людям:
«О, пробудим
совесть спящую свою!
Коль пробудим,
так пребудем
не в геенне, а в раю!»

СТАРЕЮЩИЙ ВАГАНТ

Был я молод, был я знатен,
был я девушкам приятен,
был силен, что твой Ахилл,
а теперь я стар и хил.

Был богатым, стал я нищим,
стал весь мир моим жилищем,
горбясь, по миру брожу,
весь от холода дрожу.

Хворь в дугу меня согнула,
смерть мне в очи заглянула.
Плащ изодран. Голод лют.
Ни черта не подают.

Люди волки, люди звери...
Я, возросший на Гомере,
я, былой избранник муз,
волочу проклятья груз.

Зренье чахнет, дух мой слабнет,
тело немощное зябнет,
еле теплится душа,
а в кармане — ни шиша!

До чего ж мне, братцы, худо!
Скоро я уйду отсюда
и покину здешний мир,
что столь злобен, глуп и сир.

СНЕЖНОЕ ДИТЯ

Я расскажу вам, не шутя,
рассказ про снежное дитя...
Жила-была на свете баба —
жена доверчивого шваба.
Был этот шваб купцом, видать.
Ему случалось покидать
пределы города Констанца.
Уедет — в доме смех и танцы.
Муж далеко. Зато жена
толпой гуляк окружена,
ватагой странствующих мимов,
шутов, вагантов, пилигримов.
Ну, словом, благородный дом
был превращен в сплошной Содом.
Не удивительно, что вскоре,
покуда муж болтался в море,
раздулось брюхо у жены
(тут объяснения не нужны),
и, как велит закон природы,
в урочный час случились роды,
явился сын на белый свет...
Затем прошло еще пять лет...
Но вот, закончивши торговлю,
под обещанную кровлю
из дальних странствий прибыл муж.
Глядит: ребенок! Что за чушь?!
«Откуда взялся сей мальчишка?!»
Дрожит жена: «Теперь мне крышка».
Но тут же, хитрости полна,
затараторила жена:
«Ах, обо мне не думай худо!
Случилось истинное чудо,
какого не было вовек:
сей мальчик — снежный человек!
Гуляла в Альпах я однажды
и вдруг занемогла от жажды,
взяла кусочек снега в рот, —
и вскоре стал расти живот.
О, страх, о, ужас! Из-за льдышки
я стала матерью мальчишки.
Считай, что снег его зачал...»
Супруг послушал, помолчал,

а через два иль три годочка
с собой взял в плаванье сыночка
и, встретив первого кунца,
за талер продал сорванца,
Потом вернулся он к супруге:
«Мы были с мальчиком на юге,
а там ужасный солнцепек.
Вдруг вижу: парень-то потек
и тут же превратился в лужу,
чтоб ты... не изменяла мужу!»
Сию историю должна
запомнить всякая жена.
Им, бабам, хитрости хватает,
но снег всегда на солнце тает!

ПЕСНЬ ПРО ЛГУНА

Эй, слушай, старый, слушай, малый,
рассказ про случай небывалый,
что сделал зятем короля
неисправимого враля.

Воззвал король однажды с трона:
«Любой, кто, не страшась закона,
всех лучше врет у нас в краю,
получит в жены дочь мою!»

Одушевленный сим указом,
шваб, даже не моргнувши глазом,
пред королем заговорил:
«Вчера я зайца подстрелил,

его разделал на жаркое.
И вдруг — о, диво! Что такое?!
Гляжу и сам не верю: он
по горло медом начинен.

А вслед за тем из брюха зайца
златые выкатились яйца,
кольцо с брильянтами, алмаз
и высочайший твой указ,

где я наследником объявлен...»
«Наглец! Ты был бы обезглавлен,—
король в восторге заорал,—
когда бы чуть поменьше врал!

Но прекратим допрос дальнейший.
Отныне ты мне друг первейший.
Ты — главный лжец у нас в краю!
Бери-ка в жены дочь мою!»

БОГАТЫЙ И НИЩИЙ

Нищий стучится в окошко:
«Дайте мне хлеба немножко!»
Но разжиревший богач
зол и свиреп, как палач.
«Прочь убирайся отсюда!...»
Вдруг совершается чудо:
слышится ангельский хор.
Суд беспощаден и скор.
Нищий, моливший о хлебе,
вмиг поселяется в небе.
Дьяволы, грозно рыча,
в ад волокут богача.
Брюхо набил себе нищий
лакомой райскою пищей —
у богача неспроста
слюнки текут изо рта.
Нищий вино попивает,
бедный богач изнывает:
«Хоть бы водицы глоток!..»
...Льют на него кипяток.

ИСПОВЕДЬ АРХИПИИТА КЕЛЬНСКОГО

С чувством жгучего стыда
я, чей грех безмерен,
покаяние свое
огласить намерен.

Был я молод, был я глуп,
был я легковерен,
в наслаждениях мирских
часто неумерен.

Человеку нужен дом,
словно камень, прочный,
а меня судьба несла,
что ручей проточный,
влек меня бродяжий дух,
вольный дух порочный,
гнал, как гонит ураган
листик одиночный.

Как без кормчего ладья
в море ошалелом,
я мотался день-деньской
по земным пределам.
Что б сидеть мне взаперти?
Что б заняться делом?
Нет! К трактирщикам бегу
или к виноделам.

Я унылую тоску
ненавидел сроду,
но зато предпочитал
радость и свободу
и Венере был готов
жизнь отдать в угоду,
потому что для меня
девки — слаще меду!

Не хотел я с юных дней
маяться в заботе —
для спасения души
позабыв о плоти.
Закружившись во хмелю,
как в водовороте,
я вещал, что в небесах
благ не обретете!

О, как злились на меня
жирные прелаты,

те, что постникам сулят
райские палаты.
Только в чем, скажите, в чем
люди виноваты,
если пламенем любви
их сердца объаты?!

Разве можно в кандалы
заковать природу?
Разве можно превратить
юношу в колоду?
Разве кутаются в плащ
в теплую погоду?
Разве может пить школяр
не вино, а воду?!

Ах, когда б я в Кельне был
не архиинитом,
а Тезеевым сынком —
скромным Ипполитом,
все равно бы я примкнул
к здешним волокитам,
отличаясь от других
волчьим аппетитом.

За картежною игрой
провожу я ночи
и встаю из-за стола,
скажем, без сорочки.
Все продуту до гроша!
Пусто в кошелечке.
Но в душе моей звенят
золотые строчки.

Эти песни мне всего
на земле дороже:
то бросает в жар от них,
то — озноб по коже.
Пусть в харчевне я помру,
но на смертном ложе
над поэтом-школяром
смилуйся, о боже!

Существуют на земле
всякие поэты:

те залезли, что кроты,
в норы-кабинеты.
Как убийственно скучны
их стихи-обеты,
их молитвы, что огнем
чувства не согреты.

Этим книжникам претят
ярость поединка,
гомон уличной толпы,
гул и гогот рынка;
жизнь для этих мудрецов —
узкая тропинка,
и таится в их стихах
пресная начинка.

Не содержат их стихи
драгоценной соли:
нет в них света и тепла,
радости и боли...
Сидя в кресле, на заду
натирать мозоли?!
О, избавь меня, господь,
от подобной роли!

Для меня стихи — вино!
Пью единым духом!
Я бездарен, как чурбан,
если в глотке сухо.
Не могу я сочинять
на пустое брюхо.
Но Овидием себе
я кажусь под мухой.

Эх, друзья мои, друзья!
Ведь под этим небом
жив на свете человек
не единым хлебом.
Значит, выпьем, вопреки
лицемерным требованиям,
в дружбе с песней и вином,
с Бахусом и Фебом...

Надо исповедь сию
завершать, пожалуй.

Милосердие свое
мне, господь, пожалуй.
Всемогуший, не отринь
просьбы запоздалой!
Снисходительность яви,
добротой побалуй.

Отпусти грехи, отвед,
блудному сыночку.
Не спеши его казнить —
дай ему отсрочку.
Но прерви его стихов
длинную цепочку,
ведь иначе он никак
не поставит точку.

АПОКАЛИПСИС ГОЛИАРДА

Солнечным полднем, под липой тенистою,
славил я песнями деву пречистую,
вдруг — не пойму, наяву иль во сне, —
сам Пифагор обратился ко мне.

Скорбь омрачала лицо Пифагорово,
скорбь излучал опечаленный взор его,
и, преисполняясь тоски неземной,
рек он таинственно: «Следуй за мной!

Небом я послан тебе в провожатые!»
И, нескрываемым страхом объятые,
мы поспешили вступить на тропу,
где повстречали большую толпу.

Тут из толпы, о пощаде взывающей,
выступил ангел, что солнце сияющий,
и повелел мне глаза протереть,
дабы великое чудо узреть.

«Сам над собой человек надругается!
Страшная гибель на мир надвигается!
Стой и замри!.. Ты услышишь сейчас
с горних высот обвиняющий глас!»

Взвыл ураган, и, моля о спасении,
я оказался средь землетрясения,
а над дрожащими пиками гор
некто уже оглашал приговор:

«Знайτε, земли недостойные жители!
Вас погубили священнослужители!
Днесь повторилось, что было вчера:
продан Спаситель за горсть серебра!

Пьянствуя, лакомясь сладкими блюдами,
стали отцы пресвятые Иудами!
Паства без пастыря бродит во тьме,
ибо у пастыря блуд на уме!

О, наглецы, на людей не похожие!
Мир обезумел от скверны безбожия
и, надругаясь над святостью месс,
в душах безбожных беснуется бес!

Так преступленье вершится великое!
Папство глумится над вышним
владыкою!

Лжепроповедников злые уста
дважды и трижды распяли Христа!

Что им господь? Что святая им троица?
Лишь бы скитрить да получше
устроиться..
все христианство погрязло в грехах
из-за того, что творится в верхах.

Архиепископ в великую пятницу
в грязном притоне ласкает развратницу!
Стал ведь однажды Юпитер быком,
мерзкою похотью в бездну влеком!

Ах, из-за вас, из-за вас, проповедники,
вздулись у многих бедняжек передники!
Ради притворства сутаны надев,
скольких же вы перепортили дев!

Вы, кто вершит злодеянья позорные!
Вам не помогут молитвы притворные!

**Господа хитростью не побороть!
Страшною казнью казнит вас господь!»**

**В то же мгновение ангел сияющий
поднял с земли стебелек засыхающий
и записал в моем брэнном мозгу
все, что сейчас вам поведать могу.**

**Тут же неведомой силой чудесною
был я взнесен в высоту поднебесную
и, не встречая препятствий, проник
в третьего неба заветный тайник.**

**О, что узрел, что узнал я!.. Судейские
наши дела разбирали злодейские!
Нашему миру — о, голод! о, мор! —
вынесли смертный они приговор.**

**Не избежать никому наказания!
Сам я едва не лишился сознания,
но у меня эта жуткая весть
вдруг пробудила желание есть.**

**Ангелы божьи в плащах одинаковых
дали отведасть мне зернышек маковых,
в Лету меня окунули потом
и напоили каким-то питьем.**

**Тут я на землю упал, чтоб впоследствии
вам рассказать о грядущем к нам бедствии,
и приготовил пространную речь,
чтобы вас, грешники, предостеречь!**

**Ждет нас несчастье невероятное!..
Но говорю почему-то невнятно я:
знать, пересекши рубеж бытия,
крепкого слишком отведал питья!**

ПРИЗЫВ К КРЕСТОВОМУ ПОХОДУ

**Что предрекает царь Давид,
осуществить нам предстоит,
освободив господня сына
от надругательств сарацина!**

В неизъяснимой доброте,
принявший муку на кресте,
к тебе взывают наши песни,
и клич гремит: «Христос, воскресни!»

Мы не свернем своих знамен,
покуда гроб твой осквернен,
вовек оружия не сложим,
покуда псов не уничтожим!
Неужто Иерусалим
мы сарацину отдадим?
Неужто не возьмем мы с бою
сей град, возлюбленный тобою?!

Господь, проливший кровь за нас!
Поверь, мы слышим: пробил час
тебя спасти от мук безмерных,
мечи обрушив на неверных!
О, мы, погрязшие в грехах,
преодолеем низкий страх,
с победой в град священный вступим
и тем грехи свои искупим!

О, всемогущею рукой
ты сам, без помощи людской,
врагов изгнал бы окаянных
из этих мест обетованных.
Но, милосердьем одержим,
ты разрешил стадам своим,
сомкнувшись в грозные дружины,
избыть бесчисленные вины!

ПРОТИВ СИМОНИИ

Глас услышите вы ныне
вопиющего в пустыне.
Бог того, кто согрешил,
милосердия лишил.
Скоро гром над всеми грянет,
мир продажный в пропасть канет,
божий гнев замкнет уста
осквернителей Христа!

Посмотрите: в самом деле
честь и совесть оскудели,
правда спит, убит закон,
превратился храм в притон.
Да, не выразить словами,
что творится в божьем храме,
где святейшие ханжи
совершают грабежи.
От аббата до прелата
духовенство алчет злата,
под прикрытием сутан
обирая христиан.
Дни ужасные настали.
Розы терниями стали,
вера в господу мертва
из-за Симона, волхва.
Симон, Симон, волхв презренный,
обесчестив сан священный,
всюду свой справляет пир,
развратив, испортив клир.
Ныне поп в любом приходе
бредит только о доходе.
Загляните в каждый храм:
Симон тут и Симон там.
Тех, с кого он получает,
он особо отличает:
сунешь в лапу — вверх пойдешь,
а не сунешь — пропадешь!
Все на свете продается,
всяк разврату предается.
Стать святым желает вор?
Сунь! — и кончен разговор!
Ошалевши от богатства,
Симон хапает аббатства
и дружкам своим — смотри! —
раздает монастыри.
О, небесная царица!
Как понять, что здесь творится?!Неужель навек подпасть
нам под Симонову власть?
Нет! Такого быть не может!
Добрым людям бог поможет.
Ниспослать давно пора
к нам апостола Петра.

Он злодея в ад низринет,
и — глядишь — вся шайка сгинет,
чтобы снова расцвела
жизнь, спасенная от зла.

Аминь!

* * *

Ложь и злоба миром правят.
Совесьть душат, правду травят,
мертв закон, убита честь,
непотребных дел не счесть.
Заперты, закрыты двери
доброте, любви и вере.
Мудрость учит в наши дни:
укради и обмани!
Друг в беде бросает друга,
на супруга врет супруга,
и торгует братом брат.
Вот какой царит разврат!
«Выдь-ка, милый, на дорожку,
я тебе подставлю ножку», —
ухмыляется ханжа,
нож за пазухой держа.
Что за времечко такое!
Ни порядка, ни покоя,
и господень сын у нас
вновь распят, — в который раз!

ВОСХВАЛЕНИЕ ИСТИНЫ

Правда правд, о истина!
Ты одна лишь истинна!
Славит наша здравица
ту, что может справиться
со лгунами грязными,
с их речами праздными,
с пресвятыми сворами,
что живут поборами,

с судьями бесчестными,
в сих краях известными,
с шайкою мошенников
в звании священников,
с теми лежебоками,
что сльвут пророками,
с бандою грабителей
из иных обителей,
христиан морочащих,
господа порочащих!

ГАРТМАН ФОН АУЭ

ок. 1168 — ок. 1210

БЕДНЫЙ ГЕНРИХ

На свете рыцарь Гартман жил,
усердно господа служил
и читывал, бывало,
мудреных книг немало.
Иная повесть давних дней
стара как мир, но скрыто в ней
не просто развлечение —
скорбящему лечение
и утешенье в трудный час,—
но и молитва про запас,
а также в равной мере
призыв к любви и к вере...
Да, Гартман выдумал не сам
рассказ, что он расскажет вам:
здесь все из книжек взято,
им читанных когда-то.
Но не считите за порок,
что он в начало этих строк
вписал свое прозвание
в надежде на признание
и на заслуженный почет,
чтоб вы, кто труд его прочтет,
воскликнули бы с жаром:
«Сей Гартман жил не даром!
Недаром жил, писал не зря,
и пусть небесного царя
с ним будет милосердье

за все его усердь!..»
Так, из истории одной,
рожденной швабской стариной,
проведал Гартман ныне
о юном господине:
он был красив, изыскан, смел,
он недостатков не имел,
нет, люди в нем приметили
одни лишь добродетели.
Ничем судьбой не обделен,
высокороден, щедр, умен,
богат и, как известно,
прославлен повсеместно,—
он всем богатствам предпочесть
мог незапятнанную честь
и неподкупность совести,
как явствует из повести.

Он звался Генрих... Здесь у нас
мы, в графстве Ауэ, много раз
слыхали это имя
не наряду с другими,
а среди отважнейших бойцов,
кто до конца стоять готов,
не отступив ни шагу,
служба добру и благу...
Итак, продолжим наш рассказ.
Был Генрих верности алмаз,
зерцало чистой радости,
венец беспечной младости,
корона скромности святой
в соединенье с добротой,
щит и опора слабым...
Недаром был он швабом!

Он в каждом деле меру знал
и всякий труд воспринимал
как доброе деяние
и щедрое даяние,
ниспосланное нам творцом...
И, наконец, он был певцом,
в стихах любовь воспевшим,
в искусствах преуспевшим:

его столь внятный, честный слог
любое сердце тронуть мог,
и чуть ли не полсветом
он признан был поэтом...

И вот, когда, казалось бы,
сей юный баловень судьбы
мог цвести, почет вкушая,
стряслась беда большая.

Беда стряслась, и грянул гром,
и Генрих, как Авессалом,
скорбя, познал мгновенно,
что все на свете бrenно,
что и на пиршестве подчас
подстерегает гибель нас,
о чем упоминанье
имеется в Писанье...

Смертные! С истиной этой не спорьте:
«Media in vita sumus in morte»,
то есть: «Средь жизни в лапах у смерти».

К себе изречение это примерьте.

Самые сильные, стойкие, смелые,—
все мы как груши сгнием переспелые.

О, приглядитесь к горению свечи,
рьяно пылающей в темной ночи!

Разве она, что ваш дом озаряет,
в рвенье бездумном дотла не сгорает?

Свет ее ярок, да короток век.

И не подобен ли ей человек?

Как бы мы ни были жизнью испытаны,
плоть наша тленна, а дни наши считаны.

В горьких слезах угасает наш смех.

(Это, к несчастью, касается всех...)

Желчью сладчайшие блюда приправлены,
ядом медовые вина отравлены,
ветер внезапный, свиреп и жесток,
в пору цветенья срывает цветок...

Все это Генрих на себе
узнал, когда в его судьбе
внезапно и мгновенно

свершилась перемена.

Слепой ли в том виновен рок?

Нет! Кто, от господа далек,

ликует безмятежно,
тот гибнет неизбежно!

Итак, возросший средь забав,
богач, красавец, юный граф
был поражен проказой —
зловещею заразой.
И только признаки беды —
недуга страшные следы —
на юном этом теле
сторонние узрели,
как отвернулись от него
немедля все до одного,
кто с ним делили смладу
беспечных дней усладу.
Он сразу стал невыносим
всем, кто еще недавно с ним
(что было крайне лестным!)
в родстве считался тесном.
Такой же в точности удел
злосчастный Иов претерпел,
когда к нему вломилась
всевышнего немилость.
Но если, истину ища,
воспринял Иов не ропща
костей своих гниенье
как волю провиденья,
и рад был до скончанья дней
во всем повиноваться ей,
и в столь ужасном виде,
не будучи в обиде
на грозный божий приговор,
а устремивши к небу взор,
всевышнему молился,
чтоб тот к нему явился, —
то бедный Генрих средь невзгод
взроптал на человеческий род,
в переизбытке горя
с самой природой споря.

Он, погружаясь в крошечный мрак,
поник, осунулся, обмяк,
забилось сердце глухо,
за недостатком духа.
И стал его бессмыслен взгляд,
и мед преобразился в яд,
и тучей день затмился:

так тяжело он томился.
И свет в очах его померк,
он мир презрел и жизнь отверг,
прокляв без снисхождения
час своего рожденья.
Но духом он воспрянул вдруг,
прослышав, что его недуг
относят к излечимым
по еле различимым
оттенкам кожи на лице,
что где-то в некоем селце
был кем-то кто-то встречен,
кто полностью излечен.
И в Монпелье он держит путь,
дабы надежду почерпнуть
и с помощью лекарства
избуть судьбы коварство.
Но горек был врачей ответ:
лекарства от проказы нет.
И он, скорбя безмерно,
направился в Салерно.
Но, к сожалению, и там,
попав к великим докторам,
он не добился толку
и плакал втихомолку,
мечтая все-таки найти
того, кто б мог его спасти.
И с лекарем первейшим
он встретился в дальнейшем.
И от него услышал весть:
«Ты излечим, лекарство есть,
но верить в исцеление
напрасно тем не менее...»

Стал Генрих бледен как мертвец.
«Я не пойму тебя, мудрец!
Ты сердце мне не мучай
загадкой этой жгучей.
Коль я и вправду исцелим,
лечи меня питьем своим!
Излечишь — и богатой
тебе воздам я платой:
алмазы, жемчуг, изумруд...
А хочешь — самый тяжкий труд

я выполню с охотой,
спасен твоей заботой...»
«Алмазы, жемчуг... Что за вздор! —
ответил врач, потупив взор. —
Поймите, бога ради:
тут дело не в награде.
Открыть вы просите секрет?
Что ж... Я б открыл, да толку нет.
Ведь в том-то и коварство,
что есть одно лекарство,
которое бы вас спасло,
все ваши беды унесло,
но я даю вам слово —
нет удальца такого,
чей ум, богатство или власть
могли б добыть, отнять, украсть,
купить хоть за полцарства
заветное лекарство.
Жаль, что и я помочь не смог.
Отныне врач вам — только бог...»
Как громом пораженный,
стоял наш прокаженный:
«Я проклят богом и людьми!
Богатство, деньги — все возьми,
вплоть до моей одежды,
но не лишай надежды!»
И врач — светило из светил —
страдальца в тайну посвятил:
«Услышать приготовься:
то — не лекарство вовсе!
То — не питье и не трава
и не волшебные слова,
то — силы неба, где вы?! —
кровь убиенной девы!
Невинную должны убить,
чтоб ты смог кровь ее добыть
и, той омывшись кровью,
вновь обрести здоровье!
Но знай: насилие и разбой
тебе заказаны судьбой!
Здесь надобно желанье
идущей на закланье.
Но, обойди хоть целый свет,
кто б захотел во цвете лет

погибнуть за другого?!
Я не встречал такого!
И вряд ли девственницы есть,
что были б рады предпочесть
сей нашей жизни грешной
могильный мрак крошечный...
Итак, прощай, мой бедный друг.
Я все сказал... Замкнулся круг...
Не всемогущ Спаситель —
единственный целитель».

И бедный Генрих отчаялся крайне,
приобщенный к великой и страшной тайне:
в этом мире никто за него умереть не захочет,
даже если проказа его источит!
И тогда решил он домой возвратиться,
чтоб добром своим вовремя распорядиться,
ибо жить на свете осталось мало
и надежд никаких у него не стало.
Так окрестные монастыри и аббатства
получили весьма большие богатства
от лица, оставшегося неизвестным,
с пожеланием к настоятелям местным,
чтоб они за душу его помолились
и чрез это грехи чтоб ему простились...
К небывалым страданиям став причастным,
он тайком помогал горемычным, несчастным,
своим дальним родичам обнищавшим,
даже в доме его никогда не бывавшим.
И у многих довольством нужда сменилась,
и казалось, что все это им приснилось.
Ну, а бедный Генрих решил понемногу
собираться в последнюю дорогу,
а покуда укрыться от всех подале,
чтобы люди и вовсе его не видали.
Но куда бы он ни пришел, ни вышел,
всюду стон стоял, всюду плач он слышал:
«О господь! Прегрешения отпусти нам
и над нашим смилуйся господином!»
Это — слух пополз о его болезни...
Сам же он, оказавшись в бездонной бездне,
тоже горько стонал и, терзаясь люто,
все искал утешения и приюта.
Долго Генрих бродил по дорогам окольным

и сошелся с одним хуторянином вольным.
Хуторянин в достатке жил и покое.
(Крепостным и не снится житье такое,—
целый век их давит поборов бремя
и, в ярме, они попираемы всеми...)
То-то радость Генриху!.. Раб его бывший,
снисхождение господское заслуживший,
получивший волю из графских рук,
стал богаче всех прочих крестьян вокруг.
До чего же Генриху видеть приятно
мужика, живущего столь опрятно,
неустанно занятого трудом!..
И с отрадой вступил он в сей мирный дом.
И хоть Генрих весь в язвах был от проказы,
хуторянин не убоился заразы,
а принял гостя с великим почтеньем,
чтобы скрасить болезнь ему своим попеченьем,
То бог вложил в простолюдина
чистую душу христианина.

Он крепок телом. Его жена
мила, дородна и мужу верна.
И дети украшают дом,
на радость матери с отцом.
И в этой вот семье простой,
сияя кротостью святой,
нежнее ангелочка,
росла меньшая дочка.
Она, еще дитя почти,
годов не больше девяти,
дышала лишь Христовым
учением и словом.
И так она решила жить,
чтобы однажды заслужить
его благоволенье,
хоть на одно мгновенье.
Казалось: тот, кто вездесущ,
ее взрастил средь райских кущ:
в ней, созданной предвечным,
все было безупречным...
Старшие — сестры или брат —
порой держаться норовят
(без умысла дурного)
подальше от больного,
зато она все время с ним.

(О, как порыв сей объясним!)

Все дни над ним хлопочет,
расстаться с ним не хочет,
Невиннейшее существо,
она в страдании его
господень перст узрела,
и сила в ней созрела.

И Генрих привязался к ней,
Ах, дружбы чище и верней
ведь и на самом деле
он не встречал доселе.

И он дарил ей все, что мог:
то зеркальце, то поясок,
то новую гребенку.

Что надобно ребенку?
И добрым словом привечал,
и шутки ради величал,
без тени мысли скверной,
своею благоверной.

И, этим прозвищем горда,
она и вправду никогда
его не покидала

и вместе с ним страдала.

И то была Христова кровь,
жизнь, перешедшая в любовь,
что в детском сердце этом
пылала дивным светом...

И так три года истекло.

И хоть страдал он тяжело,
а немощное тело

почти что омертвело,
согрет был Генрих тем теплом,
что согревало этот дом,
в семействе, столь счастливом,
сколь и благочестивом.

Желая Генриху помочь,
все трое — мать, отец и дочь —
по вечерам сидели
вблизи его постели...

Так и в ненастный вечер тот,
уставши от дневных забот,
все пребывали снова
у бедного больного

и горевали вместе с ним,
что злобный рок неумолим...
Хозяина немало
грядущее пугало.
И вправду знал он наперед,
что вслед за тем, как граф умрет,
придет властитель новый,
воистину суровый,
кто их нещадно разорит...
И хуторянин говорит:
«Вы нас не обездольте...
Вопрос задать дозвольте!
О, наш любимый господин,
хоть я и дожил до седины,—
соображаю скверно:
я слыхивал, в Салерно
полно великих докторов,
презнаменитых мастеров.
Что толку в их науке,
коль длятся ваши муки?..»

И бедный Генрих зарыдал:
«Я твоего вопроса ждал.
Но лекарь здесь не нужен:
сей жребий мной заслужен...
Да,— Генрих, всхлипнув, продолжал,—
я, жалкий червь, воображал,
что я добыл по праву
богатство, власть и славу
и что открыты предо мной
ворота радости земной,
что ждут меня утехы
за некие успехи.
Но позабыл я лишь одно:
все это богом мне дано,
а то, что им дается,
то и назад берется.
Так я, глупейший из глупцов,
вообразил в конце концов,
что обойдусь без бога,
имеючи столь много
земель и всякого добра,
и коль судьба ко мне добра,
то ждут меня тем паче

всегда одни удачи,
что все добыть могу я сам,
не обращаясь к небесам...
И вот я гибну ныне
из-за своей гордыни!
Небес захлопнулись врата,
иссякла божья доброта,
его любви мне не вернуть,
мне в светлый рай заказан путь,
за спесь меня казнит господь,
вконец моя прогнила плоть,
страшны мои мучения,
и нет мне излечения!
Глумление злых людей сношу,
от добрых спрятаться спешу,
чтоб жутким обликом своим
не омрачать веселья им,
и сам стыжусь уroda,
которого природа
лишила попросту всего:
ведь я уродливей его.
Вот что такое гнев господень!..
Однако сколь ты благороден,
ты, и жена твоя, и дочь!
Меня вы не прогнали прочь,
судьбы не устрашились,
а как бы приобщились
к огню, в котором я горю.
Но чем вас отблагодарю?
Ведь я-то жду, поверьте,
всего лишь близкой смерти.
Так есть ли на земле на всей
беда ужаснее моей?
И я, в предсмертной боли,
не властелин ваш боле.
Но ты, мой друг, жена твоя,
ты, благоверная моя,
поверьте, что сторицей
(небесною клянусь царицей!)
воздастся вам когда-нибудь
за вашу праведную суть,
за все добросердечье
к познавшему увечье...

Ну, а теперь на твой вопрос
ответчу, не скрывая слез:
в Салерно в самом деле
провел я две недели,
у всех врачей перебивал,
но тщетно, тщетно к ним взывал
и слезы лил обильно:
искусство их бессильно!
И вдруг, представь, я узнаю:
чтоб излечить болезнь мою,
на смерть должна решиться,
ножа не устрашиться
одна из мужественных дев,
что, смертный страх преодолев,
под нож зловеший ляжет,
себя убить прикажет.
И нож ей сердце рассечет,
и кровь из сердца потечет,
и, той омывшись кровью,
я обрету здоровье.
Но так уж создан род людской,
что не найти души такой,
которая готова
погибнуть за другого.
И обречен я на позор,
пока господень приговор
не снимет в час кончины
с меня моей кручины...»
И, услышав, что Генрих сказал отцу,
обратила дева молитвы к творцу,
и она стояла в ногах господина,
словно ангел небесный, чиста и невинна.
И пока говорил он, она замерла
и слова его в сердце своем заперла,
чтобы спрятать их там до глубокой ночи,
и слеза ей туманила ясные очи.
А когда опустилась ночная мгла,
она сон родительский стерегла,
и, в ногах у них лежа, едва дышала,
и слезами ноги их орошала.
И тогда проснулись отец и мать,
и они не могли ничего понять:
отчего их дочь лишилась покоя,
не стряслось ли с ней несчастье какое?

Не хотела она сказать ни слова,
но отец посмотрел на нее сурово,
и она, повинуясь отцовской воле,
отвечала: «Страшусь я ужасной доли,
ожидающей нас, как сразит кончина
дорогого нашего господина.
И добро и честь мы тогда утратим,
навсегда отмеченные проклятием.
Не дожидаться такого графа нам боле,
и опять мы окажемся в злой неволе».
«Ты права,— родители отвечали,—
мы и сами-то вне себя от печали.
Но хоть жизнь безрадостна и жестока,
в причитаниях наших не много прока.
Не поможем графу мы ни слезами,
ни своими жалостными словами.
И пускай нас самих ожидают напасти,
изменить все это не в нашей власти.
Мы веленью господя не перечим,
так что, видишь, графу помочь нам нечем...»

Крестьянин мнил утешить дочь,
а между тем она всю ночь
ни разу не сомкнула глаз,
и жар в ее груди не гас.
И снова сутки протекли,
вновь спать родители легли,
а дева в то мгновенье
свершает омовенье.
Во глубине ее души,
в той заповеданной тиши,
решение созрело:
пасть за святое дело!
Недетской твердости полна,
молилась истово она.
О, как легко и сладко
до капли, без остатка,
за господина жизнь отдать!
О, только бы отец, и мать,
и граф, в своей печали,
перечить ей не стали!
Ужасен был бы их запрет!
Где явь? Где сон? Где смысл? Где бред?..
О небо! Смилуйся над ней!..

Но тут родительских ушей
стенания коснулись,
и мать с отцом проснулись.
«Да что же ты с собой творишь?
Да ты вторую ночь не спишь!
И мы не спим из-за тебя!
Утешься... Пощади себя...
Господь терпел и нам велел.
И состраданию есть предел.
Да ты сама едва жива!..»
Увы! Напрасны все слова!
О мыслях, что в ней созревали,
крестьяне не подозревали.
Тогда ответила она:
«Погибнуть скоро я должна
за господина своего!
Да вы ведь сами от него
узнали обо всем подробно...
Что исцелить его способно,
известно, стало быть, и вам.
И я ему всю кровь отдам,
лекарством нужным обладая:
чиста, невинна, молода я,
и хватит духа у меня,
жестокой смерти не кляня,
пасть ради графа дорогого,
коли нет выхода другого!»
Отец и мать в печали
сладчайшей отвечали:
«Забудь, забудь об этом, дочь.
Не в силах ты ему помочь,
ведь ты совсем еще дитя,
а смерть приходит, не шутя,
кого угодно скосит
да имени не спросит.
Благодарение судьбе,
со смертью встретиться тебе
с тех пор, как ты родилась,
еще не доводилось.
А что такое «умереть»?
Вовек не просыпаться впредь,
вовек не видеть света.
Пойми, что значит это!
Страшись к сей бездне подойти!

Назад оттуда нет пути:
моления безответны
и сожаленья тщетны.
Спешим тебя предостеречь:
смотри, идет о жизни речь!
А что — помилуй боже! —
на свете есть дороже?..»
Так бедные отец и мать
пытались дочь увещевать
то ласковым и добрым словом,
то наставлением суровым.
И дочь сказала наконец:
«Мой добрый, дорогой отец!
Хоть небогата я умом,
и прежде знала я о том,
что смерть, сжирая все живое,
в мои года страшнее вдвое.
Но кто до старости дотянет,
счастливей все равно не станет.
Ведь смерть нагрянет и к нему,
и все, чем жил он, — ни к чему!
Увы, не стоило трудиться,
на свет не стоило родиться,
когда нам, смертным, суждено,
сейчас ли, завтра, — лишь одно!
Я предпочту иную участь:
угаснуть в юности, не мучась,
и вместо жизни быстройтечной
вкусить улады жизни вечной.
Я знаю: милостивый бог
меня допустит в свой чертог,
и нет у вас причины
для столь большой кручины...
Родимые отец и мать!
Молю: не надо горевать,
на небо негодуя.
Все беды отведу я
от дома нашего, от вас.
Едва пробьет мой смертный час,
воспрянет повелитель —
наш добрый покровитель.
Коль будет здравствовать наш граф,
никто не тронет ваших прав,
но бедствия неотвратимы,

коль смерть его не отвратим мы.
Теперь вам ясно, почему
свой жребий с легкостью приму.
Пора спешить, пока не поздно!
Беда нависла грозно!..»
Мать безутешно слезы льет:
«Душа-то у тебя не лед!
Ты только, доченька, подумай,
как много в жизни сей угрюмой
познали горя мы и зла,
покуда ты не подросла!
Все, что смогли, тебе мы дали,
но не такой мы платы ждали.
За что же ты мне сердце рвешь?
Нет! Замысел твой нехорош!
Ведь ты, давая свой обет,
ввергаешь нас в пучину бед.
Иль не завещано творцом
чтить после бога мать с отцом?!
Иль бог послушным детям
не платит долголетьем,
чтоб после их принять в раю?!
Ты молодую жизнь свою
сама отдать нам рада?
Нам этого не надо!
На что он, граф, с его добром?
Коль ты умрешь, и мы умрем,
лишившись дочери родной:
ведь живы мы тобой одной.
Ты в жизни всем была для нас:
отрадой старых наших глаз,
и солнечным весенним светом,
и девственности юным цветом,
успевшим дивно расцвести,
была нам посохом в пути,
была нам нашим раем...
И мы тебя теряем?
Беспомощные старики,
ужель рассудку вопреки
мы жить должны в тоске постылой,
рыдая над твоей могилой?
Нет, дочка, этого не будет!
Иначе бог тебя осудит!..»

И дева отвечает ей:
«Что есть родителей родней?
Какими высказать словами,
в каком долгу я перед вами?
Любовью вашей рождена,
сколь щедро я награждена!
Без вас была бы я несчастна:
я это помню ежечасно.
Вы дали сердцу моему
любовь и силу, страсть — уму
и наделили красотою,
которой, может, я не стою:
повсюду люди говорят,
что на земле на всей навряд
еще отыщется девица,
что красотой со мной сравнится.
И не было б страшнее зла,
когда б послушаться смогла
или обидеть вас коварно
я, кто навек вам благодарна!..
Тебя, моя родная мать,
святой готова я назвать.
Так загляни в мою ты душу:
с годами я все больше трушу,
чтоб твердый дух мой не ослаб
и жертвой сатанинских лап
внезапно плоть моя не стала,
чтоб муки я не испытала,
вдруг над собой утратив власть!
О, как легко в безумье впасть!
А где ж душе ограда
от злобных козней ада?!Жизнь — это пагуба одна:
смушает души сатана.
О, горе! Постепенно
мы катимся в геенну.
И хоть всемиловитый бог
меня пока что уберег
от вожделений грязных,
таящихся в соблазнах,
от низменных мирских сует,—
я все ж страшусь: с теченьем лет
не устоять пред искушеньем,
что будет небу поношеньем!

Страшусь, что овладеет мной
та жажда радости земной,
та дьявольская сила,
что столько душ сгубила!
И пусть я завтра поутру
по воле господ уму,
я снова повторяю:
не много я теряю!
Что жизнь? Ее улады — яд,
любовь — беда, томленье — ад,
ее богатство — нищета,
а долголетие — тщета,
желание порочно,
и все в ней, все непрочное.
Цвет вянет, старятся сердца,
и лишь страданьям нет конца,
лишь смерть, что окаянна,
прочна и постоянна.
И от нее вас не спасут
ни светский, ни духовный суд,
ни знатное происхождение,
ни щедрое вознаграждение,
ни власть, ни ум, ни красота,
ни сладкозвучные уста:
она, хоть миру ненавистна,
в известном смысле бескорытна.
Что ей бесчестье? Что ей честь?
Что прямодушие? Что лезть?
Что истина? И что — обман?
И жизнь и юность — все туман!..
Да, все вокруг туман и пыль...
Покрыта мерзостная гниль
богато вышитым ковром...
Сие не кончится добром!
По топи человек идет:
путь в преисподнюю ведет!..
Так стоит ли себя терзать,
моя возлюбленная мать,
коль дочь любимая твоя
стремится в лучшие края,
в надзвездные пределы
от грозного удела?
Ведь платят дорогой ценой
за счастье дочери родной!

Ты в этом убеди отца.
Несчастный! Нет на нем лица.
Утешь его и успокой:
он мучим страхом и тоской.
Увы, в слепой любви ко мне
постичь не может он вполне,
какое все мы вскоре
преодолеем горе!
Лишь я навек сомкну глаза —
тотчас рассеется гроза
и, может быть, на годы
минуют вас невзгоды.
Но предположим: год иль два
я буду все еще жива,
а наш заступник умирает —
и новый князь нас разоряет.
Скажи, что ждет меня тогда?
Неодолимая нужда,
забота о голодном муже?!
Такая участь — смерти хуже.
Однако ты себе представь
на миг совсем другую явь:
граф жив, и я жива-здорова,
никто нас не лишает крова,
я графу бедному служу.
Но вот я замуж выхожу:
не за него, а за другого!
Ты спросишь: «Что же тут дурного?»
Так знай: коль мужа полюблю,
то господина оскорблю.
А мужа коль возненавижу,
тем самым господа унижу.
А это — смерть. А это — ад...
О, нет мне, нет пути назад!
Я жизнью тягочусь землею.
Но день настанет, и за мною,
уставшей от забот земных,
небесный явится жених,
тот, кто меня столь долго жаждет,
по ком больное сердце страждет,
кому бы я отдать хотела
жар моего молодого тела,
жених мой — земледелец вольный,
отрада деве богомольной.

Легко за плугом он идет
и чудо-борозды ведет.
И в том крае нет ни морозов, ни зноя,—
достаток в домах, изобилие сплошное,
и там куры не дохнут, телята не мрут
и детишки голодные не орут.
Ни жажды, ни голода там не знают,
ни о чем не печалются, не страдают,
несчастья не тяготеют над ними.
Старики там становятся молодыми.
Не грозят им ни паводком, ни пожаром.
И работать не надо — бери все задаром!
Вот куда я стремлюсь, мать моя дорогая.
Отпусти же дочь свою, не ругая.
Плохо людям слабым, маленьким, беззащитным:
то огонь, то вода, то еще что грозит нам.
Все, что год создавал, разрушают в мгновенье
то пожар, то буря, то наводнение.
Если ты жалеешь меня и любишь,
то запретом дочь свою не погубишь,
чтоб любовь я за нелюбовь не считала
и пред господом нашим, Иисусом Христом, чтоб предстала,
чья любовь не знает различий меж мною,
жалкой нищенкой, и королевской женою...
Да, конечно, чтить родителей надо,
эту заповедь помню я, Христа возлюбившее чадо.
Кровь от крови и плоть я от вашей плоти.
Вы, что дали мне жизнь, эту жизнь бережете.
Но еще есть заповедь на скрижали:
чтоб мы также и самих себя уважали
и чтоб верность сами себе мы хранили
и свое достоинство не уронили.
Говорят, так часто на свете бывает:
кто других веселит, тот порой о себе забывает,
восхваляя других, сам впадает порой в унижение,
почитая других, вдруг теряешь к себе уважение.
Да, я буду любить вас, до гроба вам верной останусь,
но себя не унижу, с мечтой своей не расстанусь.
Вы, родители милые, дочь родную простите.
Коль мне блага желаете, с миром меня отпустите.
Нет, уж лучше заставить вас поплакать недолго,
чем забыть свою цель и не слышать веления долга!
Час прощания близок. Я с жизнью сливаюсь иною.
Мои сестры и братья вам радостью будут земною,

и они вас утешат, одних вас в беде не оставят!
Но ни жалость, ни слезы меня отступить не заставят!
Ни за что не сверну я с указанной богом дороги,
господина лишив единственной в мире подмоги...
И, его воскресив, сама обрету я спасенье,
хоть и тягостно сердцу постигшее вас потрясенье.
Но стенать над моим не придется вам гробом
или видеть меня умирающей, мучимой смертным ознобом,
И себя не терзайте вопросом: где мы дочь свою похороним?
Там, где смерть я приму, вход закрыт навсегда посторонним,
В Салерно это случится,
где нам суждено разлучиться,
чтоб, уйдя от дьявола, от духа злого,
встретиться снова...
Так смерть моя будет вам искупленьем,
а мне — избавленьем...»

И когда они увидали,
что, как бы они ни рыдали,
дочь им не переубедить, —
зря только раны беречь, —
и все, что с нею происходит,
от бога на нее нисходит,
и, очевидно, неспроста
ребенку, девочке, в уста
божественная сила
такую речь вложила, —
они смекнули наконец,
что здесь не прихоть!.. Здесь творец
гласит ее устами...
(Или мы не помним с вами,
сию историю излагая,
возмужание святого Николая,
который младенцем еще, в колыбели,
чего ни с кем не бывало доселе,
воспринял святое ученье Христова,
чудесно постигнув господне слово?..)
И в душе они оба решили,
что пред господом бы согрешили,
если б дочь отговаривать смели
от указанной господом цели.
Но едва они так решили, как разом
горе им затуманило разум:
нет, не выдержать этого расставанья,

несмотря на любые обоснованья!..
Им худо, им страшно было,
от ужаса их знобило.
И, сидя на постели,
они окаменели.
Что делать? Куда податься?
На уговоры поддаться?
Но если на это решиться —
значит, ее лишиться?..

Сидели они, гадали:
как же быть с нею дале?..
И мать сказала: «Все равно!
Все небесами решено.
И провиденью безразлично,
что наше горе безгранично.
Так приготовимся теперь
к страшнойшей, к худшей из потерь.
Перечить дочери не станем,
хоть сердце в кровь себе израним.
Как умрет она, — сами умрем в одночасье!..»
И они ей дали свое согласие.

Чистейшая дева, узнав об этом,
той же ночью, перед рассветом,
несчастному графу стучит в окно.
«Вы спите?» — «Нет, не сплю давно.
Но объясни сначала,
ты что так рано встала?»
«Ах, как же я уснуть могу,
коль перед вами я в долгу.
И так я вас жалею,
что и сама болею!»
Он прошептал, едва дыша:
«Спасибо, чистая душа!
Да будет воздаянье
тебе за состраданье.
А я погибнуть обречен
и бесконечно удручен
не собственной судьбою:
разлукою с тобою!..
О, если б понимала ты,
венец добра и чистоты,
какая в сердце рана!..»

«Отчаиваться рано,—
сказала девушка в ответ. —
На то причин особых нет.
Спасение возможно,—
я говорю не ложно,—
коль все зависит от меня!..
Я не хочу терять и дня
и к вашему же благу
под нож в Салерно лягу!
И к вам вернется жизнь тогда.
Все остальное — не беда.
Ведь вы, избавясь от болезней,
намного лучше и полезней
способны жизнь прожить, чем я...»
Граф, восхищенья не тая,
с глазами, влажными от слез,
благоговейно произнес:
«Моя возлюбленная жена!
Жизнь нам обоим равно нужна,
а смерть — не такая уж сладкая штука,
но еще ужасней предсмертная мука.
Все не так просто, как ты полагаешь,
когда мне помощь свою предлагаешь.
Я твой порыв оценил вполне...
Немалое счастье выпало мне
с подобной встретиться чистотою,
с безгрешным сердцем, с верой святою
в великую силу любви и добра...
О, я бы со смертного встал одра,
когда бы это приказала
ты, кто святость свою доказала.
Чудо господь сотворил:
сердце твое отворил
чужому страданию, чужой печали...
Но кем бы люди меня считали,
если б я принял жертву твою?
Пред страшным выбором я стою!..
Супруга милая, прости,
но ты еще дитя почти,
и хоть мечты твои безгрешны,
решенья чересчур поспешны.
Все больше сердцем — не умом!
А сколько горьких слез потом

и горьких разочарований
по исполнении желаний!..
Дитя мое, не я ли сам
взывал к бессмертным небесам,
моля о скором избавленьи?
В твоём же волеизъявленье
есть прихоть детская, поверь!
Ещё не раз себя проверь!
Все взвесь и рассуди толково!..
Но окончательное слово
не ты, мой друг, должна сказать,
а лишь твои отец и мать.
Мы только их исполним волю!
Неужто загубить позволю
жизнь благодетелей моих,
родную дочь отняв у них?!»
Так он сказал и усмехнулся,
решив, что он и впрямь рехнулся!
неужто все, что слышит он,
явь, а не глупый, дикий сон?!
Но мать и отец сказали:
«Вы столько нам в жизни дали
и столько сделали для нас!
Мы не решимся на отказ
и за добро добром отплатим,
хоть дочь любимую утратим!
Она, в надежде вас спасти,
на смерть отважилась пойти
и объявила нам об этом,
мы долго медлили с ответом...
Тому уж скоро третий день.
Мы сами превратились в тень.
Но дочь вам отдаем с любовью,
во благо вашему здоровью.
Того, как видно, хочет бог...»

И они затряслись с головы до ног,
и в отчаянье руки ломали все трое..
Но вернемся к рассказу о нашем герое,
Хоть чувство надежды в нём ожило,
графу было особенно тяжело.
Нестерпимо родного ребенка лишиться,
но, однако, ещё тяжелее решиться
у родителей ребенка отнять...

Здесь мы бедного Генриха можем понять.

Он, как сказано в книге, рыдал и метался:
то он принял их жертву, то вновь отказался,
сожалея о том, что сам натворил...

Наконец согласился и поблагодарил
всю семью (разумеется, нелицемерно)
и сказал, что пора собираться в Салерно.

Ну, а дочь? Та затеяла пышные сборы:

«Дорогих лошадей! Дорогие уборы!

Бархат! Шелк! Кружева! Горностаевый мех!

В этот день я хочу быть красивее всех!..»

И опять родители зарыдали,

как такую красавицу увидали.

«Ну за что, ну зачем нам ее отдавать?

Как мы смеем позволить дитя убивать?..»

Нет, я просто рассказывать дальше не в силах
об ужасных страданиях людей этих милых.

Горе матери: вот оно, перед вами...

Скорбь отца... Передать ли ее словами?..

Но держались они одним убеждением:

это все предначертано провиденьем,

это бог избрал их любимую дочь.

человеку страждущему помочь,

и, конечно же, высшая сила

бедной девочкой руководила,

и ее позвала, и ее повела

на святые, на божеские дела...

Ах, когда б они рассуждали иначе,

мы, пожалуй бы, не разрешили задачи:

отчего же не разорвались сердца

ни у страждущей матери, ни у отца,

Но печаль их сменила отрада

от сознания: так надо! Так надо!..

Граф и девушка скачут в Салерно.

Оба счастливы неимоверно,

хоть ее огорчает немного,

что так далека дорога.

Графа нужно быстрее спасти,

но мешает дальность пути,

В Салерно они прискакали,
врача того отыскали:
«Вот она, кем я буду спасен!..»
Врач узнал его. Врач потрясен.
А затем, состраданьем влекомый,
к бедной девушке незнакомой
он подходит и молвит: «О дочь моя,
расскажи, ничего не тая.
Что здесь: чистой любви побуждение?
Или угроза? Приказ? Понуждение?
Хочешь верность ему доказать
или не можешь ему отказать,
повинуясь мольбам господина?..
Мне должна быть известна причина
решенья страшного сего!»
«Веленье сердца моего!» —
не замедлила дева с ответом.
От нее не скрылось при этом,
как врач на нее дивился.
Он в сторону с ней удалился
и свой вопрос повторил:
«Не твой ли граф подговорил,
в преступном бессердечье,
тебя на эти речи?
Достаточно тебе чуть-чуть
себя, меня ли обмануть,
хотя бы и под страхом, —
как все пошло бы прахом:
мое искусство, подвиг твой;
ты не останешься живой
и сердце изничтожишь,
но графу не поможешь!
Как говорят: сто раз отмерь!
Все взвесь, себя спроси, проверь,
нет ли в душе сомненья
и не нашло ль затмения!..
И слушай, что произойдет,
как в силу договор войдет.
Воображаешь сцену?
Вот я тебя раздену,
и ты, раздевшись догола,
уже не встанешь со стола,
но, стыд превозмогая,
несчастливая, нагая,

начнешь кричать беззвучным ртом...
Сказать, что ждет тебя потом?
По правилам науки
тебе свяжу я руки,
и ноги я тебе свяжу,
и прямо в сердце нож всажу,
и, грудь пронзив и спину,
живое сердце выну!
Еще одно узнать изволь:
страшна не смерть. Ужасна боль!..
Что? Ты в ответ ни слова?!
Ты лечь на стол готова?!
А дух тебя не подведет,
когда дыхание сведет?
А при упадке духа —
полнейшая проруха!
О, эта боль! О, этот ад!
При этом нет пути назад.
О, сколь я сам несчастен,
что к этому причастен!
Нст, в жизни мне не повезло:
избрал я злое ремесло...
Ах, погоди хоть малость!..
Но дева рассмеялась:
«Спасибо вам, великий врач!..
Мне тоже не везет, хоть плачь:
сомнение тревожит
и опасенье гложет.
Поди, и вправду откажусь
не оттого, что не гожусь:
не я оказалась слабой,—
вы оказались бабой!
Да ведь у вас наверняка
от страха задрожит рука.
Вы, первый врач Салерно,—
и трусите безмерно!
Вы зайцу серому родня!
Но только жаль вам не меня,
не смерти моей ранней,—
своих вам жаль терзаний!
А может быть, давно мертво
былое ваше мастерство
и силы в вас иссякли?!
Ну! Я права? Не так ли?!

Я женщина — и я сильна
и в действиях своих вольна,
и я на стол ваш лягу,
но вы — назад ни шагу!
А что наслушалась от вас
я всяких ужасов сейчас,
то это все не ново:
я к ним давно готова.
Поймите же, что никогда
я б не приехала сюда,
коль с самого начала
я главного не знала;
не струшу и не отступлю,
а господину жизнь куплю,
себе же — доступ в царство божье!
Так не тряситесь мелкой дрожью!
Час избавленья чую,
сейчас плясать хочу я!
Граф исцелится наконец,
меня к себе призовет творец,
и не во сне, а наяву
я в царстве божьем заживу,
увенчана короной,
господом даренной!..»

И понял мудрый врач тогда,
что она в решение своем тверда,
что не может она поступить по-иному,
и ее повел он к графу больному.
«Счастливейший из людей земли,
о чем и мечтать нельзя — вы нашли!
Все сомненья отпали. И вскорости
от своей вы избавитесь хворости!..»
Он повел ее в комнатку тайную,
где все мраком покрыто и тайною,
а графу за дверью велел остаться,
в тайную комнату не соваться,
сколько б это ни длилось часов,
и запер дверь на тяжелый засов.
Там, где стояли различные склянки,
он велел раздеться юной крестьянке,
и она, повинувшись приказу,
охотно и сразу
платье сняла, обнаженной осталась,

но не стеснялась...

И врач увидел: на диво
это юное тело красиво.

И так жаль врачу ее стало,—
прямо сердце стучать перестало
и рассудок чуть не отказал...

И он сам ей об этом сказал.

Но она его умоляла,
вновь и вновь повторяла,
чтоб он продолжал свое дело
и скорее разрезал ей тело.

Вот и стол она видит высокий,
где обряд свершится жестокий.

Лекарь девушку за руку взял,
взобраться на стол приказал.

Она легла без тени тревоги.

Он связал ей руки и ноги,
а потом стал подыскивать нож:
который из них хорош?

(Их здесь много, широких и длинных,
для дел отнюдь не невинных.)

Пусть вявшая голосу долга
хотя бы страдает недолго
и легко и быстро умрет...

Лекарь камень точильный берет,
и точит свой нож, и точит,
к делу все приступить не хочет!

А бедный Генрих, за дверью стоя,
чувство испытывает не простое.

Он удручен, озадачен,
великим смятеньем охвачен.

Ах, ужель не увидит он снова
черты лица дорогого?

А если он их увидит,
то здоровым отсюда не выйдет.

Но ему исцеленье обещано?

Вдруг в стене замечает он трещину
и, прильнувши к ней, видит сквозь щель
этот стол, что похож на постель,
а вернее, на смертное ложе,
на котором,— господи боже,—
связанная, нагая,
лежит его дорогая,

«О, как же ты глуп! — сказал он себе. —
Ты ждешь перемен в своей скорбной судьбе
и требуешь избавленья
без божьего соизволенья!
Ты небом страдать осужден навек,
а хочешь, чтоб спас тебя человек?
Глумясь над господним словом,
надеешься стать здоровым?!
На что ты девушку подговорил?
Да сам ли ведал ты, что творишь?
Смерть ее будет лишней,
ибо все решает всевышний.
Исцелит — ликуй, не простит — страдай.
Только девушке умереть не дай,
кровью чистой своей твой позор оплатить!...»
И, не выдержав, начал он в дверь колотить.
«Отворите скорее, я вам говорю!»
«Господин, как закончу, так и отворю:
ни мгновенья нельзя в этом деле терять!»
«Отворите же! Сколько вам раз повторять!
Надо кое-что нам обсудить непременно!»
«Говорите... Мне слышно вас и сквозь стену».
«Нет! Сквозь стену я не хочу говорить!»
Что поделать? Пришлось ему отворить.
И Генрих в комнату вошел,
увидел тот высокий стол,
где связанная дева,
нагая, словно Ева,
исхода сладкого ждала...
Тут он, схватясь за край стола,
вскричал: «Дитя невинное!
Не буду я причиною
ужасной гибели твоей!
Врач, развяжи ее! Скорей!
Да будет освобождена
та, что для жизни рождена
и столь собой прекрасна.
За что ей гибнуть понапрасну!
Спасибо за твое добро.
А золото да серебро,
согласно уговора,
ты, врач, получишь скоро!»
(И мы заметим мимоходом:
врач счастлив был таким исходом.)

Но когда спасенная поняла,
что судьба ее жертву не приняла,
то, свой стыд позабыв девичий,
против всяких правил приличий,
принялась она истощно рыдать,
на себе в иступлении волосы рвать,
так что, все, кто это видали,
сами также рыдали.

И металась она, и кричала она:
«Боже мой! Я отныне всего лишена!
Развеялся сон мой чудесный!
Не владеть мне короной небесной!
Если бы мне удалось пострадать,
то и впрямь корону небесную дать
должны были б мне за страданья.
Ах, напрасны, напрасны старанья!
О ты, кто благ на небеси,
меня, несчастную, спаси
и господина со мною вместе.

Какой великой лишились мы чести:
он — плоть спасти, я — дух спасти
и, не ропща, свой крест нести!..»

Так она голосила,
о смерти просила,
охвачена безграничной тоской,
к доброте взывая людской.

Но в столь необычном и страшном деле
ей люди, конечно, помочь не хотели.
Нет, никто ей, никто не помог.
И молчали и люди и бог...

И тогда господину пенять она стала:
«Сколько я всего из-за вас испытала!
Как глумились вы надо мной!
А всему ваша слабость виной.
Это вы меня к жизни вернули!
Да и люди меня обманули:
«Рыцарь! Мужествен! Неустрашим!..»
Ах, зачем я поверила им
и разгневала господа бога?
Мне совсем оставалось немного
до конца, но в решающий миг
вы отчаянный подняли крик.
Вы за горе мое в ответе.
Вы трусливее всех на свете.

Я ведь на смерть пошла. А вы?
Потерпеть не решились, увы!
Что ж вас так напугало, узнать нельзя ли?
Может, то, что меня связали?
Но ведь, стоя за толстой стеной,
как вы видеть могли, что со мной?
Может, вы, бесстрашный витязь,
обвиненья в убийстве боитесь,
потому и вбежали к врачу?
Ну, так я вас заверить хочу,
что, если меня не будет,
вас никто не осудит,
не обвинит в преступленье,
а напротив, вас ждет исцеленье».

Все тщетно — деве быть живой!..
А Генрих тяжкий жребий свой
как рыцарь набожный приял,
он твердости не потерял
и чистоты душевной,
назло судьбе плачевной...
Не выполнив обета,
вновь девушка одета
и снова жить обречена.
Врачу заплачено сполна.
И Генрих с грустью необъятной
тотчас пустился в путь обратный,
при этом был вполне готов
услышать гогот наглых ртов
и вопль и рев толпы презренной
на родине благословенной.
Что ж! Пусть толпа гогочет!
Все как господь захочет!..
А дева так измощена была,
так много слез горячих пролила,
что силы ей внезапно изменили:
и впрямь она близка к могиле.
И тогда помог ей в беде
тот, кто с нами всегда и везде,
кто людские сердца отворяет,
радостью их одаряет,
кто диво дивное свершил
и этих двоих испытать решил,
как Иова когда-то:

тверда ли их вера иль слабовата?..
И то был Иисус Христос,
кто избавленье им принес
за то, что душа в них жила человечесь,
за их милосердь и добросердечье...
Чем ближе к отческому дому,
тем легче делалось больному.
Проказа с Генриха сползла —
господня милость его спасла.
Господь своей любовью
вернул ему здоровье.
И Генрих снова жизни рад,
как двадцать лет тому назад.
Слух о чудесном исцеленье
шел из селения в селенье,
народ о чуде узнавал
и непритворно ликовал:
ведь милосердь и пощада
и есть небесная услада.
Меж тем высокородные князья —
все Генриха ближайшие друзья
(которые в беде с ним не встречались) —
ему навстречу мчались.
Не веря слухам и словам,
любой хотел увидеть сам,
что исцеляет наш господь
не только дух, но также плоть
от хвори беспощадной.
И вот — пример наглядный!

А хуторянину с женой
казалось: сгинул сон дурной,
свершилось чудо божье!
(Скажу: была бы ложью
попытка разуверить вас,
что оба не пустились в пляс
при первом извещенье
о дивном возвращенье
их дочери родимой,
живой и невредимой,
и графа дорогого,
здорового, живого.)
Нет, не могли отец и мать
ни слез, ни смеха удержать,

в них все перемешалось,
что в сердце умещалось.
Как будто сняли их с креста!.,
И хоть смеялись их уста,
из глаз текли на щеки
горячих слез потоки.
Вновь слезы хлынули из глаз,
когда не три, а тридцать раз
они поцеловали
ту, что уже не ждали.
(И в этом я поверю
старинному поверью.)
Явился в каждый швабский дом
желанный праздник. Все кругом
шумело, веселилось,
веселие вселилось
в сердца воспрянувших людей,
Свидетели тех давних дней
в преданьях рассказали,
что в Швабии едва ли
встречали так кого-нибудь,
цветами устилая путь...

Но вы узнать хотите
дальнейший ход событий?
Что Генрих? Как его дела?
Недурно, господа хвала!
Он вновь здоров, и вновь силен,
и вновь почетом окружен,
он стал еще богаче...
Но жить он стал иначе:
достойней, чище, строже,
в согласье с волей божьей,
А хуторянину тому,
который дал приют ему,
он отписал именье
в вечное владенье.
Не позабыл он и о ней,
кто всех была ему верней,
о дорогой супруге:
он с ней делил досуги,
и баловал, и обожал,
в шелка и бархат наряжал,
как если бы и впрямь она

была законная жена,
а он ей — муж законный.
(Что ж: домысел резонный!..)
Но вот мудрейшие страны
сказали графу: «Вы должны
в конце концов решиться
на ком-нибудь жениться.
Быть холостым вам не к лицу.
Так поведите же к венцу
достойную подругу,
грядущую супругу!..»
Созвав друзей в огромный зал,
граф Генрих попросту сказал:
«Я высшей воле подчинюсь
и в скором времени женюсь.
Но вот на ком? Решайте сами!
Решение теперь за вами!»
И все, кто были в зале том,
сошлись немедленно на одном:
пришла пора для брака!..
Кого вести к венцу, однако?!
Сей затруднительный вопрос
в большую ссору перерос:
кто прочит ту, кто — эту...
Да, нелегко совету!
В подобных случаях всегда
мы каждый тянем кто куда,
и собственное мнение
важней, чем единенье.
Когда же Генрих увидал,
что он решенья зря прождал
и дальше ждать напрасно,
он молвил громогласно:
«Друзья мои, в сей светлый час,
должно быть, многие из вас
еще хранят воспоминанье
о том, как я страдал в изгнание.
Болезнью тяжелой удручен,
я был от мира отлучен,
люди меня избегали,
детей своих мною пугали.
Так чем же мне ответить той,
чьей ангельскою добротой
и бескорыстнейшей любовью

мне вновь возвращено здоровье?»
На сей раз общим было мнение:
«С ней, кто принес тебе спасенье,
жизнь и богатство раздели
и свадьбу праздновать вели!
Но кто счастливейшая эта?..»

И вот перед лицом совета,
свою красавицу обняв,
ответствовал спасенный граф
весьма прекрасными словами:
«Смотрите, вот она— пред вами,
кто от гибели и зла
меня, несчастного, спасла.
И я вам повторяю:
ее я выбираю!
Но, впрочем, ей решать самой:
быть ей со мной иль не со мной?
Но, в случае отказа,
клянусь: умру я сразу!..»
И богат и беден, и стар и мал
вскричали: «Истинно он сказал!..»
Священники их обвенчали.
И до старости без печали,
в согласье свои они прожили дни,
и в небесное царство вступили они...
Пусть и нам дарует господь эту участь:
мирно жить, умирать не мучась.
О господь, пощади нас и не покинь,
ниспошли нам свое милосердие. Аминь!..

**НЕМЕЦКИЕ
НАРОДНЫЕ
БАЛЛАДЫ
XIV—XV ВЕКА**

КРЕСТЬЯНИН И РЫЦАРЬ

На некий постоялый двор
Заброшены судьбою,
Мужик и рыцарь жаркий спор
Вели между собою.
Нет любопытней ничего
Иной словесной схватки.
А ну, посмотрим, кто кого
Положит на лопатки.

«Я родом княжеским горжусь,
Я землями владею!»
«А я горжусь, что я тружусь
И хлеб насущный сею.
Когда б не сеял я зерно,
Не рыл бы огород,—
Подох бы с голоду давно
Твой именитый род!»

«Мой гордый прав и честь мою
Повсюду славят в мире.
Под лютю песни я пою,
Фехтую на турнире!
Каких мне дам пришлось любить
И как я был любим!
А ты, крестьянин, должен быть
Навек рабом моим».

«Заслуга, брат, невелика
Всю ночь бренчать на люте.
Сравнится ль гордость мужика
С ничтожной честью трутня?
Не танцы и не стук рапир —
Поклясться я готов,—
А труд крестьянский держит мир
Надежней трех китов».

«Но если грянет час войны,
Начнется бой суровый,
Кто из немецкой стороны
Пойдет в поход крестовый?
В пустыне — пекло, как в аду,
Но ад мне нипочем!
И сарадинам на беду
Я действую мечом!»

«Махать мечом — нелегкий труд,
И нет об этом спора,
Но в дни войны с кого берут
Бессчетные поборы?
Кто должен чертovy войска
Кормить да одевать?
Нет, даже тут без мужика
Не обойтись, видать!»

УЛИНГЕР

Веселый рыцарь на коне
Скакал по дальней стороне,
Сердца смущая девам
Пленительным напевом.

Он звонко пел. И вот одна
Застыла молча у окна:
«Ах, за певца такого
Я все отдать готова!»

«Тебя я в замок свой умчу,
Любви и песням научу.
Спустись-ка в палисадник!» —
Сказал веселый всадник.

Девида в спальенку вошла,
Колечки, камушки нашла,
Связала в узел платья
И — к рыцарю в объятья.

А он щитом ее укрыв
И, словно ветер быстроекрыл,
С красавицей влюбленной
Примчался в лес зеленый.

Не по себе ей стало вдруг:
Нет никого сто верст вокруг,
Лишь белый голубочек
Уселся на дубочек.

«Твой рыцарь, — молвит голубок, —
Двенадцать девушек завлек.
Коль разум позабудешь —
Тринадцатою будешь!»

Она заплакала навзрыд:
«Слышал, что голубь говорит,
Как он тебя порочит
И гибель мне пророчит?»

Смеется Улингер в ответ:
«Да это все — пустой навет!
Меня — могу дать слово —
Он принял за другого.

Ну, чем твой рыцарь нехорош?
Скорей мне волосы взъерошь!
На травку мы приляжем
И наши жизни свяжем».

Он ей платком глаза утер:
«Чего ты плачешь? Слезы — вздор!
Иль, проклятый судьбою,
Покинут муж тобою?»

«Нет, я не замужем пока.
Но возле ели, у лужка, —
Промолвила девица, —
Я вижу чьи-то лица.

Что там за люди? Кто они?»
«А ты сходи на них взгляни
Да меч бы взять неплохо,
Чтоб не было подвоха».

«Зачем девице нужен меч?
Я не гожусь для бранных встреч,
Но люди эти вроде
Кружатся в хороводе».

Туда направилась она
И вдруг отпрянула, бледна:
В лесу, на черной ели,
Двенадцать дев висели.

«О, что за страшный хоровод!» —
Кричит она и косы рвет.
Но крик души скорбящей
Никто не слышит в чаще.

«Меня ты, злобный рыцарь, здесь,
Как этих девушек, повесь,
Но не хочу снимать я
Перед кончиной платья!»

«Оставим этот разговор.
Позор для мертвых — не позор.
Мне для моей сестрицы
Наряд твой пригодится».

«Что делать, Улингер? Бери —
Свою сестрицу одари,
А мне дозвошь в награду
Три раза крикнуть кряду».

«Кричи не три, а тридцать раз, —
Здесь только совы слышат нас.
В моем лесу от века
Не встретишь человека!»

И вот раздался первый крик:
«Господь, яви свой светлый лик!
Приди ко мне, Спаситель,
Чтоб сгинул искуситель!»

Затем раздался крик второй:
«Меня от изверга укрой,
Мария пресвятая!
Перед тобой чиста я!»

И третий крик звучит в бору:
«О брат! Спаси свою сестру!
Беда нависла грозно.
Спеши, пока не поздно!»

Ее мольбу услышал брат.
Созвал он всадников отряд,—
На выручку сестрицы
Летит быстрее птицы.

Несутся кони, ветер свистит,
Лес вспугнут топотом копыт.
До срока подоспели
Они к той черной ели.

«Что пригорюнился, певец?
Выходит, песенке — конец.
Сестру свою потешу —
На сук тебя повешу!»

«Видать, и я попался в сеть.
Тебе гулять, а мне — висеть.
Но только без одежды
Мне помирать не гоже!»

«Оставим этот разговор.
Позор для мертвых — не позор.
Камзол твой и кирасу
Отдам я свинопасу!»

И тотчас головою вниз
Разбойник Улингер повис
На той же самой ели,
Где пленницы висели.

Брат посадил в седло сестру
И прискакал домой к утру
С сестрицею родимой,
Живой и невредимой.

КРЫСОЛОВ ИЗ ГАМЕЛЬНА

«Кто там в плаще гуляет пестром,
Сверля прохожих взглядом острым,
На черной дудочке свистя?..
Господь, спаси мое дитя!»

Большая в Гамельне тревога.
Крыс развелось там страсть как много.
Уже в домах не счесть утрат,
Перепугался магистрат.

И вдруг волшебник — плут отпетый —
Явился, в пестрый плащ одетый,
На дивной дудке марш сыграл
И прямо в Везер крыс согнал.

Закончив труд, у магистрата
Волшебник требует оплаты,
А те юлят и так и сяк:
«За что ж платить-то? За пустяк?

Велик ли труд — игра на дудке?
Не колдовские ль это шутки?
Ступай-ка прочь без лишних слов!»
И хлопнул дверью крысолов.

Меж тем, от крыс освобожденный,
Ликует город возрожденный,
В соборах — господу хвала! —
Весь день гудят колокола.

Пир — взрослым, детворе — забава,
Но вдруг у северной заставы
Вновь появился чудодей,
Сыграл на дудочке своей,

И в тот же миг на звуки эти
Из всех домов сбежались дети,
И незнакомец, всей гурьбой,
Увел их в Везер за собой.

Никто не видел их отныне,
Навек исчезнувших в пучине.

Рыдайте, матери, отцы —
Не возвратятся мертвецы.

Тела детей волна качает.
Кричи! — поток не отвечает,
Река бежит, вода течет.
Какой ценой оплачен счет!..

Всем эту боль запомнить надо,
Чтоб уберечь детей от яда.
Людская жадность — вот он яд,
Сгубивший гамельнских ребят,

БАЛЛАДА О ГЕНРИХЕ ЛЬВЕ

Чего так в Брауншвейге встревожен народ,
Кого провожают сегодня?
То Генрих Брауншвейгский уходит в поход
На выручку гроба господня.
Жену молодую обняв у ворот,
Он ей половину кольца отдает,
А сам, уходя на чужбину,
Другую берет половину.

Вот герцог по бурному морю плывет.
Беснуется черная бездна,
И рушатся мачты, и ветер ревет,
И помощи ждать бесполезно.
Корабль сиротливый наткнулся на риф.
Но вдруг в вышине появляется гриф:
«О боже, спаси мою душу!»
Он герцога вынес на сушу.

В гнездо, где алкал пропитанья птенец,
Влетел он с находкою странной,
Но Генрих Брауншвейгский был храбрый боец
И славился удалью бранной.
Спасенный от смерти по воле небес,
Он, грифа осилив, направился в лес
И в зарослях целыми днями
Кормился корой и корнями.

Однажды, бредя сквозь лесной бурелом,
Пытаясь разведать дорогу,
Увидел он схватку дракона со львом
И кинулся льву на подмогу.
Поверженный, рухнул дракон, захрипев.
И Генриху молвил израненный лев:
«Услуги твоей не забуду,
Навеки слугой твоим буду!»

А ночью явился к нему сатана:
«В Брауншвейге тебе побывать бы!
Там дома твоя молодая жена
Затеяла новую свадьбу!»
И горестно герцог промолвил в ответ:
«Ее ли винить? Миновало семь лет,
Дай мне повидаться с женою
И делай что хочешь со мною!»

И только он эти слова произнес,
Как черт себя ждать не заставил.
Он спящего герцога в город принес
И льва за ним следом доставил.
И Генрих воскликнул, разбуженный львом:
«Я гостем незванным являюсь в свой дом!
Должны мы поспеть на венчанье». —
В ответ прозвучало рычанье.

Вот герцог вошел в переполненный зал,
Отвесив поклон неуклюже:
«Недурно б, сударыня, выпить бокал
За вашего первого мужа!»
И, глаз не сводя с дорогого лица,
Он бросил в вино половину кольца,
Хранимую им на чужбине,
И подал бокал герцогине.

Но что, побледнев, она вскрикнула вдруг —
Иль сделалось худо невесте?
«Вернулся мой Генрих! Мой верный супруг!
Навеки отныне мы вместе!»
И гости воскликнули все, как один:
«Вернулся возлюбленный наш господин!»
В старинном Брауншвейге едва ли
Такое веселье знавали,

Так герцог, что прозван был Генрихом Львом,
До старости герцогством правил.
А лев, находясь неотлучно при нем,
И в смерти его не оставил.
Не смог пережить он такую беду
И в тысяча сто сорок третьем году,
Теря последние силы,
Почил у хозяйской могилы.

ПРО ВОДУ И ПРО ВИНО

Слышал я недавно поверье одно —
Рассказец про воду и про вино,
Как оба, друг с другом в ссоре,
Бранились, себе на горе.

Как-то сказала воде вино:
«Во все я страны завезено!
В любом кабачке и таверне
Пьют меня ежевечерне».

Вода говорит: «Замолчи, вино!
Со мной не сравнишься ты все равно!
Я мельницы в ход пускаю,
Плоты на себе таскаю».

Но отвечает воде вино:
«Едва лишь осушат в стакане дно,
И каждый мне благодарен,
Пастух или важный барин».

Вода говорит: «Не кичись, вино!
Хозяйственных дел у меня полно.
Стирают во мне, и для варки
Меня потребляют кухарки».

Но отвечает воде вино:
«Мне в битвах бойцам помогать дано!
Губами приложатся к фляге,
И хоть отбавляй отваги».

Вода говорит: «А скажи, вино,
Кто в банях людей услаждает умно?

Красавицам пылким желанны
Мои прохладные ванны».

И отвечает воде вино:
«С самым бургомистром дружу я давно!
Со мной он проводит все ночки
Там, в Бремене, в погребочке».

Вода говорит: «Погоди, вино!
А кто из насоса влетает в окно,
Когда ненасытное пламя
Уже завладело полами?»

И отвечает воде вино:
«А я с докторами во всем заодно!
Недаром у нас медицина
Лекарство разводит in vino!»

Вода говорит: «Я не спору, но
В кунсткамере я, не ты, вино,
Теку из русалочьих глазок,
На радость любителям сказок».

И отвечает воде вино:
«В дни коронаций заведено,
Чтоб я из фонтанов било
И людно на улицах было».

Вода говорит: «Посмотри, вино,
На море. Наполнено мной оно,
Больших кораблей караваны
Мои бороздят океаны!»

И отвечает воде вино:
«А я в винограде заключено.
Нежнейшие ручки, бывает,
В саду меня с веток срывают».

Вода говорит: «Но ответь, вино,
Кем все цветущее вспоено?
Без влаги сады бы увяли
И ты б появилось едва ли».

И так сказало вино тогда:
«Что ж, подчиняюсь тебе, вода,

Но только меня не трогай,
Иди-ка своей дорогой».

Вода говорит: «Берегись, мой друг!..»
Но тут явился трактирщик вдруг
И для умноженья доходу
Смешал и вино и воду.

ГОРЕМЫКА ШВАРТЕНГАЛЬЗ

В пути заметил я трактир
И постучал в ворота:
«Я горемыка Швартенгальз,
Мне пить и есть охота!»

Хозяйка отворила дверь.
Я плащ и шляпу скинул,
Налил вина — да стал глазеть
И кружку опрокинул.

Она тут потчевать меня,
Что барины какого.
Да только денег не возьмешь
Из кошелька пустого.

Хозяйка сердится, бранит —
Чуть не оглох от крика.
Постель не стелит, гонит прочь:
«Иди в сарай поспи-ка!»

Что делать, братцы! Лег я спать
В сарае возле дома.
Эх, незавидная кровать —
Колючая солома.

Проснулся утром, — смех и грех, —
Дрожу, от стужи синий.
Вот так хоромы! — На стене
Засеребрился иней.

Ну что же, взял я в руки меч,
Пошел бродить по свету,

С пустым мешком пошел пешком,
Коль не дали карету.

А на дороге мне сынок
Купеческий попался,
И кошелек его тугой
По праву мне достался!

ЛИНДЕНШМИДТ

Еще недавно знаменит
Был грозный рыцарь Линденшмидт,
Когда у нас в округе
Он гарцевал на скакуне
В доспехах и в кольчуге.

Он слуг скликал не для добра:
«Друзья! Отважиться пора!
Не трусить — мой обычай.
Мы возвратимся в эту ночь
С отменною добычей».

Но славный баденский маркграф,
О черных замыслах узнав,
Велел забить тревогу,
И юный Каспар поспешил
Маркграфу на подмогу.

Вот мужичка встречает он:
«Надень монашій капюшон,
Прикинься капуцином.
Узнай, где бродит Линденшмидт,
И сразу напиши нам».

А мужичок — тот был хитер,
Он — шмыг на постоялый двор,
Видать, увлекся ролью:
«Подайте хлеба и вина,
Иду я с богомолья».

Хозяин: «Тсс! Отец святой,
К нам нынче прибыл на постой
Сам Линденшмидт со свитой.

Три кубка кряду осушив,
Уснул он как убитый».

«Эге, — смекает «капуцин», —
Ты мне попался, чертов сын!
Теперь погиб ты, леший».
И в замок Каспара тотчас
Он шлет гонца с депешей.

У Линденшмидта был сынок.
Зашел в конюшню паренек
Узнать, готовы ль кони,
И вдруг кричит: «Вставай, отец!
Мне слышен шум погони!»

Но грозный рыцарь Линденшмидт
Не просыпается — храпит.
Хмельной под стол свалился.
Напрасно сын зовет отца.
Сам Каспар в дом явился.

«Здорово, рыцарь! Как спалось?
Прекрасный сон видал небось?
Сейчас поедешь в Баден:
Тебе там выстроен дворец
Из черных перекладин!»

«Нет, — отвечает Линденшмидт, —
Пусть наш спор судьба решит.
Хочу с тобою драться!..»
Но Каспар меч в него вонзил,
Чтоб он не смог подняться.

«Ну что ж. Мне жизнь недорого.
Но вот мой сын и мой слуга
Стоят перед тобою.
За ними, Каспар, нет вины,
Их я склонил к разбою».

Но молвил Каспар: «Всех казнить!
Куда игла — туда и нить!
Суд скор и беспощаден.
Три эшафота сколотил
Великий город Баден».

Свезли их в Баден всех троих
И поутру казнили их
В награду за злодейство.
Во рву, за городом, гниет
Разбойное семейство,

ЛОРЕЛЕЯ

Едва засеребрится
Высокая луна,—
С утеса в Рейн глядится
Красавица одна.

То глянет вверх незряче,
То вновь посмотрит вниз
На парусник рыбакий...
Пловец, остерегись!

Краса ее заманит
Тебя в пучину вод,
Взгляд сладко одурманит,
Напев с ума сведет.

Не зря с тоской во взоре
Она глядит окрест...
Не верь прекрасной Лоре,
Беги от этих мест!

От песни и от взгляда
Спеши уплыть скорей,
Спасть от водопада
Златых ее кудрей.

Не одного сгубила
Русалка рыбака.
Черна в волнах могила.
Обманчива река.

КОРОЛЕВСКИЕ ДЕТИ

Я знал двух детей королевских —
Печаль их была велика:
Они полюбили друг друга,
Но их разлучила река,

Вот бросился вplashь королевич
В глухую полночную тьму,
И свечку зажгла королева,
Чтоб виден был берег ему,

Но злая старуха черница
Хотела разбить их сердца,
И свечку она загасила,
И ночь поглотила пловца.

Настало воскресное утро —
Кругом веселился народ.
И только одна королева
Стояла в слезах у ворот.

«О матушка, сердце изныло,
Болит голова, как в чаду.
Ах, я бы на речку сходила —
Не бойтесь, я скоро приду».

«О дочка, любимая дочка,
Одна не ходи никуда.
Возьми-ка с собою сестрицу,
Не то приключится беда».

«Сестренка останется дома, —
С малюткой так много хлопот:
Поди, на зеленой поляне
Все розы она оборвет».

«О дочка, любимая дочка,
Одна не ходи никуда.
Возьми с собой младшего брата, —
Не то приключится беда».

«Пусть братец останется дома, —
С малюткой так много хлопот:
Поди, на зеленой опушке
Он ласточек всех перебьет».

Ушла во дворец королева,
А девушка в страшной тоске,
Роняя горячие слезы,
Направилась прямо к реке.

Вдоль берега долго бродила,
Печалась — не высказать как.
И вдруг возле хижины ветхой
Ей встретился старый рыбак.

Свое золотое колечко
Ему протянула она.
«Возьми! Но дружка дорогого
Достань мне с глубокого дна!»

Свою золотую корону
Ему протянула она.
«Возьми! Но дружка дорогого
Достань мне с глубокого дна!»

Раскинул рыбак свои сети
И вот на прибрежный песок
Уже бездыханное тело
С немалым трудом приволок.

И девушка мертвого друга,
Рыдая, целует в лицо:
«Ах, высохли б эти слезинки,
Когда б ты сказал хоть словцо».

Она его в плащ завернула.
«Невесту свою приголубь!» —
И молча с крутого обрыва
В холодную бросилась глубь...

...Как колокол стонет соборный!
Печальный разносится звон.
Плывут похоронные песни,
Звучит погребальный канон...

ЛИЛОФЕЯ

В древнем царстве подводном жил-был водяной,
Но манила его земля:
Он задумал сделать своей женой
Лилофею, дочь короля,

Он из красного золота выстроил мост
И, невесте богатства суля,
Вызывал на свиданье при блеске звезд
Лилофею, дочь короля.

Он коснулся белой ее руки,
Красоту королевны хваля,
И пошла за ним следом на дно реки
Лилофея, дочь короля.

И тогда схватил ее водяной
(Словно горло стянула петля):
«Не уйдешь ты отсюда! Ты будешь со мной,
Лилофея, дочь короля».

Миновало много ночей и дней,
В светлой горнице из хрусталя
Семерых родила ему сыновей
Лилофея, дочь короля.

Но однажды приснился ей странный сон —
Поле, небо, крик журавля...
И услышала тихий церковный звон
Лилофея, дочь короля.

«Отпусти, отпусти меня, водяной!
Погляди: о пощаде моля,
В унижение и в горе стоит пред тобой
Лилофея, дочь короля».

Но угрюмый супруг отвечает ей,
Плавниками в воде шевеля:
«Кто же вскормит моих семерых сыновей,
Лилофея, дочь короля?»

«Ах, не бойся, супруг, я вернусь назад,
Хоть мила и прекрасна земля.
Разве может покинуть невинных чад
Лилофея, дочь короля?»

И она восстала со дна реки
И в весенние вышла поля.
«Здравствуй, — в ноги ей кланялись стебельки, —
Лилофея, дочь короля».

И вошла она тихо в господень храм,
Небеса о прощенье моля.
«Здравствуй,— люди склонились к ее ногам,—
 Лилофея, дочь короля».

Прибежала мать, прибежал отец:
«Ты пришла, нашу скорбь исцеля,
Так пойдем же скорее в родной дворец,
 Лилофея, дочь короля».

Все светилось, сияло вблизи и вдали,
Пело небо и пела земля,
Когда слуги в родительский дом привели
 Лилофею, дочь короля.

Гости ели и пили всю ночь напролет,
Сердце сладким вином веселя:
Возвратилась домой из безжалостных вод
 Лилофея, дочь короля.

Вдруг в окно кто-то яблоко бросил на стол,
То, внезапно сойдя с корабля,
Ищет, требует, кличет незримый посол
 Лилофею, дочь короля.

«Пусть в огне это яблоко нынче сгорит!» —
Приговор свой исполнить веля,
Оробевшей служанке, смеясь, говорит
 Лилофея, дочь короля.

Но невидимый кто-то ответствует ей:
«В светлой горнице из хрустала
Семерых ты оставила мне сыновей,
 Лилофея, дочь короля».

«Ты троих заберешь, я возьму четверых,
Пусть им родиной будет земля», —
Так она сыновей поделила своих,
 Лилофея, дочь короля.

«Я троих заберу и троих я отдам.
Но, сокровище честно деля,
Мы седьмого должны разрубить пополам,
 Лилофея, дочь короля».

Все поделим: и ноги и руки его.
Ты возьмешь половину и я.
Что ж молчишь? Неужель ты боишься кого,
Лилофея, дочь короля?»

«Иль ты думал, мне сердце из камня дано?..
Ах, прощайте, цветы и поля!
Чем дитя погубить, лучше канет на дно
Лилофея, дочь короля».

ПИЛИГРИМ И НАБОЖНАЯ ДАМА

Однажды, к местам направляясь святым,
С котомкой по городу шел пилигрим
И жалобно пел, становясь у порога:
«Подайте, подайте, коль верите в бога!»

Вот глянула некая дама в окно:
«Дружок, отказать в твоей просьбе грешно,
Да муж мой, что держит меня в мышеловке,
Уехал и запер шкафы и кладовки.

Но ты не горюй — заходи поскорей.
На мягкой постели в каморке моей
Найдешь подаянье особого рода,
Которым меня наделила природа».

Вошли они в спальню — и дверь на засов.
Вдвоем до шести пролежали часов.
Вот шепчет она: «Подымайся с постели!
Ты слышишь? На улице пташки запели».

И только ворота открыл пилигрим,
Как видит: хозяин стоит перед ним.
«Господь да пошлет тебе вечное благо!» —
Крестясь на ходу, произносит бродяга.

«Эй, женка! Поклясться могу головой —
Ты хлеба дала ему из кладовой!»
«Да нет, пустячком я его наградила,
Которым мамаша меня наделила».

«Ну что ж. Так учил нас господь поступать.
Но в дом посторонних опасно пускать.
Свои подавня, невинная крошка,
Ты впредь на шесте подавай им в окошко»,

«Супруг! Разговор мне не нравится твой.
Ведь это ж — блаженный, ведь это ж — святой,
И небо, раскрыв золотые ворота,
Воздаст нам сторицей за наши щедроты!»

ГОСПОДИН ФОН ФАЛЬКЕНШТЕЙН

Однажды с охоты граф Фалькенштейн
Скакал по лесам и полянам.
И вдруг на дороге увидел он
Девчонку в платке домотканом.

«Куда ты, красавица, держишь путь?
Не скучно ль бродить в одиночку?
Поедем! Ты в замке со мной проведешь
Хмельную, веселую ночь!»

«Чего вы пристали? Да кто вы такой?
Все хлопоты ваши напрасны».
«Так знай же, я — сам господин
Фалькенштейн!
Теперь ты, надеюсь, согласна?»

«Ах, коли взаправду вы граф Фалькенштейн, —
Ему отвечает девица, —
Велите отдать моего жениха.
Он в крепости вашей томится!»

«Нет, я не отдам твоего жениха,
Ему ты не станешь женою.
Твой бедный соколики в поместье моем
Сгниет за тюремной стеною!»

«Ах, если он заживо в башне гниет, —
Бедняжка в слезах отвечает, —
Я буду стоять у тюремной стены,
И, может, ему полегчает».

Тоскует она у тюремной стены,
Звучит ее голос так жутко:
«О милый мой, коли не выйдешь ко мне,
Наверно, лишусь я рассудка».

Все ходит и ходит вокруг башни она,
Свою изливая кручину:
«Пусть ночь пройдет, пусть год пройдет,
Но милого я не покину!»

«Когда б мне дали острый меч,
Когда б я нож достала,
С тобою, граф фон Фалькенштейн,
Я насмерть бы драться стала!»

«Нет, вызов я твой все равно не приму,
Я с женщиной драться не буду!
А ну-ка, бери своего жениха,
И прочь убирайтесь отсюда!»

«За что ж ты, рыцарь, гонишь нас?
Ведь мы небось не воры!
Но то, что нам принадлежит,
Берем без разговора!»

ДОЧЬ ПАСТОРА ИЗ ТАУБЕНГЕЙМА

Там, над рекой, в долине,
Умолкли жернова,
Не свищут птицы ныне
И не растет трава.

Там все черно и голо,
Все немо и мертво.
Ах, там я заколола
Малютку своего.

Река бежит, не спросит
О горести моей
И кровь его уносит
Куда-то в даль морей.

Вознесшись к звездным хорам,
Где Млечный Путь пролег,
Глядит на мать с укором
Мой бедный ангелок.

Мы с ним рыдаем вместе
Какую ночь подряд...
К утру на людном месте
Помост соорудят.

Но в час неумолимый
Умру, того кляня,
Кто звал меня любимой
И обманул меня.

Пусть на исходе ночи
Я лягу под топор,
Но ворон вырвет очи
Тебе за мой позор!

СПОР МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Так Жизнь сказала:
«Мир этот — мой,
С весельем, песнями, кутерьмой.
Я — солнце в небе, я — свет дневной»,
Так Жизнь сказала:
«Мир этот — мой!»

Так Смерть сказала:
«Мир этот — мой.
Я все окутаю вечной тьмой.
Умолкнут песни в ночи немой»,
Так Смерть сказала:
«Мир этот — мой!»

Так Жизнь сказала:
«Мир этот — мой!
Хоть из гранита гробницы строй,
Не похоронишь любви святой»,
Так жизнь сказала:
«Мир этот — мой!»

Так Смерть сказала:
«Мир этот — мой!
Иду с войною я и чумой.
В могилу ляжет весь род людской».
Так Смерть сказала:
«Мир этот — мой!»

Так Жизнь сказала:
«Мир этот — мой!
Распахнет кладбища плуг стальной.
Взойдет колосьями перегной».
Так Жизнь сказала:
«Мир этот — мой!»

БЕГЛЫЙ МОНАХ

Я песню новую свою
Готов начать без страха.
А ну, споемте про швею
И черного монаха.

Явился к повару монах:
«Давай скорей обедать!
Что в четырех торчать стенах?
Хочу швею проведать!»

Вот он поел да побежал,
Пленный белой шейкой.
Всю ночь в постели пролежал
С красоткой белошвейкой.

Меж тем колокола гудят,
Зовут монахов к мессе:
«Эх, что сказал бы мой аббат,
Когда б узнал, что здесь я?»

Он пред аббатом предстает,
Потупив долу очи.
«Мой сын, изволь-ка дать отчет,
Где был ты этой ночью?»

И говорит ему чернец:
«Я спал с моею милкой

И пил вино, святой отец,
Бутылку за бутылкой!..»

Весь день томительно гудят
Колоколов удары.
Монахи шепчут: «Бедный брат,
Побойся божьей кары!»

И говорит чернец: «Друзья,
Погибнуть мне на месте,
Но мне милей моя швея,
Чем все монахи вместе!»

Кто эту песенку сложил,
Ходил когда-то в рясе,
В монастыре монахом жил,
Да смылся восвояси.

ПОРТНОЙ В АДУ

Под утро, в понедельник,
Портняжка вышел в сад.
Навстречу — черт: «Бездельник,
Пойдем со мною в ад!
Теперь мы спасены!
Сошьешь ты нам штаны,
Сошьешь нам одежонку,
Во славу сатаны!»

И со своим аршином
Портняжка прибыл в ад.
Давай лупить по спинам
Чертей и чертенят.
И черти смущены:
«Мы просим спить штаны,
Но только без примерки,
Во славу сатаны!»

Портной аршин отставил
И ножницы достал.
И вот, согласно правил,
Хвосты пооткромсал,

«Нам ножницы страшны!
Изволь-ка шить штаны,
Оставь хвосты в покое,
Во славу сатаны!»

С чертями трудно сладить.
Портной согрел утюг
И стал проворно гладить
Зады заместо брюк.
«Ай-ай! Ужель должны
Нас доконать штаны?
Не надо нас утюжить,
Во славу сатаны!»

Затем он вынул нитку,
Чертей за шкуру — хватъ!
И пуговицы начал
Им к брюху пришивать.
И визг и плач слышны:
«Проклятые штаны!
Он спятил! Он рехнулся,
Во славу сатаны!»

Портной достал иголку
И, не жалея сил,
Своим клиентам поздри
Как следует зашил.
«Мы гибнем без вины!
Кто выдумал штаны?
За что такая пытка,
Во славу сатаны?!»

На стену лезут черти —
Шитье всему виной.
«Замучил нас до смерти
Бессовестный портной!
Не слезем со стены!
Не будем шить штаны,
Иначе мы подохнем,
Во славу сатаны!»

Тут сатана явился:
«Ты, парень, кто таков?
Как ты чертей решил
Оставить без хвостов?»

Коль так — нам не нужны
Злосчастные штаны.
Проваливай из ада,
Во славу сатаны!»

«Ходите с голым задом!» —
Сказал чертям портной
И, распрощавшись с адом,
Отправился домой.
Дожив до седины,
Он людям шьет штаны,
Живет и не боится
Чертей и сатаны!

БАЛЛАДА О ДВУХ БРАТЬЯХ

Случилось, что как-то в единый час
Скончались два кровных брата.
Кто в жизни был беден — в раю сейчас,
В аду страдает богатый.

Богатого душит нещадный зной,
Он ввысь устремляет взгляды,
Туда, где блаженствует брат родной
Среди небесной прохлады.

«Ах, брат мой любимый, мой добрый брат,
Хотя бы глоток однажды
Из светлого рая прислал мне в ад,—
Ведь я изнемог от жажды».

«Ах, брат мой несчастный, твой скорбный зов
Едва ли услышат в небе:
Ты хлебом кормил свиней и псов,
А людям отказывал в хлебе».

«Любимый, единственный, добрый брат,
Замолви словцо за брата:
В своем прегрешенье не я виноват —
Богатство мое виновато!

Мне легче держать на своих плечах
Все сущие в мире горы,
Чем жариться вечно в адских печах
С нетленным клеймом позора.

И если б по крошке от этих гор
Раз в год уносили птицы,
Я знал бы — изменится приговор
И в будущем мне простится».

«Аминь, аминь! И здесь и там
Господь всемогущий правит.
Молись — господь поможет нам
И в горе не оставит».

ПРОДАННАЯ МЕЛЬНИЧИХА

В деревню мельник под хмельком
Без денег шел, да с кошельком.
Но денежки найдутся.

Вот завернул он в лес густой —
Навстречу три злодея: «Стой!»
И три ножа сверкнули.

«Здорово, мельник! Нам нужна
Твоя брюхатая жена.
Мы хорошо заплатим!

Чего ты струсил? Не дрожи!
Вот — триста талеров держи
И убирайся с богом!»

«Как! Моего ребенка мать
За триста талеров отдать?!

Нет, мне жена дороже!»

«Бери шестьсот — и по рукам!
Ее ты в лес отправишь к нам
Не позже, чем сегодня!»

«Да вы в уме ль? — воскликнул муж. —
Мне за вдовство столь жалкий куш?!
Здесь тысячами пахнет!»

Хохочут изверги: «Разбой!
На девятьсот — и черт с тобой!
Но шевелись живее!»

Бедняга муж потер чело:
«Ну, девятьсот — куда ни шло.
Что ж! Сделка состоялась».

Домой вернулся он... Жена
Ждет у ворот как смерть бледна:
«Откуда ты так поздно?»

«Жена! Я из лесу иду.
Там твой отец попал в беду.
Беги к нему на помощь!»

И лишь она вступила в лес,
Как ей спешат наперерез
Разбойники с ножами.

«Красотка, здравствуй! В добрый час!
Твой муженек три шкуры с нас
Содрал за эту встречу!»

И принялись ее топтать,
По лесу за косы таскать.
«Сейчас помрешь, красотка!»

«О боже! Не снесу я муку!
Ах, проклят будь злодей супруг
На том и этом свете!»

Когда бы мой услышал крик
Мой брат-охотник, в тот же миг
Он вас убил бы, звери!»

И тут, сестры заслышав зов,
Явился брат из-за кустов
И уложил злодеев.

«Сестрица, не о чем тужить.
Пойдем со мной! Ты будешь жить
В родном отцовском доме!..»

Прошло три долгих дня. И вот
Охотник мельника зовет:
«Зайди-ка, мельник, в гости!..»

«Ну, зять, здорово! Как живешь?
Что ж без жены ко мне идешь?
Сестрица не больна ли?»

«Ох, шурин, горе у меня.
Твою сестру третьева дня
На кладбище снесли мы.

Душа бедняжки — в небесах...»
Но тут с младенцем на руках
К ним мельничиха вышла.

«Ах, мельник-изменник, мошенник и вор!
Жену заманил ты к разбойникам в бор —
Так сам отправляйся на плаху!»

ПРО СТРАНУ ШЛАРАФФИЮ

На белом свете есть одна
Весьма чудесная страна,
И не солгу, ей-богу,
Что сам туда бы побежал,
Когда бы знал дорогу.

Страну Шлараффией зовут.
Одни лентяи там живут
За сахарной горою.
А как быстрее к ним попасть,
Я вам секрет открою.

Кто хочет, пусть в один присест
Ту гору сахарную съест,
Затем на тропку выйдет
И ровно через пять минут
Шлараффию увидит.

Там стены башен и домов
Из кренделей и пирогов,
И в каждом закоулке
Растут на липах и дубах
Поджаристые булки.

Пирожным, пышкам — счету нет.
Не надо никаких монет —
Бесплатно все дается.
А если выпить захотел —
Вино в любом колодце.

Вокруг домов (таков приказ)
Стоят заборы из колбас —
Закуска под рукою.
Пасется прямо на лугу
Отменное жаркое.

Страна, как видим, неплоха:
В озерах плещется уха,
И рыбка не в обиде,
В сеть попадая к рыбаку
Уже в вареном виде.

Летают по небу — ей-ей —
Там стаи жареных гусей.
И — верите ли — сразу
Они лентяям прямо в рот
Влетают по заказу.

А что за свиньи в той стране!
С ножом и вилкою в спине
Взывают к вам: «Дружочек,
Отведать просим ветчины.
Отрежь себе кусочек!»

Пусть сыровары нас простят —
Там сыром улицы мостят,
И воробыиной стае
Незаменимая еда
Такая мостовая.

А летом — чудо из чудес! —
Не дождь, а мед бежит с небес
По всем холмам и склонам,

Что скажешь! Сладкое житье
В Шлараффии сластенам!

Шумит зима белым-бела —
Муку и сахар намела,
Мукой посыпан ельник.
Вот то-то будет пир горой,
Когда придет сочельник!

Весною каждая река
Полна парного молока,
А на лесной опушке
Растут на ветках, на сучках
Тарелки, ложки, кружки.

Едва разыграет аппетит,
Всяк искупаться норовит,
И неспроста девицы
В шлараффской чудо-стороне
Пышны и круглолицы.

Богаче всех иных людей
Тот, кто содержит лошадей,
Затем что по привычке
Кобылы здешние несут
Алмазные яички.

Ну, а почет особый там
Закоренелым должникам.
Едва просрочишь дату,
Займодавец должнику
Двойную тащит плату.

А шаромыжники, лгуны!
Их перевозносят до луны.
Встречают их приветом.
Но только требуется: лгать
И не краснеть при этом.

Считают там за благодать
Побольше в карты проиграть:
По местному закону
Тот, кто продулся в пух и в прах,
Все забирает с кону.

Зайди в любой шлараффский бор —
О, диво! Разгорится взор:
Висят на каждой ветке
Камзолы, шляпы, башмаки,
Атласные жилетки.

Вот это, понимаю, край!
Что приглянулось — выбирай.
Все по последней моде!
А платья, кружева, платки
Есть в каждом огороде.

Приходят люди на базар,
Товар меняют на товар.
Супругу дорогую,
Коль надоела, приводит —
Сменяешь на другую.

Течет за городом река,
Не широка, не глубока.
Столетний дед с одышкой
Ныряет в воду стариком,
А вынырнет парнишкой.

Когда поеду в ту страну,
Я захвачу с собой жену.
Пусть в речку окунется
И вновь невестой молодой
Немедля обернется.

Кого вконец заела лень,
Кто спит в постели целый день,
Часов двенадцать кряду,
Тому вручает магистрат
Почетную награду.

Но если ты трудолюбив,
Прилежен, бодр и не ленив,
Тогда, согласно правил,
Тотчас потребуют, чтоб ты
Шлараффский край оставил.

Дурак, болтун и ротозей
Имеют звания князей,
А главный лежебока,

Провозглашенный королем,
В народе чтим глубоко...

...Все это нынешней зимой
Мне рассказал один немой,
А подтвердил публично
Слепой, который этот край
Недавно видел лично.

И у меня сомнений нет.
Так вот вам, лодыри, совет:
Зря небо не коптите,
А всей компанией честной
В Шараффию катите!

МАЛЕНЬКИЙ СКРИПАЧ

Когда родился я на свет,
Меня качали в зыбке.
Прошло не так уж много лет —
Я стал играть на скрипке.

В родной стране, в чужом краю
Играл я задушевно.
Влюбилась в музыку мою
Однажды королева.

«Зайди скорее во дворец,
Сыграй мне два куплета!»
«Да разве можно?! Ваш отец
Казнит меня за это!»

«Зайди скорее во дворец,
Оставь свою работу:
Сегодня ночью мой отец
Умчался на охоту».

И вдруг — король влетел во двор!
Как выдернет он шпагу!
Как закричит: «Разбойник! Вор!
Схватить! Казнить бродягу!»

Вот день прошел, прошло два дня.
Ох, и хлебнул я страху!
На третий день ведут меня
Три стражника на плаху.

Король на зрелище созвал
Соседей и соседок.
«Дозвольте, братцы,— я сказал,—
Сыграть вам напоследок».

Король, слегка умерив гнев,
Кивнул своей короной.
И заиграл я тут напев
Протяжный, похоронный.

Какой тогда поднялся плач!
Толпу трясло от плача.
«Ну вот что, маленький скрипач,—
Король воскликнул, плача,—

Бери-ка в жены дочь мою!
Играешь ты на славу.
Тебе свой замок отдаю
И всю мою державу!»

ХОЗЯИН И ПОДМАСТЕРЬЕ

Зима стучится в двери,
Метели замели.
«Эй, слышишь, подмастерье?
Дровишек наколи!

Да шевелись живее,
Стащи-ка их в подвал,
Пока клюкой по шее
Тебе не надавал!...»

...Весна стучится в двери,
В саду ручей течет.
Приходит подмастерье
И требует расчет:

«А ну, плати, хозяин —
Я странствовать иду.
Ты вместо хлеба, каин,
Давал нам лебеду!»

«Ах, что ты? Ах, куда ты?
Останься до зимы.
Желаешь — два дуката
Я дам тебе взаймы.

Найдется белый пряник,
Коль черен хлеб ржаной.
Не хочешь спать в чулане —
Так спи с моей женой».

«Спать с этой старой бочкой?!
Рехнулся ты небось —
Когда с твоею дочкой
Недурно мне спалось!»

МУСКАТ

Святая троица, прости!
Дружочек мой желанный
Сидит в подвале, взаперти,
В рубашке деревянной.

А чтобы житель погребка
Не буйствовал ночами,
Ему дубовые бока
Сдавили обручами.

Вчера к дружку я пробралась
Во тьму его подвала
И до того там надралась,
Что еле-еле встала.

Но у меня обиды нет,
В душе — ни капли злости.
Я всем даю один совет:
К нему зайдите в гости!

Вам жизнь покажется легка,
Коль вам он станет братом.
Все знают этого дружка:
Ведь звать его Мускатом!

ВЛАСТЬ ДЕНЕГ

Деньги правят целым светом,
Все построено на этом.
Денег нет — ходи раздетым,
Голодай зимой и летом.
Будешь тощим, как скелет,
Коль в кармане денег нет.

Стоит Искусство под окном,
Да зря стоит: не впустят в дом.
В лохмотьях жалких Мудрость стонет —
Богач ее в три шеи гонит.
Честь, Верность, Правда, Доброта —
Для них закрыты ворота.

Могли бы вам Закон и Совесть
Поведать горестную повесть.
Придет Любовь — привратник злой
Бедняжке пригрозит метлой.
Но только в дом заглянет Пфенниг —
Везде желанный гость, мошенник.
Ведь без него ни встать, ни сесть,
Ни пива выпить, ни поесть.
Видать, сам черт забрался в Пфенниг,
Коль не прожить и дня без денег!

БЫЛА Б ТЫ НЕМНОГО БОГАЧЕ...

Однажды я на берег вышла,
По тропке спустилась к реке.
Вдруг вижу: челнок подплывает,
Три графа сидят в челноке.

Вот граф, молодой и прекрасный,
В бокал наливает вина:

«Красавица, светик мой ясный,
Ты выпить со мною должна».

Глядит на меня чуть не плача
И шепчет, склонясь надо мной:
«Была б ты немного богаче,
Моей бы ты стала женой».

«Не смейтесь над девушкой честной.
Зачем мне ваш графский дворец?
Бедняк из деревни окрестной
Меня поведет под венец».

«А коль жениха не дожدهшься
Ни в том и ни в этом году?»
«Тогда я монахиней стану,
Тогда я в обитель уйду».

С тех пор миновало полгода,
Зима наступила, и вот
Приснилось ему, что голубка
Монахиней в келье живет.

Стрелой к монастырским воротам
Летит он на быстром коне...
Открылось окошечко: «Кто там?»
«Любовь моя, выйди ко мне!»

И девушка в белом наряде
Выходит к нему на порог.
Отрезаны длинные пряди,
И взгляд ее грустен и строг.

Он ей не промолвил ни слова,
Он ей не сказал ничего.
Но сердце от горя такого
Разбилось в груди у него.

СВИДАНИЕ С МЕРТВЫМ ЖЕНИХОМ

Ее он любил когда-то,
Да взяли его в солдаты.
Ему сказала она:
«Зачем так печален взор твой?

Живой ты будешь иль мертвый,—
Я стану ждать у окна,
Пока отгремит война».

За месяцем месяц мчится.
Вот всадник в окно стучится
Осенней порой ночной.
«Ты помнишь иль ты забыла,
Как прежде меня любила?
Садись на коня со мной!»
«Я жду тебя, мой родной!»

Он обнял ее за шею
И вот уже вместе с нею
На черном летит коне.
«Не страшно ль тебе, родная?»
«О милый, ведь не одна я.
Чего же бояться мне
В своей ли, в чужой стороне?»

Как жалобно ветры плачут.
Как мертвые быстро скачут.
Проехали шаткий мост.
К часовне ведет дорога.
Осталось скакать немного:
Белеет вдали погост
При свете холодных звезд.

«Любовь моя и отрада,
Навек нам расстаться надо»,—
Невесте сказал жених.
И лег он в сырую землю:
Лишь мертвых земля приемлет
В объятья могил своих,
Но не берет живых.

ВЕЙНСБЕРГСКИЕ ЖЕНЫ

Мы затынем с вами чинно
Эту песнь седых времен.
Есть серьезная причина
Нам воспеть отвагу жен,

Верность женскую прославить
В подобающих стихах,
Как бы памятник поставить
В человеческих сердцах.

Сей рассказ из давней были
К нам пришел через века:
Крепость Вейнсберг окружили
Наступавшие войска.
Кайзер Конрад разъяренный
Гнал на штурм бойцов своих,
Но железной обороной
Старый герцог встретил их.

День и ночь идет осада,
День и ночь гремит война.
Прочь отброшена пощада,
Вельфам гибель суждена.
Среди грохота и воя,
Средь бушующих огней
Милосердие простое
Груды золота ценней.

Крепость мечется в тревоге
От негаданной беды:
Перерезаны дороги,
Нет ни хлеба, ни воды.
Даже старые рубаки
Приуныли в эту ночь:
«Все подохнем, как собаки,
Может бог один помочь».

Но когда душа мужчины
В подлый страх погружена,
Из печали, из кручины
Мужа выручит жена.
Так и здесь... Твердя молитвы,
Через вражеский редут
Толпы жен на поле битвы
Прямо к Конраду идут.

«Кайзер, внимли нашим стонам,
Дай от смерти жизнь спасти,
Разрешి несчастным женам
Прочь из крепости уйти!»

И! ответил победитель,
Тронут этою мольбой:
«Уходите и берите
Все, что можете, с собой!»

И взгляните — что за диво!
Свет любви тая в очах,
Жены вышли торопливо
С тяжелой ношей на плечах.
Но не серебро, не золото,
Не дары своей земли —
Мужа, сына или брата
На плечах они несли.

Конрад, полон удивленья,
Молвит: «Вот чего не ждал!»
И в припадке умиленья,
Как младенец, зарыдал.
И противнику в награду
За любовь и верность жен
Повелел он снять осаду.
Так был город пощажен...

О великие герои,
О бесстрашные бойцы,
Люди Спарты, люди Трои,
Громких подвигов творцы!
Вашей силе и отваге
Неспроста дивится свет,
Но в какой, скажите, саге
Подвиг женщины воспет?

Разве гимнов не достойна
Та, что, долю не кланя,
Мужа вынесет спокойно
Из смертельного огня?
Слова лишнего не скажет,
Все поймет и все простит,
Другу рану перевяжет,
Лоб горячий остудит.

Как божественное чудо,
Щедрой данное судьбой,
На земле везде и всюду,
Навсегда она с тобой!

Пусть же славятся отныне
До скончания времен
В гимне, в песне и в былине
Честь, любовь и верность жен!

БАЛЛАДА О ГОЛОДНОМ РЕБЕНКЕ

«Матушка, матушка, хлеба дай —
Голод замучил, хоть пропадай».
«Хлебушек завтра посеем, сынок.
Надо еще потерпеть денек».

Вот в землю брошено зерно —
Твердит ребенок все одно:
«Матушка, матушка, хлеба дай —
Голод замучил, хоть пропадай».
«Завтра начнется жатва, сынок!
Надо еще потерпеть денек».

Вот стало колосом зерно —
Твердит ребенок все одно:
«Матушка, матушка, хлеба дай —
Голод замучил, хоть пропадай».
«Завтра начнем молотить, сынок.
Надо еще потерпеть денек».

Уже в мешках лежит зерно —
Твердит ребенок все одно:
«Матушка, матушка, хлеба дай —
Голод замучил, хоть пропадай».
«Завтра на мельницу съезжу, сынок.
Надо еще потерпеть денек».

Мукою сделалось зерно —
Твердит ребенок все одно:
«Матушка, матушка, хлеба дай —
Голод замучил, хоть пропадай».
«В печку тесто поставлю, сынок.
Надо еще потерпеть денек».

Вот хлеб горою на столе,
Да жаль, дитя — в сырой земле,

НАДЕЖДА

Тяжела, страшна утрата —
Все погибло без возврата.
Понапрасну слез не лей.
Что корить судьбину злую?
Позабудь любовь былую,
О минувшем не жалей...

Но и в черный день бессилья
Нам дает надежда крылья,
Заставляет жить сердца.
Жарко шепчет: «Не сдавайся!
Полно хныкать! Оставайся
Тверд душою до конца!»

Ах, не будь у нас надежды,
Мы б давно сомкнули вежды,
Может, сами б в гроб легли.
Но она, лишь скорбь заметит,
Светлой радугой засветит,
Вспыхнет звездочкой вдали.

Если ранен, если болен,
Если жизнью обездолен,
Сердце даром не неволь.
Только вспомни про нее ты —
Сразу снимет все заботы,
И твоя утихнет боль.

Если стану помирать я,
Не спешите плакать, братья!
Пусть тогда моя родня
Позабудет о погосте
Да зовет надежду в гости —
И, глядишь, спасет меня!

ПУТАНИЦА

Жил в мужике богатый дом,
Пил хлеб, закусывал вином,
Стриг ножницы овечкой,
Доской рубанок он строгал,

В коня повозку запрягал,
Топил поленья печкой.

Он просыпался к вечерку,
Стегал кобылкой вожжи,
Из пирога он пек муку,
Из пива делал дрожжи.

Сажал он в репе огород,
Воров поставил у ворот,
Чтоб под покровом мрака
Не влезла в дом собака.

Он в рыбах озеро удил,
Ему сынок жену родил,
А мышь поймала кошку.
Кормил он курами овес,
Землею удобрял навоз,
Хлебал отваром ложку.

Он на ночь хлев пускал в коров,
Срывал деревья с груши,
В деревню лес возил из дров,
На лодке плыл по суше.

Подковой молот он ковал,
Огнем горнило раздувал
И, выпачкавшись в бане,
Купался в грязном жбане.

Но вот, закончив зимний сев,
На шляпу голову надев,
Побрел он на пирушку.
В кругу заплаканных кутил
Он, трубку спрятав, закурил
И в пиво налил кружку.

Да не пришлось попить:
Подвыпивший бродяга
По кулаку зубами — хват!
И помер наш бедняга.

Ему могилу принесли,
Он встал живой из-под земли,
Отпел отца святого
И в пляс пустился снова!

**СТАРИННОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ БЛИЗКОЙ ВОЙНЫ,
КОТОРАЯ, ОДНАКО,
ОКОНЧИТСЯ ВЕСНОЮ**

Как подойдет Святой Матвей,
Листва осыплется с ветвей,
В полях задует ветер, лют.
Остерегайся, бедный люд!
Спустилось солнышко в овраг.
В страну идет старинный враг,
Ведет бесчисленную рать
И всех готовится сожрать!
Уже он бросил в первый бой
Холодный дождь и ветер злой,
И в подпол прячутся скорей
Картофель, репа, сельдерей,
Дрожит озябшая лоза,
В испуге вылупив глаза,
Глядят вокруг: сбежать куда бы? —
Лягушки, ящерицы, жабы.
А тот идет со всех сторон!
Отважных птиц он гонит вон.
От взбудораженной земли
Летят подальше журавли.

Враг близко! Рядом! У ворот!
Но не теряется народ:
В домах, готовясь к бранной встрече,
Вставляют стекла, чинят печи,
Несут мешки, бочонки катят,
Двойные двери конопатят.
Держитесь, братцы! Не робейте!
Пуховики, перины взбейте!
Не спите около окон!
Война диктует свой закон:
Нельзя судачить на крылечке,
Запрещено купаться в реке
И — ни открыто, ни тайком —
По саду бегать босиком.
Должны быть спрятаны в кладовке
Все ваши летние обновки,
Платки и кофточки из ситца
Не могут до поры носиться,

Штаны и шляпы под запретом,
В которых вы ходили летом.

Враг у ворот! Готовьте сани!
Уже везут дрова крестьяне,
И уголь угольщик везет,
Чтоб нас избавить от невзгод...
Но вот в село вступает враг.
Он развернул свой снежный флаг.
Овладевая рубежом,
Он режет ветром, как ножом,
Леса и реки в плен берет.
Но говорит ему народ:
«Плевать на то, что ты суров!
В хлева упрячем мы коров,
Наденем боевые латы
Из меха, войлока и ваты.
Держись! Ногами будем топтать,
Тереть носы, руками хлопать.
Не убоимся ничего!
А ну, посмотрим, кто — кого?»

И тут же армия врага
На нас обрушила снега.
Река — под ледяною кровлей.
Как быть отныне с рыбной ловлей?
Но мы, злодею на беду,
Прорубим проруби во льду.
Пусть враг забрал у нас коляски,
У нас есть сани да салазки.

Но враг войну ведет всерьез.
Он шлет на мельницу мороз.
Вот вам и черный понедельник!
Да не робеет старый мельник.
Враг хорошо ему знаком,
Его он шпарит кипятком,
Лопатой бьет, огнем страшает —
И вновь колеса вал вращают.
А между тем из всех избышек
Дым вылетает, как из пушек.
Огонь! — и мы печам в нутро
Суем полено, как ядро.
Закрыты наглухо все двери.

Но, впрочем, есть у нас потери
Кому-то бешеный мороз
Отменно изукрасил нос,
Другой метелицей контужен,
А третий кашляет: простужен.

Что делать?.. Но в конце концов
Мы за весной пошлем гонцов.
Весна придет! Свершится чудо!
О, как морозу будет худо,
Когда через недолгий срок
Подует вешний ветерок,
Вернет тепло родным просторам,
И станет враг худым и хворым.
Тогда сквозь все пробьются дыры
Приметы радости и мира:
Травинка, стебель, ландыш хрупкий,
Мороз согласен на уступки,
Но солнце огненным лучом
Пронзит злодея, как мечом.
Все вострепнется, оживится,
Из дальних стран вернутся птицы,
Проснутся нивы и луга,
Освободившись от врага,
Но лишь пойдет на убыль год,
Враг снова двинется в поход.
И ты, приятель, помня это,
Всегда к зиме готовься с лета.
Тебе примером — муравей.
И пусть придет Святой Матвей!

ГАНС САКС

1494—1576

**ИЗВЛЕЧЕНИЕ
ДУРАКОВ**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В р а ч
С л у г а
Б о л ь н о й

В р а ч
(входит вместе со слугой)

Ну, добрый вечер, господа!
Я кем-то вызван был сюда.
Будь это старец иль девица —
Больному врач всегда сгодится.
Эй вы, больные! Где вы тут?
Лечу любую из простуд,
Подагру, кашель, камни в почке,
Похмелье после пьяной ночи,
Зубную боль, дурную кровь
И безнадежную любовь.
Могу спасти без разговоров
Вас от поносов и запоров,
Промыть кишки, спустить мочу.
Все это ловко я лечу
За плату не бог весть какую.
А что я в деле маракую —
Вот грамота, а вот печать.
(Показывает грамоту и печать.)

С л у г а
(глядит во все стороны)

Ошиблись местом мы, видать.
Да разве мы к больным попали?
Им доктор надобен едва ли.
Да тут одни здоровяки —
Румяны, веселы, крепки.
Вишь, скалят зубы: ха-ха-ха!

Недолго, барин, до греха.
Ей-ей, уйдемте лучше сами.

В р а ч
(*раскланивается*)

Да будет божья милость с вами!
Коль мы не в тот попали дом,
Отклоняемся и уйдем.
Мир всей компании честной!

Между тем на костылях приближается больной с огромным
брюхом.

С л у г а
Глядите, вон идет больной!

Б о л ь н о й
Любезный доктор, вы ли это,
О ком шумит молва по свету
Как о мудрейшем из врачей,
Искусство чье и разум чей
Мгновенно, всем на удивленье,
Приносят хворым исцеленье?
Коль так, явите милость. Вот —
Раздулся у меня живот,
Как у последней потаскухи.
Нытье и шевеленье в брюхе.
Не сплю до самого утра.
Чем хворь мне выгнать из нутра?
Скажите, доктор, в чем тут дело?
Водянка, что ли, одолела
Или какой там зреет плод?

В р а ч
Сперва проверим твой испод.
Принес ли ты с собой мочу?

Б о л ь н о й
А как же? Я ведь шел к врачу,
(*Дает ему склянку.*)

В р а ч
(*рассматривает*)
Да, брат, моча дурного цвета,
От живота исходит это,

Б о л ь н о й

Вот! Вот! Всю жизнь кишками маюсь.

В р а ч

**Тебе помочь я постараюсь.
Но ты во что бы то ни стало
Напиток примешь для начала.
Я сам тебе его сварю.**

Б о л ь н о й

**От всей души благодарю,
Но я лекарств пивал немало,—
Едва живот не разорвало.
Полдня не мог ни встать, ни лечь.**

В р а ч

**Ты мне, голубчик, не перечь!
Видать, ты не в своем рассудке.
Скопилась дрянь в твоём желудке.
Ее должны мы выместь прочь,
Дабы беде твоей помочь.**

Б о л ь н о й

Ох, тут пойдет такая вонь!..

С л у г а

Да что, тебя совсем не тронь?

Б о л ь н о й

**Избави бог меня от пыток!..
Каков же будет сей напиток?
Быть может, пиво или мед,
А то от жажды сохнет рот.**

В р а ч

**Лечись, приятель, без опаски!
Сперва отведаешь колбаски,
Затем, позавтракав слегка,
Ты выпьешь кварту молока,
Разбавленную черным пивом,
Заешь все это черносливом,
И, наконец, воды испив...**

Б о л ь н о й

Я съел уже две сотни слив,
Пил молоко, глотал сметану,
И — я таить от вас не стану —
Отведав снадобье, за час
До ветру бегал десять раз.
Брр!.. Вывернуло наизнанку...

В р а ч

А ну, слуга, подай-ка склянку.
Авось найдем причину бед...
Мне это снится или нет?!
Да ты — прощупай сам руками —
Набит по горло дураками.
Их целый полк в тебя залез.

С л у г а

Сейчас мы сделаем надрез.
Небось полпуда выйдет грязи.

Б о л ь н о й

Ни боже мой! Ни в коем разе!
Уж это, сударь, вы наврали!..
Как дураки ко мне попали?
Шабаш! Лечиться не хочу!

В р а ч

Я выпить дам тебе мочу —
Поймешь, какие это враки.
Ужо заползают, как раки,
В размякшем брюхе дураки.

Б о л ь н о й

(пьет)

Наверно, это червяки,
А будто жабы заурчали.
Вот уж какой не ждал печали!

В р а ч

(подает ему зеркало)

Врачу не веришь — так взгляни!
Держи-ка зеркало.

Б о л ь н о й
(*смотрит в зеркало, хватается себя за уши*)

Они!
Сам вижу, сколь недуг опасен.
Кладите! Режьте! Я согласен!

С л у г а
Постой, браток, не егози!
Сперва себя вообрази
Покойником в могильной яме:
Лежи — и не сучи ногами.
Не шутка вспарывать живот.

Б о л ь н о й
Ах, он меня вконец добьет!
Стать мертвецом?! Какая гадость
Лежать в гробу, жене на радость!..

С л у г а
Ну, брат, давай. Чего ты ждешь?
Эх, с дураками пропадешь!

Б о л ь н о й
Бог с ним! Валяйте! Так и быть!
Желудок снова начал ныть.
Давно бы мне его настроить.
Но сколько это будет стоить?

В р а ч
Бесплатно сделаю надрез.
Дороже денег — интерес.
Что взять с несчастного такого?
Слуга! Все у тебя готово?

С л у г а
(*подает инструменты*)
Хозяин, я давно готов.
Вот нож для вспорки животов,
Вот губка, ножницы и клещи.
Сюда кладу я эти вещи.
А вот — ему бодрящий сок.

Б о л ь н о й

Дозвольте выпить хоть глоток,—
Желудок малость успокою.

В р а ч

Как только я махну рукою,
За шею ты его хватай
И полотенцем обмотай.
Начнет хрипеть — водою spryсни.

С л у г а

(обматывает шею больного полотенцем)

А ну-ка, парень, зубы стисни.
Терпи, не то испустишь дух.
Авось излечат твой недуг
И станешь молодым да свежим.

В р а ч

Подай-ка нож. Сейчас надрежем.
(Режет.)

Б о л ь н о й

(кричит)

Злодеи! Стойте! Жжет огнем!

С л у г а

Ты был предупрежден о том.
Небось не на блинах у тещи.

В р а ч

*(погружает в брюхо больного щипцы,
вытаскивает первого дурака)*

Дивись моей врачебной мощи!
На, погляди: неплох улов!
Ну до чего ж большеголов!

Б о л ь н о й

(хватается за живот)

Ох, доктор, вроде полегчало.

В р а ч

Какая мразь в тебе торчала!
Ты, дурака в нутро впустив,

Стал своенравен и спесив.
Теперь понятно, почему ты
Всегда ходил такой надутый,
Бахвал, хвастун, соседям враг.
Тому причиной — сей дурак.
С подобным чудищем в утробе
Давно б ты мог лежать во гробе,
Созрел для этого вполне.
Смекаешь, брат?..

С л у г а

Сдается мне,
Что у него застряли в брюхе
Еще дружки в таком же духе,
Вы поглядите, господин.

В р а ч

(заглядывает больному в брюхо)

Ну, так и есть! Еще один!
С башкою четырехугольной!

Б о л ь н о й

Ой, помираю! Страсть как больно!

С л у г а

Молчи-ка, олух! Не скули!
Глянь, что за дурня извлекли.
Знать, долго в брюхе находился.

Б о л ь н о й

Я словно заново родился.
Уф, хорошо!.. Но кто таков
Второй из этих дураков?

В р а ч

(показывает ему щипцы)

Кто он таков? Узнай, бедняга.
Сей дурень — самый главный скряга.
Как он залез к тебе в нутро,
Ты начал скапливать добро,
Сквалыгой стал и крохобором,
Сарай закрыл двойным запором.
Коль это для тебя не стыд —
Пускай дурак в тебе сидит.

Б о л ь н о й
(*хватается за бока*)

А это кто еще такой?
Вот здесь пощупайте рукой.
Десятый год мне брюхо точит
И вылезать никак не хочет.

С л у г а

Слыхали? Запищал, как мышь!

В р а ч
(*залезает щипцами и вытаскивает дурака*)

Нет, у меня не пошалишь!

Б о л ь н о й

О, поглядите, доктор милый!
Какой-то желтый он и хилый,
С чего он, бедный, высох так?

В р а ч

А он завистливый дурак.
Не зря ты вечно был не в духе,
Храня такую пакость в брюхе.
Допустим, счастлив твой сосед, —
Ты зол, тебе покоя нет.
Зато, когда сосед твой болен,
Ты веселишься, ты доволен.
Всему виною — тот подлец.
Ну как, смекаешь наконец,
Насколько был ты близок к смерти?

Б о л ь н о й

Я много лет терпел, поверьте.
Загрызла зависть...

С л у г а

А теперь
Еще разок живот проверь.
Добра какого не осталось?
Помни, не бойся!

Б о л ь н о й
(*мнет брюхо*)

Пучит малость.
Ногами кто-то бьет в бока.
Хватайте, доктор, дурака!
(*Кричит.*)
Ох, отпустите! Ох, не надо!

В р а ч
(*показывает ему дурака и говорит*)

Гляди, какого вынул гада.
И до чего ж опасный, плут!
Он похоть разжигал да блуд.
Тебя он сильно опорочил:
Ты девкам головы морочил,
Любовниц что ни день менял,
Своей супруге изменял.
Не вырви я его отсюда,
Тебе бы, парень, было худо.

Б о л ь н о й
Вы, доктор, из цыган небось:
Все так и видите насквозь...
Опять в кишках скребется что-то.

В р а ч
(*орудует щипцами*)
О, боже! Новая работа!
Ишь! Упирается да вьется.
Здесь силой действовать придется.
А ну, сдавайся, сатана!

Б о л ь н о й
(*кричит*)
Ох, до чего ж гудит спина!
Вы, видно, кончите не скоро.

В р а ч
(*вытаскивает дурака*)
А вот и он! Дурак-обжора!
Он у тебя в нутре сидел,
И ты не в меру пил и ел.
К тому ж, когда набито брюхо,

Мозг слабнет, сердце бьется глухо.
Обжорство в дом несет разор,
Великий, стало быть, позор.
Ну, видишь сам, помог тебе я,
Убрав столь вредного злодея.

Б о л ь н о й

Мне, право, с ним расстаться жаль.

С л у г а

Вот тоже выдумал печаль!
Поди-ка, все теперь в порядке?

Б о л ь н о й

Домой помчусь я без оглядки.
Зашейте брюхо поскорей!

С л у г а

(прислушивается)

Там кто-то хрюкает, ей-ей!
Вот ведь как, бесы, притаились:
Еще один дурак не вылез.
Придется снова надрезать.

В р а ч

(орудует щипцами)

Ну, этого трудненько взять!
Беру его под самый корень,
А он противится. Упорен!
Нажмем-ка вместе. Так. Давай!

Б о л ь н о й

Хребет сломали! Ай-ай-ай!
Ох, послабее, что ль, тяните!

В р а ч

Сам не пойдет — заставлю выйти!
Не узнаешь его, милоч?
Сей дуралей — причина склок.
Изрядно с ним хлебнул ты горя,
По пустякам с друзьями споря.
Бывало, сунешься в кабак,
И тотчас — свара, кавардак.
Тут слово за слово, а дале,

Глядишь, тебе бока намяли.
Теперь ты понял, братец мой?

Б о л ь н о й

Пожалуй, я пойду домой.
Зашейте мне живее пузо!

С л у г а

Ну, как — избавился от груза?
Небось ничто не беспокоит?

Б о л ь н о й

Да как сказать... Немного поет.
В боку дурак засел, кажись.

В р а ч

Засел в боку? Тогда держись!
(Орудует щипцами.)
Эге! Он тут накуролесил.
(Вытаскивает дурака.)

С л у г а

Чего он голову повесил?
Губами чмокает. Сопит.

В р а ч

Тсс... Не будите... Дурень спит.
Вот он — великий лежебока!
Засел в нутре весьма глубоко,
Да и храпел там ночь и день.
Отсюда — скука, одурь, лень,
Нытье, неряшество, безделье,
Лежанье попусту в постели.
Пошел бы по миру с сумой,
Когда б не встретился со мной,
Итак, последняя обуза
Отныне вынута из пуза!

Б о л ь н о й

(ощупывает себя)

Ушли враги из живота,
И все же в брюхе маета.
До дому как бы дотащиться?

В р а ч
(ощупывает больному брюхо)

Эге, занятная вещичка!
Сдавило малому кишки
Гнездо, где жили дураки.
Они там копошатся роем.
А ну, еще раз чрево вскроем.

Б о л ь н о й

Ох, доктор, я совсем ослаб.
Глоток вина испить хотя б!
Озноб трясет, немеют руки.
Не перенести мне этой муки.
Шут с ним, не трогайте гнезда.

С л у г а

Ты, что ли, враг себе, балда?
Иль жить не можешь без начинки?
В тебе кишмя кишат личинки.
Глядишь, и года не пройдет —
Опять раздуется живот
И вновь начнутся злоключения.

Б о л ь н о й

Что делать? Ради излечения,
Дабы живот не вздуло впредь,
Придется, видно, потерпеть.

В р а ч
(орудует щипцами)

Эй, нажимай! Сильнее! Ну-ка!
Вот это, понимаю, штука.
Два пуда весом. Ну и ну!
Приподыми — сейчас взгляну.
Тут целый улей обнаружен —
По меньшей мере десять дюжин
В гнезде сидело малышей,
А ты кричишь: «Живот зашей!»
Гнездо мы вовремя достали.

Б о л ь н о й

А кем бы эти дурни стали,
Как только выползли б на свет?

С л у г а

Ого! Кого здесь только нет!
Любых сортов найдутся гады:
Ханжи, святоши, конокрады,
Буяны, ерники, лжецы,
И лихоимцы, и скупцы,
Закоренелые злодеи,
Алхимики и чудодеи,
По части пьянства мастера,
Мошенники и шулера,
Плуты, охальники да воры,
Мздоимцы, трусы, живодеры,
Сутяги, совестью нечисты,
Лжемудрецы и лжеюристы,
Все, кого Брант Себастиан
Однажды в море-океан
На корабле своем отправил...

В р а ч

Ну, а теперь, согласно правил,
Свали в мешок всю эту мразь
И в Пегниц кинь, благословясь.
Пуускай поплавают в воде.

Б о л ь н о й

Спасен! Конец моей беде!
Зашейте брюхо, если можно.

В р а ч

(зашивает)

Сейчас заштопаем надежно.
Что, братец, стало веселей?
Домой пойдешь без костылей!

Б о л ь н о й

(встает)

Здоров я, доктор! С плеч забота!
Мне прыгать и плясать охота.
Спасибо мудрому врачу!
Одно лишь я узнать хочу:
Как дураки в меня проникли?

С едой попали на язык ли
Иль, может быть, с каким питьем,
Чтобы в нутре засесть потом?
Избави бог от этой пищи!

В р а ч

Тут дело не в еде, дружище,
И не в питье. Не в этом суть!
Они другой находят путь,
Вернее есть у них дорога:
Упрямство наше — им подмога.
С чего ты стал так тяжело болен?
Все оттого, что был безволен,
Не мог держать себя в узде,
А это значит — быть беде.

Б о л ь н о й

Вы правы, доктор! Верно, верно!
Я прежде жил куда как скверно.
Поверьте, с нынешнего дня
Вы не узнаете меня.
Советов ваших не забуду
И день и ночь беречься буду,
Да жаль, что в нашей стороне
Полно больных, подобных мне.
Поди, не ведают доселе,
Что дураки в нутре засели.
Но я погибнуть им не дам:
Немедля их направлю к вам,
Дабы доход вы получили,
Коль даром вы меня лечили.
Хвала вам до конца времен!..
Бегу, познанием умудрен.
(Уходит.)

С л у г а (выкрикивает)

Эй, дорогие господа!
Прошу пожаловать сюда.
Мы быстро сладим с вашим горем —
Живот быстрехонько распорем
И молодых и стариков
Тотчас спасем от дураков!

В р а ч
(заключает)

Ну, господа, вам вывод ясен?
Любого я лечить согласен,
Поскольку в городе у нас
Так много страждущих сейчас.
Но погодите, не спешите —
Рецепт сначала запишите,
Чтоб вам и семьям вашим впредь
Болезнью этой не болеть: ?
Коль будет тверд и крепок разум,
Все дураки исчезнут разом.
Даю совет мужьям и женам —
Рассудка следовать законам
И, мир семейный возлюбя,
В порывах сдерживать себя.
Последний из моих заветов:
Разумных слушайтесь советов,—
И никакие дураки
Не заберутся к вам в кишки!
На этом, всем вам счастья проча,
Ганс Сакс желает доброй ночи!

ПОЭЗИЯ
XVII ВЕКА

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ВЕЧНОСТЬ

Ах, как же, вечность, ты долга!
Где рубежи? Где берега?
Но время, в коем мы живем,
Спешит к тебе, как в отчий дом,
Быстрее коня, что мчится в бой,
Как судно — к гавани родной.

Не можем мы тебя настичь,
Не в силах мы тебя постичь.
Тебя окутывает мгла.
Подобно шару, ты круга.
Где вход, чтобы в тебя войти?
Вошедши, выход где найти?

Ты — наподобие кольца:
Нет ни начала, ни конца.
Ты — замкнутый навеки круг
Бессчетных радостей и мук,
И в центре круга, как звезда,
Пылает слово: «навсегда»!

Тебе конца и края нет.
И если бы в сто тысяч лет
Пичуга малая хоть раз
Могла бы уносить от нас
Хоть по песчиночке одной,—
Рассыпался бы мир земной.

И если бы из наших глаз
В сто тысяч лет всего лишь раз
Одна б слезинка пролилась,—
Вода бы в мире поднялась,
Все затопивши берега,—
Вот до чего же ты долга!

О, что перед числом веков
Число песчинок всех песков?
Сколь перед вечностью мало
Всех океанских брызг число!
Так для чего ж мы все корпим
И вычислить тебя хотим?

Так знай же, смертный, вот — итог:
Покуда миром правит бог,
Навечно тьме и свету быть.
Ни пыток вечных не избыть,
Ни вечных не избыть услад...
Навечно — рай. Навечно — ад.

ГЕОРГ РУДОЛЬФ ВЕКЕРЛИН

(1584—1653)

К ГЕРМАНИИ

Проснись, Германия! Разбей свои оковы
И мужество бывшее в сердце воскреси!
От страшной кабалы сама себя спаси,
Перебори свой страх! Услышь свободы зовы!

Тиранов поборошь твои сыны готовы!
Не снисхождения у недругов проси,
А подлой кровью их пожары загаси
И справедливости восстанови основы!

На бога положишься и слушай тех князей,
Которых он послал для высочайшей цели:
Отмстить виновникам погибели твоей,

Заступникам твоим помочь в их правом деле!
Не медли! Поднимись! Зловещий мрак развей,
Чтоб разум и добро безумье одолели!

СОН

Увидел я во сне подобье божества:
На троне, в золоте, среди мраморного зала...
Толпа полулюдей, протиснувшись едва,
Молилась на него, тряслась и трепетала.

Меж тем фальшивый бог, исполнен торжества.
Казнил и миловал, и, словно с пьедестала

Взирая на толпу, произносил слова,
Провозглашая в них высокие начала.

А небо зрело все... И в сумраке ночном
Сгущались облака, шло звезд перемещение.
Лжебог торжествовал, но крепко возмущенье,
Лжебог подмял весь мир, и тут ударил гром,

Господь осуществил суровое отмщение,
Власть, роскошь превратив в зловонный
грязи пом,

НА РАННЮЮ СМЕРТЬ АННЫ-АВГУСТЫ, МАРКГРАФИНИ БАДЕНСКОЙ

Угасла ты, как день короткий.
Как день весенний, ты цвела!
Звездой рассветной ты была
И людям свет дарила кроткий.
И ты нежна была, как сон,
Тиха, как еле слышный стон,
Слаба, как этот штрих нечеткий.

Теперь ты скорбным прахом стала,
И юная твоя краса,
Как обреченная роса,
Исчезла вдруг и отблестала.
Ты мир покинула земной,
Как с поля сходит снег весной.
Что ж, отдохни! Ты так устала.

Лед под нещадным солнцем тает,
Ломаясь, будто бы стекло.
Что делать? Время истекло!
Но как тебя нам не хватает!
Ах, ты умчалась навсегда,
Быстрее, чем ветер, чем вода!
Пусть среди нас твой дух витает!

Ты вознеслась, как струйка дыма,
Как эхо, отзвучала ты.

И, наподобие мечты
Прошедшей, ты невозвратима.
О, неужель злосчастный день
Сгубил, как солнце губит тень,
Тебя, что столь была любима?

Невосполнимая утрата!
Зачем же ты уходишь прочь,
Как дождь, как снег, как день, как ночь,
Как дым, пыль, прах, как луч заката,
Как зов, стон, крик, плач, возглас, смех,
Боль, страх, успех и неуспех,
Как жизнь, как время,— без возврата?!

ПИРУШКА

Достопочтеннейшие гости!
На время трапезы хотя б
Свои гадания отбросьте:
Силен противник или слаб?
Когда и где на бранном поле
Мы нанесем удар врагу?..
Ей-богу, слушать это боле
Я не могу.

Чем бесконечно тараторить:
Разбой, чума, беда, война —
Предпочитаю с вами спорить
О вкусе дичи и вина.
Вино взогреет кровь густую,
Дичь взбудоражит аппетит,
И ночью муж не вхолостую
С женой проспит.

О, гнет дворцового режима! —
Набор ужимок, жестов, слов,
Которым чествовать должны мы
Монархов, канцлеров, послов!
О, тошнотворные беседы —
Неиссякаемый бассейн:
Валлоны, франки, немцы, шведы
И — Валленштейн!

Прочь с этой скучной дребеденью!
К нам в глотку просятся давно
Цыплята (что за объеденье!),
Жаркое, рыба, хлеб, вино!
Ну, господа, кто первым хочет
Обжечься сладостным огнем?
Хозяйка ждет. Вино клокочет,
Итак, начнем!

Перо мне отдало ухо.
К чертям перо! Давайте нож!
Какая будет заваруха!
Война объявлена! Ну, что ж!
Мои отважные солдаты!
Здесь милосердью места нет!
Вперед! За мной! На штурм салата!
Громи паштет!

Врага мы с фланга бьем и с тыла.
Что говорить! Удар не плох!
Пока жаркое не остыло —
На приступ! Взять его врасплох!
Ваш час настал, мозги коровьи!
Опустошительный разгром!
Мы жаждем мяса! Жаждем крови!
Мы хлещем ром!

Зубами яростно впивайся
В телячью ногу и не трусь!
Эй, рябчик, плачь! Свинья, сдавайся!
А! Вот и ты! Попался, гусь!..
На дам вы начали бросаться!
Они милы, нежны, но все ж
Умеют драться и брыкаться!
Не подойдешь!

Когда б в Штральзунде, в Ля-Рошели
Стократ хваленные войска
Так штурмом брать форты умели,
Как мы берем окорока,
Когда могли бы те солдаты
Глушить врага, как мы — вино,—
Все укрепления были б смяты
Давным-давно.

Подсыпь порохового перца!
Добавь-ка соли! Поживей!
Ага! Огонь допер до сердца!
Я ранен, кажется? Ей-ей!
О! Я гляжу, и вас задело?
Чем жжение раны утолить?
Давайте! Раз такое дело —
Налить! Налить!

Виват! Виктория! Победа!
Дымятся жерла жарких ртов.
Взята фортеция обеда!..
Ну, братцы, я совсем готов.
Хоть под столом, хоть под забором
Свалюсь до самого утра.
Но на прощанье грянем хором:
Ура!.. Ура!..

Ха-ха! Чудовище морское!
Ты слон! Нет, муха! Тсс... Молчу..
Гром! Ливень! Грохот! Что такое?
Гоните в окна саранчу!
Целуй! Люби! Терпеть нет мочи!
Я весь горю, как маков цвет..
Все это — вздор. Спокойной ночи!
Гасите свет!

...Когда к утру оплыли свечки
И уползла ночная тень,
Мои смиренные овечки
Встречали храпом новый день.
Что ж, коли так — пусть спят бедняги!
А пира дружеского хор
Увековечит на бумаге
Ваш Филодор.

ФРИДРИХ ФОН ШПЕЕ

(1591—1635)

КСАВЕРИЙ

Он решил уплыть к японцам,
Некрещеных просвещать.
И тогда под нашим солнцем
Все взялись его страдать:
«Ах, беда! Ах, горе, горе!
На себя ты смерть навлек!
Чересчур свирепо море!
Слишком этот путь далек!..»
Но в спокойствии суровом
Он собратьям отвечал:
«Верным рыцарям Христовым —
Не помеха грозный шквал.
Ветр огонь Любви раздует,
Предвещая ей успех.
Если ж море негодует —
Волны к небу ближе всех!

В ваших жалких уговорах —
Слабодушие и разврат.
Не страшны свинец и порох
Волевым сердцам солдат.
Эти ружья, пики, шпаги,
Этот хриплых пушек бас —
Возбудители отваги,
А не пугала для нас!

Пусть рога острей наточат
Волы громадные быки,

Море синее всклокочат
В беге наперегонки!
Все четыре части света
Окунутся в шквал морской.
Тишина — беды примета.
Грохот бурь сулит покой.

Кто страшится в ураганах
Все невзгоды претерпеть,
Пусть не тщится в дальних странах
В добром деле преуспеть.
Кто в волнах, вдали от суши,
В силах все перенести,—
Только тот способен души
Обездоленных спасти!

Эй, стони, свирепствуй, море!
Ветер, яростней реви!
Испытаете вы вскоре
Стойкость истинной Любви!
Души, верой воспылайте!
Буря воет все сильней!
Рвутся в бой ладьи... Седлайте
Деревянных сих коней!..»

ПРОШЛА УГРЮМАЯ ЗИМА...

Прошла угрюмая зима —
Трезвоном полон воздух.
И снова крик да кутерьма
В оживших птичьих гнездах.
Под звон и свист
Пробился лист
Из каждой почки клейкой.
В игре лучей
Бежит ручей
Серебряною змейкой.

Летит вода с отвесных скал,
Чтоб, рухнув, расколоться
На сотни крохотных зеркал,
На горные колодцы,

О, этот визг
Летящих брызг!
О, этот тихий лепет
Ручья сквозь сон!..
Как робок он
И как великолепен!

Ватагой нимф окружена,
Выходит из тумана,
В зеленый плащ обряжена,
Охотница Диана.
Колчан и лук...
Зовущий звук
Охотничьего рога.
Прыжок в седло,
И — понесло!
И не трудна дорога.

Дохнуло лето ветерком,
Досада в сердце тает,
И каждый юноша верхом
На облаке летает.
И тут и там —
Весенний гам,
Переизбыток смеха.
И даже зной
В тени лесной
Веселью не помеха.

Свирели трелится мотив!
Певцы в лесной капелле
Щебечут, ветви превратив
В поющие качели.
Крылом взмахнут,
Передохнут
И снова хоровают.
И, как смычком,
Любым сучком
Волшебник ветер водит.

И кажется, что естество
Земли преобразилось:

Беспечность... Хохот... Баловство...
Все в радость погрузилось.
Лишь я один
В кольце кручин
Гляжу на мир окрестный,
Судом времен
Приговорен
Навечно к муке крестной...

ЮЛИУС ЦИНКГРЕФ

(1591—1635)

ОБ ИЗМЕНЕ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Ах, что за времена!.. Смятенье и тревога!
Как в лихорадочном я пребываю сне.
Взбесились друг и враг. Отечество — в огне.
Все злее алчет Марс кровавого налога.

Но в эти дни терплю я от другого бога.
Не только Марс — Амур призвал меня к войне:
Моя возлюбленная изменила мне!
Проклятье двух богов! Нет, это слишком много!

Все отняла война. Но мы еще вернем
И дом и золото со временем обратно.
И лишь возлюбленной утрата безвозвратна.

Когда б Амур ее зажег былым огнем,
Я свыкся бы с бедой, смирился бы с войною,
И все, что хочет, Марс пусть делает со мною!

МАРТИН ОПИЦ

(1597—1639)

ПЕСНЬ ОБ ОТЧИЗНЕ

Вперед, сыны земли родимой,
Вперед, священный пробил час!
Отваги истинной — не мнимой
Свобода требует от вас!
Коль нет пути для примиренья,
Коль другом враг не может стать,
Нужны порыв, бесстрашие зренья,
Душа бойца, мужская стать!

При этом ведают герои,
Что вовсе не слепая месть
Умножит наши силы втрое,
А разум, искренность и честь.
И победит в бою кровавом
Не сабель большее число,
А убежденность в деле правом,
Чтоб дух к вершинам вознесло!

Свое мы видим превосходство
Не только в прочности кирас:
Ума и сердца благородство —
Оружье верное для нас.
И, направляючись в сражение,
Мы трижды вознаграждены
Тем, что от бездны пораженья
Святым крестом ограждены!

Нет, нас всевышний не оставит!..
Но как еще ужасен гнет!

Какая боль нам сердце давит!
Как наша родина гниет!
Судьбе доверившись всецело,
Должны мы истину узреть:
Сметем все то, что перезрело,
И то, что не должно созреть!

Так в бой, сыны земли родимой!
Так в бой! Священный пробил час!
Отваги истинной — не мнимой
Свобода требует от вас!
Коль нет пути для примиренья,
Коль другом враг не может стать,
Нужны порыв, бесстрашие зренья,
Душа бойца, мужская стать!

БЕЗОТВЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

Когда б вы повстречали
Под нашею луной
Страдальца, что в печали
Сравнился бы со мной
И был бы так обижен,—
Я молвил бы в ответ:
Здесь, средь прирейнских хижин,
Меня несчастней нет!

О, тяжкая невзгода!
Я свой удел клянущ:
Уже не меньше года
Я у любви в плену.
Уже не меньше года,
Как с нею я знаком.
В тюрьме — души свобода,
Рассудок — под замком.

Так что же делать надо?
Где сил моих запас?
Где то овечье стадо,
Которое я пас?
Лишь я ее увидел,
Я отчий дом забыл

И все возненавидел,
Что некогда любил.

Я не пашу, не сею
И не пасу овец,
А только брежу ею,
И скоро мне конец.
Себя грызу, терзаю,
Ее клянусь в сердцах,
Чье имя вырезаю
В лесу на деревцах.

Забыв питье и пищу,
Как будто сам не свой,
Крадусь к ее жилищу,
Что к бездне роковой.
Злосчастная судьбина!
Погибла жизнь моя.
Мне край родной — чужбина
И я — уже не я.

Но та, что истерзала
Больную грудь мою,
Ни разу не слыхала,
Как я о ней пою.
Меж тем — скрывать не буду —
Мой песенный укор
Давно звучит повсюду,
Вплоть до Карпатских гор.

Куда ни привела бы
Меня моя тропа —
Выходят девки, бабы,
Сбегается толпа.
И дружно подпевает
Мне чуть ли не весь свет.
А сердце изнывает:
Ее со мною нет!..

Зачем мне песни эти?
Я лучше замолчу.
На целом белом свете
Одной я петь хочу!

Смогла в нее вместиться
Вся божья благодать.
Любви ее добиться —
Вселенной обладать!..

К НОЧИ И К ЗВЕЗДАМ

Скажи мне, ночь, зловещей чернотой
Окутавшая доли и хребты,
Ужель пред этой юной красотой
Себя самой не устыдишься ты?!

Скажите, звезды, лунными ночами
Глядящие с заоблачных высот,
Что значит свет ваш пред ее очами,
Чей ясный свет до неба достает?!

От этого пылающего взора
Вы, с каждую минуту все бледней,
Погаснете, когда сама Аврора
Зардеется смущенно перед ней.

РОЕТА ¹

Кто со временем поспорит?
Не пытайтесь! Переборет!
Всех и вся в песок сотрет!
Рухнет власть и та и эта.
Но одно лишь: песнь поэта —
Мысль поэта — не умрет!

ОБРАЗЕЦ СОНЕТА

Вы, небеса, ты, луг, ты, ветерок крылатый,
Вы, травы и холмы, ты, дивное вино,
Ты, чистый ручеек, в котором видишь дно,
Вы, нивы тучные, ты, хвойный лес мохнатый,

¹ Поэт (лат.).

**Ты, буйный сад, цветами пышными богатый,
Ты, знойный край пустынь, где все обожжено,
Ты, древняя скала, где было мне дано
Созвучие вплести в мой стих витиеватый,—**

**Поскольку я томим любовною истомой
К прелестной Флавии, досель мне незнакомой,
И только к ней стремлюсь в полночной тишине,**

**Молю вас, небеса, луг, ветер, нивы, всходы,
Вино, ручей, трава, сады, леса и воды,
Всех, всех молю вас: ей поведать обо мне!**

ПРЕСЫЩЕНИЕ УЧЕНОСТЬЮ

**Я тоскую над Платоном
Дни и ночи напролет,
Между тем весна поет
За моим стеклом оконным.
Говорит она: «Спеши
Вместо шелеста бумаги
Слушать, как звенят овраги!
Ветром луга подыши!»**

**Многомудрая ученость!
Есть ли в ней хоть малый прок?
Отвратить никто не смог
Мировую обреченность.
Роем взмыленных гонцов
Дни бегут, мелькают числа,
Чтобы нам без чувств, без смысла
В землю лечь в конце концов.**

**Эй ты, юноша, глубоко
Объяснивший целый мир,
Объясни мне: где трактир
Тут от вас неподалеку?
До тех пор, покуда мне
Нить спрядет старушка Клото,
Утоплю свои заботы
В упоительном вине!**

Вот оно — бурлит в кувшине!
Можно к делу приступить.
Да! Совсем забыл!.. Купить
Надо сахару и дыни.
Обладатель сундуков,
От сокровищ ошалевши,
В кладовых торчит не евши,—
Наш обычай не таков!

Грянем песню! Выпьем, братья!
О стакан стакан звенит.
И пьянит меня, пьянит
Жизни светлое приятье!
Груды золота ценней
Провести с друзьями ночь!
Пусть умру я в одиночку —
Жить хочу в кругу друзей!

STA VIATOR¹

Слепые смертные! Какая сила тянет
Вас в обе Индии? Что разум ваш дурманит?
Ах, если б знали вы, как много новых бед
И сколько новых войн сулит нам Новый Свет!
Отчизну променять на золотые слитки?!
Да вот же золото! Оно у нас в избытке!
Опомнитесь! — земля взывает к вам с тоской.
Добро, богатство, власть — здесь, дома, под рукой.

ЗЕРЦАЛО МИРА

Недаром человек умней любого зверя:
Потеря времени — тягчайшая потеря.
И, это осознав, стремится человек
В искусствах отразить свой слишком краткий век,
Однако помнит он: зеркало есть иное,
Чтоб отразить его всевластие земное,

¹ Остановись, странник (лат.).

И средь ее садов, среди волшебных рощ
Я чувствую в себе свободу, радость, мощь!

ПЕСНЯ

Любовь моя, не медли —
Пей жизни сок!
Повременишь — немедля
Упустишь срок.

Все то, чем мы богаты
С тобой сейчас,
В небытие когда-то
Уйдет от нас.

Поблекнет эта алость
Твоих ланит,
Глаза сомкнет усталость,
Страсть отзвенит.

И нас к земле придавит
Движенье лет,
Что возле губ оставит
Свой горький след.

Так пей, вкушай веселье!
Тревоги прочь,
Покуда нас отселе
Не вырвет ночь.

Не внемли укоризне —
И ты поймешь,
Что, отдаваясь жизни,
Ее берешь!

СРЕДЬ МНОЖЕСТВА СКОРБЕЙ

Средь множества скорбей, средь подлости и горя,
Когда разбой и мрак вершат свои дела,
Когда цветет обман, а правда умерла,
Когда в почете зло, а доброта — в позоре,

Когда весь мир под стать Содому и Гоморре,—
Как смею я, глупец, не замечая зла,
Не видя, что вокруг лишь пепел, кровь и мгла,
Петь песни о любви, о благосклонном взоре,

Изяществе манер, пленительности уст?!
Сколь холоден мой стих! Сколь низок он и пуст.
Для изможденных душ — ненужная обуза!

Так о другом пиши! Пора! А если — нет,
Ты — жалкий рифмоплет. Ты — больше не поэт.
И пусть тебя тогда навек отвергнет муза!

ЖАЛОБА

Любимая страна, где мера нашим бедам?
Какой из ужасов тебе еще не введом?
Ответствуй: почему за столь короткий срок
Твой благородный лик так измениться смог?

Ты издавна была достойнейшей ареной
Для подвигов ума, для мысли вдохновенной.
Ах, не тебе ль вчера народы всей земли
Признательности дань восторженно несли?

Теперь восторг утих... Земле и небу назло,
Ты предпочла войну, ты в грабежах погрязла.
Где мужество мужей? Где добродетель жен?
Безумием каким твой разум поражен?

Вглядись в толпу сирот: что горше их печали?
Не только от меча отцы несчастных пали:
Кто смерти избежал, нетронутый в бою,
В бараке для чумных окончил жизнь свою.

Да, самый воздух наш таит в себе отраву!
Болезнь и мор вершат повальную расправу,
Терзают нашу плоть, из сердца кровь сосут.
Увы! Ни меч, ни щит от них нас не спасут.

Злодейская война растлила мысль и чувство.
Так вера выдохлась, в грязи гниет искусство,
Законы попораны, оплеваны права,
Честь обещана и совесть в нас мертва.

Мы словно отреклись от добрых нравов немцев,
Постыдно переняв повадки чужеземцев.
С нашествием врага из всех разверстых врат
К нам хлынули разбой, распутство и разврат.

Кто в силах вытерпеть падение такое
И угодать войне, себя не беспокоя,
Тот носит лед в груди, тот дьяволом влеком,
Тот вскормлен мерзостным тигриным молоком!

ВЕЗУВИЙ

Прошелся по стране — от края и до края —
Безумный меч войны. Позорно умирая,
Хрипит Германия. Огонь ее заглох.
На рейнских берегах растет чертополох.
Смерть перекрыла путь к дунайскому верховью.
И Эльба, черною окрашенная кровью,
Остановила бег своих угрюмых вод.
Свобода в кандалах. Над ней тюремный свод.
О помощи она, страдальца, вызывает.
А между тем война все глубже меч вонзает
В грудь бедной родины. На запад, на восток
Вновь хлынул с трех сторон нашествия поток.
Мир, словно беженец, оставшийся без крова,
Приюта не найдет... А зарево — багрово,
И пепел над землей кружит, как серый снег.
О, где тот золотой, тот безмятежный век,
Когда не грабили друг друга и не гнали
Народы?.. Даже слов они таких не знали —
«Мое» или «твое», все поровну деля.
А ныне пиками щетинится земля,
Сокрыла свет дневной кровавая завеса...
Сравнится ль с этим злом гнев самого Зевеса,
Везувий может ли нанести такой урон,
Когда он, словно вепрь, свиреп и разъярен,
Кидается на мир пылающею лавой,
Как бешенство людей, как меч войны неправой?!
Никто не причинял столь пагубных утрат!
Мы злее, чем вулкан. Коварней во сто крат:
Мы громы бередим и с молниями шутим,
Пугаем небеса и море баламутим,

Мы — смерти мастера. Нам славу принесло
Умение убивать. Смерть — наше ремесло,
Мы разумом бедны и чувством оскудели,
Зато мечом, копьём и пикой овладели.
Огня любви в сердцах разжечь мы не смогли,
Зато в огне войны Германию сожгли,
Заткнули правде рот и в иступление диком
Мы огласили мир звероподобным рыком,
Сквозь горы мертвых тел прокладывая путь,
С преступного пути мы не хотим свернуть!
Мы в слепоте под стать циклопам одноглазым...
Когда же наконец восторжествует разум? ?
Когда вернется к нам любовь и честный труд?
О, наши имена потомки проклянут,
Поглотит нас вовек унылое забвенье!
В небесных знаменьях пылает откровенье:
Предвестник гибели — ночных комет полет!
Свирепая земля в нас пламенем плюет,
Природа адский жар вдохнула в грудь вулканам,
И мы обречены. Мы смяты великаном!
Ужель спасенья нет? И что нам предпринять?
На то один ответ: вулкан войны унять!
А иначе на жизнь мы не имеем права!
Одумайтесь! Хоть раз все рассудите здраво!
Ужель вас не страшит вид этих пепелищ,
Сознание того, что край наш гол и нищ,
Что храмы взорваны, что вечных книг страницы
Должны (о, варварство!) в прах, в пепел
превратиться?..
О небо! Дай узреть нам сладостную явь!
От пагубы войны немецкий край избавь!
Во славу родины и господу в угоду
Дозволь нам утвердить на сей земле свободу,
Дабы, господнею спасенные рукой,
Внесли мы в каждый дом жизнь, счастье и покой!

ПРОГУЛКА

А радость-то какая!..
Среди долин и гор
Поет, не умолкая,
Веселый птичий хор.

Завидую вам, птички,
Что, радуя сердца,
В свободной переключке
Вы славите творца!

Завидую вам, птахи,
Слагая этот стих:
Неведомы вам страхи
И вздор надежд пустых...

ПОГИБЛА ГРЕЦИЯ

Погибла Греция, в ничтожестве пропала.
Война сей гордый край пришибла, истрепала.
Есть слава, счастья — нет, хоть драгоценный прах
Прекрасной Греции народы чтут в веках.
Да что? Что пользы им в том поклоненье громком —
Руинам прошлых лет, безжизненным обломкам?!

СЛОВО УТЕШЕНИЯ СРЕДЬ БЕДСТВИЙ ВОЙНЫ

Опять пришла беда... Куда ж теперь податься,
Чтоб отдых отыскать и скорби не поддаться!
Да и о чем скорбеть? Ах, как тут ни крути —
Любой из нас уйдет. Все смертны. Все в пути,

Не лучше ль, отрешась от скорби узколобой,
Рассудком вознестись над завистью и злобой,
Чтоб нас не била дрожь, как маленьких детей,
Которых масками пугает лицедей?

Ведь все, что нас гнетет, — такие же личины:
Невзгоды, ужасы, болезни и кончины,
А счастье, из мечты не превратившись в быль,
Нахлынет, как волна, и — разлетится в пыль.

Все это — сон пустой!.. и до чего ж охота
Средь бренности найти незыблемое что-то,

Что не могло б уйти, рассыпаться, утечь,
Чего вовек нельзя ни утопить, ни сжечь.

Разрушит враг твой дом, твой замок уничтожит,
Но мужество твое он обстрелять не может.
Он храм опустошит, разрушит. Что с того?
Твоя душа — приют для бога твоего.

Пусть угоняют скот,— благодаренье небу,
Остался в доме хлеб. А не осталось хлеба —
Есть добродетели спасительная власть,
Которую нельзя угнать или украсть.

Преследованью, лжи, обиде и навету
Не одолеть, не взять святую крепость эту.
Она как мощный дуб, чья прочная кора
Способна выдержать удары топора.

На крыльях разума из темной нашей чаши
Она возносится над всем, что преходяще.
Бог чтит ее одну. Ей велено судьбой
Быть нам владычицей и никогда — рабой!

С чего же мы скорбим, неистовствуем, плачем,
Раз в глубине сердец сокровище мы прячем,
Что нам дано навек — не на день, не на час,
Что никаким врагам не отобрать у нас?!

РОБЕРТ РОБЕРТИН

(1600—1648)

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Сойдя с заоблачных высот
В круг бытия земного,
Весна-красавица несет
Свои улады снова.

И снова зелено в лесах,
Луг блещет пестротой,
А тучи светят в небесах
Каемкой золотою.

Цветная радуга горит,
И лед на реках сломан,
И в рощах праздничных царит
Счастливый птичий гомон.

Волшебной песнею своей
Мир веселят огромный
Днем ласточка, а соловей —
Прохладной ночью темной.

В лугах — стада, в садах — цветы,
В ручьях, в озерах — рыбки,
Весь мир исполнен доброты,
Надежды и улыбки.

Лишь человек, кого господь
Избрал венцом творенья,
В себе не может побороть
Неудовлетворенья!

Ничто его не тешит взор,
Дух не бодрит уставший...
Палач, себя казнивший! Вор,
Себя обворовавший!

Как голова его седа,
Как глубоки морщины!..
Он видит Страшного суда
Грядущие картины.

ФРИДРИХ ЛОГАУ

(1604—1655)

ИЗРЕЧЕНИЯ И ЭПИГРАММЫ

ЗНАТНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

«Наши деды — паладины!»
«Наши предки — короли!»
В чем-то, впрочем, все едины:
Все — от матери-земли,

ОТВАЖНАЯ ЧЕСТНОСТЬ

Что значит в наши дни быть баснословно смелым?
Звать черным черное, а белое звать белым,
Чрезмерно громких од убийству не слагать,
Лгать только по нужде, а без нужды не лгать,

ПРАВО И БЕСПРАВЬЕ

Служитель права прав, когда страшится права,
А то и на него отыщется управа:
Давно бы окошел без жалованья он,
Когда бы все блюли порядок и закон,

НЕМЕЦКАЯ РЕЧЬ

Германия бедна... О, горестный удел!
Немецкий наш язык настолько оскудел,
Что у французского он занимает ныне.
(Неримский Рим погиб с погибелью латыни.)
В слабеющую речь, что теплится едва,
Испанские ползут и шведские слова.
Как признак тяжкого и злого нездоровья,
Немецкий сохранил одни лишь славословья,
Во всем же остальном заемной речи груз.

Усилиями почти немых немецких муз
Живой язык еще звучит в стихах портов,
Еще порой блеснет в строках иных сонетов,
Но оголтелый Марс, воздев кровавый меч,
Терзает нашу мысль, пытается нашу речь
И делает ее безликой, бездуховной
В разорванной стране, бесправной и бескровной.

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИИ

Все то, о чем мечтал, к чему всю жизнь стремился,
Посредством смерти я в конце концов добился:
Я умер на войне и приобрел свой дом,
И ни война, ни смерть меня не тронут в нем.

СТЫДЛИВЫЙ ВЕК

Наш славный век — венец времен —
Своей стыдливостью силен:
Бежит он, как от прокаженной,
От правды, слишком обнаженной.

ВЛАСТЬ

Ты мог бы управлять провинцией любовью,
Когда бы управлять ты мог самим собою.

ВОЙНА И МИР

Война — всегда война. Ей трудно быть иною.
Куда опасней мир, коль он чреват войною.

НАСТАВЛЕНИЕ

Как должен жить твой сын, мужчиной стать готовясь?
Сначала стыд забыть, затем отбросить совесть,
Лишь самого себя считать за человека —
И вырастет твой сын достойным сыном века.

НАШИ ПЕСНИ

Звучат в иной германской саге
Напевы дедовской отваги.
Но что к тебе, мой дальний внук,
Дойдет из бездны наших мук?
Вопль исступленья, посвист плети —
Вот песни нашего столетья.

ГОЛОД И ВОЙНА

Дружно голод и война
Множат счет смертям и бедам.
Где появится она,
Тут же он за нею следом.
Люди мечутся в огне
Средь пожаров ошалевших;
Часть достанется войне,
Голод скрутит уцелевших.
Столько ляжет мертвецов,
Столь богатым будет навик,
Что, глядишь, в конце концов
Он войну сожрет вдобавок.

ЖИТЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ

Быть одним, другим казаться,
Лишний раз глухим сказатьсь,
Злых, как добрых, славословить,
Ничему не прекословить,
Притворяться, лицемерить,
В то, во что не веришь,— верить,
Чтоб не влипнуть в передраги,
О своем лишь печься благе,—
И, хоть время наше бурно,
Сможешь жизнь прожить недурно.

СЛУЖЕНИЕ МУЗАМ

Может быть, читатель мой, пожалев меня, беднягу,
Молвит: «Что за крест такой, день за днем марать
бумагу!»
Ах, когда б он знал о том иль увидел бы воочью:
Все, что он читает днем, я мараю ночь за ночью!

ПОБЕДА НАД СОБОЙ

Да, бой с собой самим — есть самый трудный бой,
Победа из побед — победа над собой.

СИМОН ДАХ

(1605—1659)

АНКЕ ИЗ ТАРАУ

Анке из Тарау — свет моих дней.
Все, чем я жив, заключается в ней:

Анке из Тарау — сердце мое,
Честь и богатство, еда и питье.

Пылким доверьем меня проняла,
Страсть мою, боль мою — все приняла.

Может весь мир провалиться на дно —
Мы порешили стоять заодно.

В муках, в тоске, средь тревог и утрат
Сила любви возрастет во сто крат.

Выдержав натиск несметных ветров,
Крепнет деревьев зеленый покров.

Так и любовь, закаленная злом,
Нас неразрывным связует узлом.

Если уйдешь ты однажды туда,
Где даже солнца не ждут никогда,—

Я сквозь беду побреду за тобой,
Сквозь лед, сквозь железо, сквозь смертный бой:

Иль ты мне жизни самой не родней,
Анке из Тарау — свет моих дней?

ЦЕНА ДРУЖБЫ

Что нам всего присущей,
Что краше всех прикрас?
То дружбы свет, живущий
Вовек в сердцах у нас.
Какое это счастье —
Любви и дружбы жар,
Душевное участие,
Нам посланное в дар!

Нам речь для доброй цели
Дала природа-мать,
Чтоб мы всегда умели
Друг друга понимать.
В сердечном разговоре,
Что с другом друг ведет,
Любое стихнет горе,
Любая боль пройдет.

Нет проку веселиться
С собой наедине:
С друзьями поделиться
Отраднее вдвойне!
Кто этого не может,
Кто лишь с собой знаком,
Того печаль изложет
Могильным червяком.

Друзья! Я рад безмерно,
Что есть вы у меня.
О, я без вас, наверно,
Не прожил бы и дня!
Любовью неизменной
Люблю друзей своих,
На золото вселенной
Не променяю их!

ПРИГЛАШЕНИЕ К ВЕСЕЛЬЮ

Мельканье дней, движенье лет...
Как будто бы крылаты,
Летят — и удержу им нет.
Эй, время, стой! Куда ты?!

Старуха смерть, заждавшись нас,
Проворно косу точит...
Глупец лишь мнит, что смертный час
Тоска ему отсрочит!

ДАНИЭЛЬ ЧЕПКО

(1605—1660)

РАЗМЫШЛЕНИЯ

ОДНО — В ДРУГОМ

Мгновенье — в вечности, во тьме ночной — зарю,
В безжизненности — жизнь, а в людях — бога зрю.

ПРЕДАТЕЛЮ

Само предательство, боюсь, не слишком ценит
Того, кто предает: продаст или изменит.
Хоть, как предатель, он предательством любим,
Опасен он ему предательством своим.

ЗАТЯЖНАЯ ВОЙНА

Князя все новые кидают в битву рати,
Не думая о том, что будет в результате:
Властители без стран, а страны без господ,
И хлеба и жилья лишившийся народ.

НА ПОГРЕБЕНИЕ СВОЕГО ПЕРА

Любимое перо сегодня хороня,
Скажу: нет сил терпеть нам этих шведов боле!
Прощай, мое перо, и стань добычей моли,
Как мы становимся добычею огня!

ФРАГМЕНТ

Отчизна — там, где чтут законность и свободу.
Но этого всего мы не видали сроду.
Что там ни говори, окончивши войну,
Лжемиру продали мы отчую страну,
И погрузились в сон, и разумом ослепли.
Но все ж святой огонь свободы зреет в пепле.
Нет! Кровью никакой не погасить его,
Как бога не изгнать из сердца твоего!..

ПАУЛЬ ГЕРГАРДТ

(1607—1676)

ЛЕТНЯЯ ПЕСНЬ

Воспрянь, о сердце, выйди в путь,
Дабы восторженно взглянуть
На чудеса господни,
На зелень рощ, садов и нив,
На то, как этот мир красив,
Нам отданный сегодня!

О, как шумят над головой
Деревья пышною листвою,
Как солнечны поляны!
А как пылают и горят,
Надевши праздничный наряд,
Нарциссы и тюльпаны!

Привольно ласточка поет,
Свободен голубя полет
Высоко, над лесами!
А вот кудесник соловей
Волшебной песнею своей
Роднит нас с небесами,

Полна природа дивных сил!
Гнездо прилежный аист свил,
Не ведающий лени.
Наседка вывела цыплят...
А как мне душу веселят
Проказники олени!

Между камней ручей бежит,
В воде колеблется, дрожит
Деревьев отраженье.
И даль прозрачна, даль тиха,
И только флейты пастуха
Вдали услышишь пенье.

А этих пчел жужжащий рой!
Ненастной зимнею порой
Познаем сладость меда!
И виноградный зреет сок...
Всех, всех, когда настанет срок,
Попотчует природа!

Ты посмотри: из-под земли
Колосья буйно проросли.
Знак — добрый, не случайный!
Возликовали стар и мал:
Всевышний людям даровал
Год сытный, урожайный.

И то, что вижу я вовне,
Все отзывается во мне
Единственным порывом:
Свершить достойное!.. Успеть
Мощь вседержителя воспеть
В стихе неприхотливом,

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЬ

Леса, поля уснули.
Во сне глаза сомкнули
Скот, люди, города.
Лишь мысль, что ум тревожит,
Забиться сном не может:
Ей нет покоя никогда.

День суетный улегся.
Вновь звездами зажегся
Бескрайний небосвод.
Когда же из неволи,
Из сей земной юдоли,
Меня всевышний призовет?

Вновь после дня тревоги
Вкушают руки, ноги
Целительный покой.
Когда ж ты, правый боже,
И сердце мое тоже
Спасешь от суеты мирской?

Бесплодным занят делом,
Как изнемог я телом,
Когда б ты знал, творец!
Валюсь в постель, бессильный,
Когда же сон могильный
Меня охватит наконец?

Молю о сердцу милых,
Чтоб ты, господь, хранил их
От черных бед лихих!
Ночь пагубу рождает.
Так пусть нас ограждает
Сонм светлых ангелов твоих.

МОЛЕНИЕ О ДРУЖБЕ

В мире грязном и угрюмом
Дружбой мы не дорожим,
Водим дружбу с толстосумом,
Прочь от бедного бежим.
Ах, вы баловень удачи?
Что ж! Прекрасно!.. А иначе
Первый друг и брат родной
Повернутся к вам спиной...

Я охвачен думой грустной.
Бог, меня ты не оставь!
От расчетливости гнусной
Грешный разум мой избавь.
Если ж, небу в поношенье,
Впал я в злое искушенье,
Сбился с верного пути —
Образумь и просвети!

Дай мне сердце, чтоб пылало
Бескорыстной добротой,

Чтоб любить не уставало
Даже проклятых тобой,
Чтобы я их не чурался,
Чтобы истово старался
Быть опорой для них —
Угнетенных и нагих.

Встречу ль смертную обиду
Или хлынет кровь из ран,
Пусть мне будет, как Давиду,
Послан мой Ионафан.
Хоть судьба неумолима,
С другом все преодолимо.
Он — мне пастырь, он и врач
Средь удач и неудач.

Посох в жизненной дороге,
Богом данный для того,
Чтоб, когда слабеют ноги,
Опереться на него.
Тот, кто посох этот бросит,
Пусть о милости не просит,
До скончания времен
Одиночеством казнен!..

ПЕСНЬ УТЕШЕНИЯ

И все ж не бейся, не стони,
Не упивайся злобой,
В потоке слез не утони,
А выдержать попробуй
Среди потерь, среди тревог!
Пусть будет так, как хочет бог,
А он ведь зла не хочет!

Скажи, неужто в первый раз
Ты маешься в печали?
Иль каждый день и каждый час
Нам жизнь не омрачали?
В несчастьях тянутся года.
Но выпадают иногда
И светлые минуты.

Нам предназначив крестный путь,
Чтоб души нам исправить,
Господь не думает отнюдь
Навеки нас оставить.
Мученья наши — оттого,
Что мы покинули его!
И мы к нему вернемся!

В грехах погрязнув, наша плоть
Взыскует наслаждений,
И обойтись не мог господь
Без предостережений!
Земные, мы, забыв о нем,
Мечтаем больше о земном
И меньше — о небесном.

Напомнил божий приговор,
Что все мы преходящи,
Чтоб посему и к небу взор
Мы обращали чаще
И чтобы, будучи людьми,
Себя мы божьими детьми
При этом ощущали.

Так верь же, верь же в торжество
Его всесветной власти,
Чтоб милосердие его
Вкусить в лихой напасти.
Земля погибнет, мир падет,
Но только тот не пропадет,
Кто не утратит веры.

А если кажется порой,
Что не придет подмога,
Свой тяжкий грех молитвой вскрой
И уповай на бога.
Ведь он всемогущ, а не мы,
И наши бедные умы
Всего не понимают.

Уверуй: там, среди небес,
Не дремлет наш Спаситель.
И полн таинственных чудес
Сей мир — его обитель.

С больной души он снимет гнет:
Возьмет, что дал, что взял — вернет,
Дарует утешенье!

ПЕРЕД РАСПЯТИЕМ

О, слабость, о, недужность,
О, муки без конца!
О, горькая ненужность
Тернового венца!
Мертвы глаза, любовью
Сиявшие светло,
И выпачкано кровью
Высокое чело.

О ты, чей голос вечен,
Источник доброты,
Как больно изувечен,
Распят, унижен ты!
Какая злая сила
В какой злосчастный час
Преступно погасила
Свет, озарявший нас?

Горят кровоподтеки
Над раною сквозной,
Покрыты эти щеки
Смертельной белизной,
Той бледностью смертельной
От долгих мук твоих.
И в скорби беспредельной
Ты навсегда затих...

Гляжу — и без боязни
Все сознаю сполна:
В твоей ужасной казни
Есть и моя вина.
Стою перед тобою,
О скорбный лик Христов,
И вынести любое
Возмездие готов.

Прими меня, Спаситель,
В раскаянье моем!

Твой рот меня насытил
Блаженнейшим питьем.
Небесную усладу
Твой дух мне ниспослал,
Хранил, лелеял, смладу
От пагубы спасал.

Поверь мне и отныне
С тобою быть дозволь.
Я при твоей кончине
Твою утишу боль,
Когда в последнем стоне
Ты встретишь смерть свою,
Я подложу ладони
Под голову твою.

То — дело высшей чести,
То — божья благодать
Одним с тобою вместе
Страданием страдать.
Отраднa эта участь —
Твоим огнем гореть,
Твоею мукой мучась,
За правду умереть.

В деянии и в слове
Ты мне вернейший друг.
Лежит добро в основе
Твоих великих мук.
Ах, мужество и верность
Дай сердцу моему —
Я всех скорбей безмерность
Как должное приму.

Когда я мир покину,
Меня не покидай,
Когда навек остыну,
Свое тепло мне дай.
Своей незримой дланью
Тоску мою уйми,
За роковою гранью
К себе меня прими.

Пусть будет мне опорой
В смертельной маете

Тот чистый лик, который
Нам светит на кресте.
И этим светом чудным
Ты мне наполнишь грудь,
И станет мне нетрудным
Тогда последний путь.

ОДА В ЧЕСТЬ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ МИРА

Итак, сбылось! Свершилось!
Окончена война
Несет господня милость
Иные времена.
Труба, замри! Пусть лира
Ликует над толпой,
И песнь во славу мира,
Германия, запой!
Ты мерзла, ты горела,
Стонала на кресте —
И все же нет предела
Господней доброте!

Он пощадил неправых,
От кары грешных спас:
Ведь хмель побед кровавых
Доныне бродит в нас.
Мы, в муках задыхаясь,
Страдали поделом,
Но, испугленно каюсь,
Мы одержимы злом
И на зверей похожи,
Во всем себе верны,
Так помоги нам, боже,
Избыть соблазн войны!

Пусть мир — глашатай счастья —
Стучит в любую дверь.
Какой он послан властью,
Мы поняли теперь.
Встречать его не выйдем,
В родство не вступим с ним —
Самих себя обидим,

Самих себя казним.
И подлым равнодушьем
Уже на сотни лет
Бессмысленно потушим
Любви и правды свет.

Ужель все было даром?
Стенанья наших вдов,
Объятые пожаром
Руины городов,
Разрушенные башни
Святых монастырей,
И выжженные пашни,
И пепел пустырей,
И рвы глухие эти —
Там, где погребены
Родные наши дети,
Любимые сыны?

Так оглянись, подумай,
Горючих слез не прячь.
Нет! Свой удел угрюмый
Безропотно оплачь!
Мы над судьбой, над богом
Глумились с давних пор.
Он в испытанье строгом
Нам вынес приговор,
Но изменил, прощая,
Тот приговор крутой,
К добру нас приобщая
Своею добротой.

Очнемся, пробудимся,
Переживем беду,
Навеки предадимся
Достойному труду.
Умолкни, глас гордыни!
Стремясь к иной судьбе,
Великий мир, отныне
Мы отданы — тебе!
Раскрой свои объятья
И страстно призови:
«Живите в мире, братья,
В покое и любви!»

ИОГАНН РИСТ

(1607—1667)

НА ПРИХОД ХОЛОДНОЙ ЗИМНЕЙ ПОРЫ

Oda jambica ¹

Зима суровая настала,
Промчалась летняя пора.
Седая выюга разостлала
Подобье белого ковра.

Застыли сосны перелеска,
Мой бедный сад в снегах увяз.
От металлического блеска
Полян замерзших режет глаз.

Что ж, коли так, необходимо
Дров наколоть, огонь разжечь,
Чтоб из трубы — побольше дыма,
Чуть уголька подбросить в печь.

Опустошая погреб винный,
Поймешь, сколь сладко в час ночной
Сидеть в натопленной гостиной,
Стакан сжимая ледяной.

И, пальцами коснувшись клавиш,
Ты, милый, ты, сердечный друг,
Блаженной музыкой убавишь
Напор и натиск зимних вьюг.

Шутить и куролесить будем,
Снедь и питье боготворя,

¹ Ямбическая ода (лат.).

Но и красавиц не забудем:
Кто не любил, родился зря!

Ведь не зима, а старость злая,
И с ней, глядишь, к нам смерть грядет!
И ныне мы живем, не зная
О том, что всех нас завтра ждет.

А если так, то выпьем, братья!
Веселью предадимся мы!
Богоугодней нет занятия,
Чем пировать среди зимы!

ЖАЛОБА ГЕРМАНИИ

Как быть, что делать мне? Решиться не пора ли?
Веселье, радость, смех — все у меня украли.
Мой помутился разум,
Мой голос — хриплый вой.
Уж лучше кончить разом —
О камень головой!

Бездушными детьми мне вырыта могила.
Неужто я сама презренных змей вскормила?
Мой лик слезами залит,
Мне боли не унять!
Как змеи жгут! Как жалят
Свою родную мать!

Из раны кровь — ручьем... Я столько
лет терпела...
Не высказать тоски, что к сердцу прикипела,
Вот рана пламенеет,
А сердцу нет тепла.
Язык деревенеет.
Я кровью истекла.

Услышь, земная твердь! Услышь, морей пучина!
Раздоры и война — скорбей моих причина.
Бушующее пламя
Всех может сокрушить,
Но злобой и мечами
Его не потушить.

Где верность? Где любовь? Где праведность и
вера?

Устои сметены, порядочность — химера.

Немецкой кровью полит

Простор земных широт...

О, как себя неволит

Мой собственный народ!

Долины и поля, под стать могильной яме,

Усеяны — увы! — немецкими костями.

Они снегов белее...

Усопшим не помочь.

Но я, о них болея,

Стенаю день и ночь...

Так чем нам заслужить господня милосердья?

Раскайся, мой народ! Плачь, не щадя усердья!

В слезах, забыв смущенье,

Раскрой свои сердца,

Чтоб выпросить прощенье

У нашего творца.

Вы ждете: я умру, не пересилив раны.

Но знайте, недруги: вам радоваться рано!

Для всех грядет конечный,

Неумолимый час.

Меня казнив, предвечный

Не пощадит и вас.

Но если вдруг господь мне ниспошлет свободу

И снова мир вернет немецкому народу,

Все сделаю, чтоб всюду

Свет кротости светил,

И жизнь лелеять буду,

Покуда хватит сил!

ВЕЧНОСТЬ

Ах, слово «вечность»... Вникни в суть!

Оно, как меч, сверлит мне грудь,—

Нет ни конца, ни краю...

Ах, вечность! Время вне времен!

Бреду, бедой обременен.

Куда бреду — не знаю...

Всему свой срок и свой черед:
Ослабнет горе, боль замрет,
Смирится бессердечность.
Но день за днем, за веком век
Свой буйный, свой бесцельный бег
Не остановит вечность.

Ах, вечность! Ты страшишь меня!
Здесь, среди крови и огня,
Я ужасом охвачен.
Скажи, наступит ли предел?
Иль этот роковой удел
Навек нам предназначен?

Ах, слово «вечность»... Вникни в суть!
Оно, как меч, сверлит мне грудь,—
Нет ни конца, ни краю...
Ах, вечность! Время вне времен!
Бреду, бедой обременен.
Куда бреду — не знаю...

**ХРИСТИАНСКИМ КНЯЗЬЯМ
И ВЛАСТИТЕЛЯМ ГЕРМАНИИ,
С ПРИЗЫВОМ ЗАКЛЮЧИТЬ ЧЕСТНЫЙ МИР
И ВОССТАНОВИТЬ СПРАВЕДЛИВОСТЬ,
ЛЮБОВЬ И ЕДИНСТВО**

Когда же наконец война достигнет цели?
Когда ж в конце концов последует отбой?
Когда ж к нам здравый смысл вернется, в самом
деле?

Когда ж мы завершим убийство и разбой?
Когда ж мы сей пожар бессмысленный потушим?
Когда ж Германия развеет страшный сон?
Когда ж придет покой к измаявшимся душам?
Когда же, о когда мы Марсу скажем: «Вон!»
Ну, а покуда все покрыто мглой и дымом,
И в зелень волн морских вмешался крови цвет,
И пушки грохотом своим неумолимым
Вещают вновь и вновь, что избавленья нет!
Остановись, о Марс! Иль, полагаясь, мало
Мы крови пролили, той, что всего ценней?!

Посевы сожжены, дома войной сломало,
Земля истоптана копытами коней.
Несчастливая страна, не ты ль была когда-то
Цветущею страной? И верно, не один
Здесь город высылся, построенный богато,
Где ныне — пустота пожара и руин...

Приди, желанный мир! Мы ждем твоей защиты.
Уставши до смерти, когда ж мы отдохнем?
Все двери для тебя в Германии открыты,
Все окна для тебя мы настежь распахнем.
О, что произойдет, когда умолкнут пушки
И отгремит для нас военная страда?
Вновь песни запоют влюбленные пастушки
И тучные, как встарь, начнут пастись стада.
Появятся опять коровы, овцы, козы
Средь зелени лугов — о, светлая судьба!
Распустятся сады, в них запылают розы,
И, радуя селян, в полях взойдут хлеба!
Всего не перечесть, что мир нам предвещает,
Безмерна власть его, пленительна краса...
Как жаль, что землю он так редко навещает,
Что вечная его обитель — небеса!

Высокие князья, властители державы,
Той, что германскою и римскою зовут!
Верните людям мир! И дань бессмертной славы
Вам восхищенные народы воздадут!
Решайтесь! Пробил час! Господь повелевает
Раздоры, зависть, злость и алчность превозмочь,
Он вас, разрозненных, к сплоченью призывает,
Чтоб озверевший Марс в глухую канул ночь!
Родимая земля, отечество отваги!
Когда ж заблещет сталь, но не мечей, а кос,
Когда ж над головой не будут виться флаги,
Когда исчезнет страх? Ответ на сей вопрос!
Чтоб не были нужны ни панцири, ни пики,
Ни каски, ни картечь, ни пули, ни клинки,—
Об этом я молюсь всевышнему владыке,
Лишь в это верую, всем бедам вопреки!..

ГЕОРГ ФИЛИПП ГАРСДЕРФЕР

(1607—1658)

ДОЖДЬ

Если в редкость капля влаги,
Жухнут волосы земли.
О другом не просим блага,—
Небо! Дождь нам ниспошли!
Вот он! Двигается! Все ближе!
Дождь! О дождь! Услышь! Приди же!
Разомлевшие сады,
Обмелевшие пруды
Ждут спасительной воды.

Мы не зря в слезах молили,
Чтоб нам ветер дождь принес:
Землю знойную умыли
Сто ручьев небесных слез.
Хлынул дождь — жара опала.
В небе светятся опалы.
Вы, кто так дождя просил,
Кто от жажды голосил,
Набирайтесь новых сил!

В черных тучах — накипь злобы,
Но зато светлы поля:
Веселятся, водохлебы,
Жадно жажду утоля.
Эй, вина подать сюда нам!
Хорошо напиться пьяным!
Вся земля пьяным-пьяна.
Дождь идет? За дождь! До дна!
Что за дружба без вина?

На дожде листва трепещет,
Под дождем трава шуршит,
Вот он — блещет, плещет, хлещет,
Вот — журчит, ворчит, урчит,
Ах, в моих стихов звучанье
Перешло б его журчанье!
Внемля песенке моей,
Выпей, брат, да не запей,
Пей, да дело разумей!

ЗАГАДКИ

НУЛЬ ИЛИ ЗЕРО

Одних мой вид страшит, других — весьма забавит.
Все дело в том, куда меня мой мастер ставит.
Вхожу я в миллион, и в тысячу, и в сто,
Хоть я, как весь наш мир, сам по себе ничто.

ВРЕМЯ

В пространство погружен шарообразный дом,
Что суще под луной — все обитает в нем.
Вновь становлюсь порой, чем было я когда-то,
Утратившим меня придется туговато.

ЛАТЫНЬ

Рим был мне родиной. С приходом чужеземцев
Меня изгнали прочь. Теперь живу у немцев.

ПАУЛЬ ФЛЕМИНГ

(1609—1640)

К САМОМУ СЕБЕ

Будь тверд без черствости, приветлив без жеманства.
Встань выше зависти, довольствуйся`собой!
От счастья не беги и не считай бедой
Коварство времени и сумрачность пространства.

Ни радость, ни печаль не знают постоянства:
Чередованье их предрешено судьбой.
Не сожалею о том, что сделано тобой,
А исполняй свой долг, чураясь окаяинства.

Что славить? Что хулить? И счастье и несчастье
Лежат в тебе самом!.. Свои поступки взвесь!
Стремясь вперед, взгляни, куда ты шел поднесь,

Тому лишь, кто, презрев губительную спесь,
У самого себя находится во власти,
Подвластна будет жизнь, мир покорится весь!

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ВРЕМЕНИ

Во времени живя, мы времени не знаем.
Тем самым мы себя самих не понимаем.
В какое время мы, однако, родились?
Какое время нам прикажет: «Удались!»
А как нам распознать, что наше время значит
И что за будущее наше время прячет?
Весьма различны времена по временам:

То нечто, то ничто — они подобны нам.
Изжив себя вконец, рождает время время,
Так продолжается и человечесьё племя.
Но время времени нам кажется длинней
Коротким временем нам отведенных дней.
Подчас о времени мы рассуждаем с вами.
Но время — это мы! Никто иной. Мы сами!
Знай: время без времен когда-нибудь придет
И нас из времени насильно уведет,
И мы, самих себя сваливши с плеч, как бремя,
Предстанем перед тем, над кем не властно время.

ЗАЧЕМ Я ОДЕРЖИМ

Зачем я одержим духовным этим гладом,
Пытаясь в суть вещей проникнуть алчным взглядом?
Зачем стремлением мой ум воспламенен
Прозреть событий связь и сложный ход времен?
Когда б постиг я все искусства и науки,
Все золото земли когда б далось мне в руки,
Когда бы я — поэт — в отечестве моем
Некоронованным считался королем,
Когда б (чего ни с кем доселе не бывало)
Не дух, а плоть мою бессмертье ожидало
И страха смертного я сбросил бы ярем,—
Могли бы вы сказать: «Он обладает всем!»
Но что такое «всё» среди земной печали?
Тень призрака. Конец, таящийся в начале,
Шар, полный пустоты. Жизнь, прожитая зря,
Звук отзвука. Ничто, короче говоря.

СПОР С САМИМ СОБОЙ

Напрасен весь мой труд, но, в иступленье страстном,
Я только и живу трудом своим напрасным,
Как если бы я был с рассудком не в ладу.
Так я с самим собой безмолвный спор веду.
С самим собой мирюсь и снова в бой вступаю,
Себя себе продаю, себя я покупаю.
И мой заклятый враг в сей призрачной войне
То валит с ног меня, то поддается мне...
Я сам — свой друг и враг. Во мне ведут сраженье

Война и мир... Когда ж, устав, в изнеможение,
Плоть просит отдыха, мой ошалевший дух,
Из тела вырвавшись, как молодой петух,
Кричит, беснуется и, неразумный кочет,
Где надо бы рыдать, неистово хохочет.

ОЗАРЕНИЕ

Я жив. Но жив не я. Нет, я в себе таю
Того, кто дал мне жизнь в обмен на смерть свою.
Он умер, я воскрес, присвоив жизнь живого.
Теперь ролями с ним меняемся мы снова.
Моей он смертью жив. Я отмираю в нем.
Плоть — склеп моей души — ветшает с каждым
днем.

Обманчив жизни блеск. Кто к смерти не стремится,
Тому под бременем скорбей не распрямиться!
Страшитесь, смертные, дух променять на плоть!
От искушения избавь меня, господь!
Постиг всем существом я высшую идею;
Все то, чего лишен, и все, чем я владею,
И смерть мол, и жизнь со смертью наравне,
Смысл и бессмыслица содержатся во мне!
Какое же принять мне следует решение?
Я смею лишь желать. Тебе дано свершенье.
Освободив мой ум от суетной тщеты,
Возьми меня всего и мне предайся ты!

ВЕРНОЕ СЕРДЦЕ

Что ценней любогоклада
Нам на жизненном пути?
Величайшая улада
Сердце верное найти,
С сердцем близким, с сердцем милым
Все на свете нам по силам.

Жизнь предаст, судьба обманет,
Счастье может изменить.

Сердце верное воспрянет,
Чтоб тебя оборонить.
С сердцем близким, с сердцем милым
Все на свете нам по силам.

Для него твоя удача —
Всех отраднее удач.
Загорюешь, горько плача,
И его услышишь плач.
С сердцем близким, с сердцем милым
Все на свете нам по силам.

Деньги тают, гаснет слава,
Дни уносятся гурьбой,
Старость мерзкая трухлява —
Сердце верное с тобой.
С сердцем близким, с сердцем милым
Все на свете нам по силам.

И свиданье и разлуку —
Все оно перенесет.
Загрустишь — развеет скуку,
А отчаешься — спасет.
С сердцем близким, с сердцем милым
Все на свете нам по силам.

Пусть вовек не расстаются
Двое любящих сердец,
В сладкой верности срастутся,
Как того хотел творец.
С сердцем близким, с сердцем милым
Все на свете нам по силам!

КАК БЫ ОН ХОТЕЛ,
ЧТОБЫ ЕГО ЦЕЛОВАЛИ

Целомудренно-чиста,
Поцелуй меня в уста.
Робко, но не слишком вяло —
Чтоб до сердца доставало.

Наслаждения порой
Детской кажутся игрой,

Если дочери Венеры
Не имеют чувства меры.

Не кусай меня, не жги.
Страсть сперва побереги.
Округли сначала губки
В виде дружеской уступки.

Покуражься, а потом
Обхвати горящим ртом
Рот, подставленный влюбленным,
До предела распаленным.

Лишь простушка да простак
Льнут друг к другу просто так:
Вызывает трепет в теле
Самый путь к заветной цели,

С ходу или не спеша,—
Делай, как велит душа...
Ну, а что зовется раем,
Только мы с тобою знаем!

НА ЕЕ ОТСУТСТВИЕ

Я потерял себя. Меня объял испуг.
Но вот себя в тебе я обнаружил вдруг...
Откройся наконец, души моей обитель!
Сколь тяжко мучаюсь я — горестный проситель,
Сколь омрачен мой дух, вселившийся в тебя!..
Казнишь влюбленного?.. Что ж. Он умрет, любя...
Но от себя меня не отдавай мне боле!
Я пересилю смерть, твоей согласно воле!..
...Что спрашивать, куда заброшен я судьбой?
И нет меня во мне, когда я не с тобой,

ПОХВАЛЬБА ПЕХОТИНЦА

Я воин, я солдат, мой бранный дух велик.
Я не боюсь огня, я лезу напрямик.
Сыздетства я питал безмерную охоту
К героическим подвигам и вот — попал в пехоту.

Да, да! Не каждому предписано судьбой
Считаться воином!.. Кто обожает бой,
Кто шествует в строю, расправив гордо плечи,
Под ураганный вой взбесившейся картечи,
Кто доблестью своей врага бросает в дрожь,
Кто — баловень побед, тот на меня похож!
И если вражья рать повержена и смята
Могучим натиском бесстрашного солдата,
То знайте, это — я, сын войска своего!
Наш клич: «Один за всех и все за одного!»
Солдаты мужеством друг друга заражают,
Одни ведут стрельбу, другие заряжают.
Пушай презренный враг нас превзошел числом,
Мы во сто крат сильнее военным ремеслом.
Мы выучкой сильны. Пусть к нашему редуту
Противник сунется, — мы с ним поступим круто:
Раздавим, разметим! Готов любой солдат
Скорее умереть, чем отойти назад.
Нет в мире ничего отрадней этой доли:
Достойно умереть в бою, по доброй воле.
А коль тебя убьют при этом наповал,
Ты, значит, вообще мучений миновал...
Что ж! С пулею в груди я с честью мир покину,
Как мне велит мой долг. Но осмотрите спину —
Вы раны ни одной не сыщете на ней!..
Когда же, побросав оружие и коней,
Противник побежит с оставленных позиций,
Геройская душа взовьется вольной птицей.
Тогда гуляй и пей, приятель дорогой!
Карманы набивай добычей даровой!
Смотри, как воинство отважно атакует
Спасенных жителей! Отечество ликует:
Освободили мы любезных земляков
Сначала от врага, затем от кошельков.
На то ведь и война. Не трогает солдата
Вопрос: кому служить? Была б повыше плата!

НОВОГОДНЯЯ ОДА 1633

Край мой! Взгляд куда ни кинь —
Ты пустынное пустынь.
Милый Мейсен! Злобный рок
На позор тебя обрек,

Жмут нас полчища врага,
Затопили берега
Реки, вспухшие от слез.
Кто нам пагубу принес?

Наши села сожжены,
Наши рати сражены,
Наши души гложет страх,
Города разбиты в прах.

Если хлеба кто припас,
То давно проел припас,
Голод пир справляет свой
В опустевшей кладовой.

Так зачем и почему
Сеют войны и чуму?
Слушай, вражеская рать!
Может, хватит враждовать?

Жить в согласие — не зазор,
А война — для всех разор.
Разве столько страшных бед
Стоят несколько побед?

Марс, опомнись! Не кичись!
Милосердью научись
И скажи: «На что мне меч?
Тьфу! Игра не стоит свеч!

Каску грозную свою
Певчим птахам отдаю,
Чтоб в канун весенних дней
Птицы гнезда вили в ней.

А кольчуги и клинки
Вам сгодятся, мужики!
Из клинков да из кольчуг
Будет лемех вам и плуг».

Не хотим военных свар!
Мир — вот неба высший дар!
Прочь войну, чуму, беду
В наступающем году!

**ВЕЛИКОМУ ГОРОДУ МОСКВЕ,
В ДЕНЬ РАССТАВАНИЯ**

Краса своей земли, Голштинии родня,
Ты дружбой истинной, в порыве богоравном,
Заказанный иным властителям державным,
Нам открываешь путь в страну истоков дня.

Свою любовь к тебе, что пламенней огня,
Мы на восток несем, горды согласьем славным,
А воротясь домой, поведаем о главном:
Союз наш заключен! Он прочен, как броня!

Так пусть во все века сияет над тобою
Войной не тронутое небо голубое,
Пусть никогда твой край не ведает невзгод!

Прими пока сонет в залог того, что, снова
На родину придя, найду достойней слово,
Чтоб услышал мой Рейн напевы волжских вод.

**НА СЛИЯНИЕ ВОЛГИ И КАМЫ,
В ДВАДЦАТИ ВЕРСТАХ ОТ САМАРЫ**

Приблизьтесь к нам скорей! Причин для страха нет!
О нимфы пермские, о гордые княгини,
Пустынных сих берегов угрюмые богини.
Здесь тень да тишина. И солнца робок свет.

Вступите на корабль, дабы принять привет
От нас, кто на устах у всей России ныне,
Голштинии сыны, мы здесь — не на чужбине:
Незыблем наш союз, и до скончанья лет!

О Кама, бурых вод своих не пожалей!
Ковшами черпай их и в Волгу перелей,
Чтоб нас песчаные не задержали мели.

И Волга, обновясь, свой да ускорит бег,
Призвавши благодать на тот и этот берег,
Чтоб глад, и мор, и смерть их ввек терзать не
смели.

НА СМЕРТЬ ГОСПОДИНА МАТИНА ОПИЦА

Так в Элизийские ушел и ты поля,
Ты, кто был наших дней Гомером и Пиндаром,
Кто, наделенный их необычайным даром,
Жил, с ними славу и бессмертие деля.

О герцог наших струн! Немецкая земля,
Привыкшая к скорбям, объята пожаром,
Сотрясена досель не виданным ударом
И стонет, небеса о милости моля.

Вотще!.. Все сметено, все сломлено и смято.
Мертва Германия, прекрасная когда-то.
Мать умерла, теперь во гроб ложится сын.

Пал мститель, пал певец, пал праведник и воин!..
А вам-то что скорбеть? Из вас-то ни один
Подобного певца сегодня не достоин,

К ГЕРМАНИИ

Отчизна, справедлив твой горестный упрек:
Я молодость свою провел грешно и празднo,
Не исполнял твоих велений безотказно
И, вечно странствуя, был от тебя далек.

Мать-родина! Прости! Жар любопытства влек
Меня из края в край. Я не избег соблазна
И покидал тебя ни с чем не сообразно,
Но ничего с собой поделатъ я не мог.

Я лодка малая, привязанная к судну,
Хочу иль не хочу, а следую за ним.
И все же навсегда я остаюсь твоим.

Могу ли я тебя отвергнуть безрассудно?
И в поисках пути, в далекой стороне,
Я смутно сознаю: я дома — ты во мне...

ЭПИТАФИЯ

Господина Пауля Флеминга, д-ра мед., кою он сочинил сам в Гамбурге марта 28 дня лета 1640 на смертном одре, за три дня до своей блаженной кончины

Я процветал в трудах, в искусствах и в бою,
Избранник счастья, горд именитым родом,
Ничем не обделен — ни славой, ни доходом,
Я знал, что звонче всех в Германии пою.

Влекомый к странствиям, блуждал в чужом краю.
Беспечен, молод был, любим своим народом...
Пусть рухнет целый мир под нашим небосводом,
Судьба оставит песнь немецкую мою!

Прощайте вы, господь, отец, подруга, братья!
Спокойной ночи! Я готов в могилу лечь.
Коль смертный час настал, то смерти не перечь.
Она меня зовет, себя готов отдать я.

Не плачьте ж надо мной на предстоящей тризне.
Все умерло во мне..., Все..., Кроме искры жизни.

ИСАИЯ РОМПЛЕР ФОН ЛЕВЕНГАЛЬТ

(Ок. 1610 — после 1647)

ВЗБЕСИВШАЯСЯ ГЕРМАНИЯ

(Фрагмент)

Из северных краев — пристанища медведей —
К нам ворвалась зима, пошла крушить соседей!
Неистовствует ветер, сшибая булавой
Дрожащую листву над нашей головой.
Стучит ветвями бор с морозом в поединке.
В заброшенных полях не сыщешь ни травинки.
Дороги замело. Ручей — под толщей льда...
Но речь не о зиме. Есть худшая беда,
Чем бешеной зимы разбойные повадки:
Германия лежит в смертельной лихорадке,
В горячечном бреду!.. Костлявою рукой
Ей горло сжала смерть. Надежды — никакой!

Лицо искажено. От ран гноится тело...
Германия! Сама ты этого хотела!
Клятвопреступница, ты бога своего
Постыдно предала, разгневала его,
Распяла господа!.. Чего ж ты плачешь ныне,
Когда, подобная разнузданной скотине,
Ты в грязной похоти бессмысленно жила,
В ничтожной роскоши, в разврате жизнь прожгла?
Не ты ль сама себе средь подлого разгула
Пеньковую петлю на горле затянула?..
О мире, о добре, презренная ханжа,
Кричать ты смела, нож за пазухой держа!
Ты господом клялась, а дьяволу служила!
Ты совестью своей ничуть не дорожила!

**О, сколько страшных бед ты людям принесла!
Нет мерзостям твоим ни меры, ни числа.**

**За то тебя господь карает без пощады...
Твой черно-желтый мозг уже разъели яды.
Твой вялый рот истек кровавою слюной.
То жар тебя томит, то холод ледяной:
Отчаянье тебя бросает в жар и в холод!
Все яростней война, все ненасытней голод.
И, разум потеряв, ты в мерзостной божбе
Рычишь, стенаешь, рвешь одежды на себе,
Лицо распухшее царапаешь ногтями.
Твой каждый шаг ведет тебя к могильной яме.
Уже недолго ждать: ты свалишься туда
И в собственной крови утонешь навсегда!**

**Немецкая страна, ты не немецкой стала!
Как потускнело все, чем прежде ты блистала!..
Конец! Всему конец! Тебя поглотит мрак!
Но не чума, не мор, не озверевший враг,
Не дьявольских судеб безжалостная сила,—
Германию — увы! — Германия убила!..**

АНДРЕАС ЧЕРНИНГ

(1611—1659)

ДЕВУШКЕ, ВЫХОДЯЩЕЙ ЗАМУЖ ЗА СТАРИКА

Да ты свихнулась, что ли?,
При облике таком
Самой по доброй воле,
Сойтись со стариком?!

Ужель его седины
Твоих волос светлей,
А ветхие руины,
Чем новый дом, целей?

О, сколь сей брак неравен!.,
Стареющий баран
Ведь только шубой славен,
Хоть он и ветеран.

Гляди: в костре пылает
Пень, что давно иссох,
И понапрасну лает
Беззубый кабысдох.

Коробится с годами
И ржавеет металл.
Так ржавеем мы сами,
Когда наш срок настал.

Напрасно ищет сваху
Проворный старичок:

Смерть явится и — с маху
Подловит на крючок!

О, старость столь степенна,
Столь мудрости полна!..
Но истинно священна
Лишь молодость одна!

К ОТСУТСТВУЮЩЕЙ

Ни пастбищем, ни пашней,
Ни мраморною башней,
Ни роскошью дворца
Свой взор я не унижу,
Покуда не увижу
Любимого лица.

Мне самый воздух душен:
Нет никаких отдушин,
Когда тебя здесь нет!
Мое ты сердце съела,
В мозгу моем засела,
Очей затмила свет.

Я до того скучаю,
Что смерть не исключаю:
Я близок к ней весьма!..
Сие предупрежденье
Шлю как бы в подтвержденье
Вчерашнего письма,

ЮСТУС ГЕОРГ ШОТТЕЛЬ

(1612—1676)

ПЕСНЯ ГРОМА

Сера, пламень, дым, вода —
Началась меж них вражда.
В драку влезть туман решил.
Свет и воздух удушил.

Буйный ветер начал дуть,
Бить, швырять, ломать и гнуть.
Воет, поет, стонет шквал.
Рек смятенье. Гор обвал.

С треском молния взвилась.
Страшно стало: мгла зажглась.
Комья серы... Мир в чаду.
Чадно, дымно, как в аду.

Ухнул, бухнул, грохнул гром,
Бахнул, жахнул — все вверх дном.
Снова стукнул сторяча
И утих, ворча, урча.

В черноте опять сверкнет,
Где-то глухо рокотнет...
Новый ветер-ветрогон
Учинил грозе разгон.

НЕПРЕРЫВНОСТЬ СТРАДАНИЙ

Хлещут волны, море стонет —
Бурю ветер урезонит,
Сгонит тучи с небосвода,
И уймется непогода.

Но навечно жить в заботе
Духу нашему и плоти.
Лишь одно избудешь горе,
Набежит другое вскоре.

Солнце сядет — солнце встанет,
За зимой весна нагрянет,
После ночи день начнется,
Дождь пойдет — земля напьется.

Нет скончанья нашим бедам.
За бедой — другая следом,
За невзгодой — другая,
Нас в отчаянье ввергая.

Вечно страждем, вечно злимся,
Жить стремимся, суетимся.
Вечно просим, сердце мучим,
То, что просим, не получим.

Наши скорби, наши муки,
Наши встречи и разлуки,
Взлеты, подвиги, соблазны —
Ах! — ни с чем не сообразны.

Наша жизнь вотще влачится.
Радость горем омрачится.
И на краткий миг улады —
Годы тягостной досады.

ИОГАНН КЛАЙ

(1616—1656)

АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ ОДА ОТ ЛИЦА МАРИИ МАГДАЛИНЫ

Огнями золотыми
Сияя в вышине,
Где рожками своими
Кивает месяц мне,
Вы, звездочки, скажите,
Зачем ушел от нас
Тот, к чьей святой защите
Прибегну в смертный час?

Слабеючи на грани
Глухой поры ночной
И предрассветной рани,
О, сжальтесь надо мной
И посему скажите,
Когда ушел от нас
Тот, к чьей святой защите
Прибегну в смертный час?

О вы, поля и чащи,
Вы, нивы и сады,
Что столь плодоносящи,
Вы, тучные плоды,
Узнайте, поищите,
Куда ушел от нас
Тот, к чьей святой защите
Прибегну в смертный час?

Вы, горы, вы, пустыни,
Весь мир я обойду,
Но верю и поныне,
Что я его найду!
Леса мои и реки,
Встречаючи зарю,
С ним буду я навеки,
С тем, коим я горю!

ПРАЗДНИЧНЫЙ ФЕЙЕРВЕРК ПО СЛУЧАЮ РОЖДЕНИЯ МИРА

Под грохот, под хохот, под клики, под крики
Летают, витают, пылают гвоздики.
И воздух весь в звездах, и в облаке дыма
Кометы, ракеты проносятся мимо.

Та-ра́-ра, тра-ра́-ра! — кларнеты и трубы
Играют, скликают вас в круг, жизнелюбы!
И ноги с дороги так в пляске топочут,
Как бой, как прибой, как грома не грохочут.

От градин-громадин, от ливневой бучи
Смят сад. Ах! В лесах переломаны сучья.
Но град — не снаряд! Вот загрохают пушки,
И ахнут, и лопнут, и хлопнут хлопушки!

Взвились, понеслись за ракетой ракеты,
Горят и парят огневые букеты.
Народ так и прет, разоде́тый красиво:
«Вот чудо так чудо! Вот диво так диво!..»

Несите́сь! Светите́сь! Чтоб тьма расступалась!
Земля чтоб, людей веселя, сотрясалась!
Война, чья вина не имеет предела,
Ча́дя и смердя, наконец околела!

(1616—1664)

ГОД 1636

Мы все еще в беде, нам боль сердца буравит,
Бесчинства пришлых орд, взъяренная картечь,
Ревущая труба, от крови жирный меч —
Все жрет наш хлеб, наш труд, свой суд неправый
правит,

**Враг наши церкви жжет, враг нашу веру травит,
Стенает ратуша!.. На пагубу обрець
Посмели наших жен — кому их оберець?
Огонь, чума и смерть... Вот-вот нас жизнь оставит,**

**Здесь каждый божий день людская кровь течет!
Три шестилетия! Ужасен этот счет.
Скопление мертвых тел остановило реки,**

**Но что позор и смерть, что голод и беда,
Пожары, грабежи и недород, когда
Сокровища души разграблены навеки?!**

ВЕЛИЧИЕ И НИЧТОЖЕСТВО ЯЗЫКА

Венец творения, владыка из владык,
 Ответствуй, в чем твое всевластье человечье?
 Зверь ловок и силен, но, не владея речью,
 Он пред тобой — ничто. А людям дан язык.
 Груз башен каменных и тяжесть тучных нив,
 Корабль, что входит в порт, моря избородив,
 Свечение звезды,
 Течение воды,

Все, чем в своих садах наш взор ласкает Флора,
Закон содружества, которым мир богат,
Неумолимый смысл господня приговора,
Цветенье юности и старческий закат,—
Все — только в языке! — находит выраженье.
В нем жизни торжество, в нем — смерти поражение,
Над дикостью племен власть разума святого...
Ты вечен, человек, коль существует слово!
Но что на свете есть острее языка?
Что в бездну нас влечет с нещадной быстротою?
О, если б небеса сковали немотою
Того, чья злая речь развязна и мерзка!
Поля — в холмах могил, смятение городов,
Пожар на корабле у мертвых берегов,
Вероучений чад,
Что разум наш мрачат,
Слепая ненависть, которая нас душит,
Вражда церквей и школ, обман и колдовство,
Война, растлившая сердца, умы и души,
Смерть добродетели, порока торжество,
Любви и верности ужасная кончина,—
Всему виной язык, он здесь первопричина.
И коли речь твоя — рабыня смысла злого,
Ты гибнешь, человек, убитый ядом слова!

СОЗЕРЦАНИЕ ВРЕМЕНИ

Не мне принадлежат мной прожитые годы,
А те, что впереди,— есть собственность природы.
Что ж мне принадлежит? Мгновение одно,
В котором годы, век — все, все заключено!

FORTIS UT MORS DILECTIO¹

На день их бракосочетания

1

Что такое быть любимым?..
Пусть разверзнется земля
Иль огнем и черным дымом

¹ Любовь сильна, как смерть (лат.).

Смерть окутает поля,—
Лютый страх неимоверный
Сникнет пред любовью верной.

2

Смерть стрелою в сердце метит,
Факел траурный чадит,
А любовь и не заметит,
Как злодейку победит.
Да останется нетленной
Лишь любовь во всей вселенной!

3

Не страшны ей муки ада,
Пыток дьявольский набор,
Раззадорясь, только рада
Жить, беде наперекор!
Как господь, что правит нами,
Вся она и свет и пламя.

4

Пусть прибой о скалы бьется,
Пусть беснуется метель,
Пусть свирепый норд ворвется
В океанскую купель,—
Все равно любовь живучей,
Чем вода, чем ветер могучий.

5

Не найти на свете гири,
Что так весит тяжело.
Даром, что ль, все злато в мире
С ней тягаться не смогло?
Подчинись ее условию:
За любовь плати любовью!

МЕРТВЕЦ ГОВОРIT ИЗ СВОЕЙ МОГИЛЫ

Постой, прохожий! Не спеши!
Здесь, под плитой надгробной,
В немой кладбищенской глуши
Лежит тебе подобный.
Остановись! Со мной побудь!
И правды ты постигнешь суть.

Ты жив. Я мертв. Но ты и я —
Почти одно и то же.
Я — твой двойник. Я — тень твоя,
Во всем с тобой мы схожи.
Мне гнить в могильной глубине,
Но ты себя узри во мне.

Гость на земле, из всех гостей
Ты, человек, всех тленней.
Твой дух? — Игра слепых страстей,
Мысль? — Смена заблуждений.
Деянье? — Воздуха глоток.
Жизнь? — Безрассудных дней поток,

Ах, эта скорбная плита —
Как пограничный камень,
За ним угаснут красота,
Ума и сердца пламень.
Не протащить за этот круг
Меч, книгу, посох или плуг.

Нет! О пощаде не моли:
Не будет по-другому!
Как от подошвы до земли,
До мертвого — живому.
Так предназначено судьбой.
Твоя могила — под тобой.

О вы, творцы мудрейших книг,
Науки исполины,
Чей разум дерзостно проник
В познания глубины!
Я вас читал и почитал,
Но все равно сюда попал.

Будь именит и знаменит,
Стремись к высокой цели,—
Но слышишь? Колокол звонит!
По ком? Не по тебе ли?
Он вопрошает неспроста:
А совесть у тебя чиста?..

Твои уголья возросли,
Ты счастлив бесконечно,
Но много ль надобно земли,
Чтоб лечь в нее навечно!
И нужен смертнику навряд,
Помимо савана, наряд.

Ты брал, шагая напролом,
Услады жизни с бою,
Но титул, славу, двор и дом
Ты не возьмешь с собою.
И все, кто нынче слезы льет,
Тебя забудут через год.

Так думай о своей судьбе,
Поскольку жизнь — одна ведь!
Спеши хоть память о себе
Хорошую оставить...
Как ни молись, как ни постись —
Нельзя от смерти упасть!

Но там, в заоблачном краю,
Есть для души спасенье,
Кто честно прожил жизнь свою,
Дождется воскресенья!
От зла свой дух освободи!
Ты понял?.. А теперь — иди!

К ПОРТРЕТУ НИКОЛАЯ КОПЕРНИКА

О трижды мудрый дух! Муж, больше, чем великий!
Ни злая ночь времен, ни страх тысячеликий,
Ни зависть, ни обман осидить не смогли
Твой разум, что постиг движение земли,

Отбросив темный вздор бессчетных лжедогадок,
Там, среди хаоса, ты распознал порядок
И, высшее познав, не скрыл от нас того,
Что мы вращаемся вокруг солнца своего!..
Все кончится, пройдет, миры промчатся мимо,
Твое ж величие, как солнце, негасимо!

ГИБЕЛЬ ГОРОДА ФРЕЙШТАДТА

Что мне узреть дано среди руин и праха?
Глазницы голода, седые космы страха
И мертвый лик чумы... Грохочет пушек гром.
Вот солдатня прошла с награбленным добром,
Затем крошечный мрак заполонил всю сцену:
То ночь, нет, ночь ночей явилась дню на смену,
И Фрейштадт рухнул ниц. Так, вырванный из недр,
На землю валится, сраженный бурей, кедр.
И не поднять его... За лесом солнце скрылось,
Зажглись лампы звезд, и небо осветилось;
Морфей вступал в дома; тревоги враг — покой
Смежал глаза людей заботливой рукой,
Как вдруг раздался вопль!.. О, громовым раскатом
Звучал тот смертный крик в безумием объятom
Горящем городе!.. Огнем опалена,
Казалось, лопнула над Фрейштадтом луна.
И в посвисте ветров, казнен рукой железной,
Был город поглощен бушующею бездной.
Пожар не утихал... Пронзая ночи тьму,
Метались стаи искр в пороховом дыму,
Колонны и столбы лежали буреломом.
Вот обвалился дом, подмят соседним домом,
Все — пепел, прах и пыль. Белоколонный зал
Не выстоял в огне и грудой щебня стал.
Где ратуша? Где храм? Зубцы дворцовых башен
Пожаром сметены. Сожженный город страшен.
О бедный Фрейштадт мой! О край бездонных бед!
Неужто на тебе живого места нет?
Ужель тебя насквозь война изрешетила?
Ужель гичья рука тебя не защитила
И сам ты обречен исчезнуть без следа,
Как если б пробил час последнего суда?

Иль приближаемся мы к тем печальным срокам,
Когда сметет весь мир пылающим потоком?!
Вот толпы горожан сквозь ядовитый дым
С дрожащими детьми бредут по мостовым.
Вам, детям родины, вам, не выдавшим детства,
Развалины и смерть достанутся в наследство!

Нет больше города... Все превратилось в тлен,
Из пепла и золы торчат обломки стен.
Но что дома?! Едва ль здесь люди уцелели!
Иных огонь застиг во время сна, в постели!
Быть может, кто-нибудь спустя десятки лет
Найдет здесь средь камней обугленный скелет..
Мы сострадаем, но — беспомощны при этом;
Погибшим не помочь ни делом, ни советом.
Ах, музы! Все, что вы послали людям в дар,
Безжалостно унес разнузданный пожар.
Над мраком пустырей, как огненные птицы,
Кружатся в воздухе горящие страницы.
Все то, чем человек бессмертия достиг,
Плод мудрости земной здесь погибает вмиг,
Сокровища искусств, хранимые веками,
Как уличную грязь, мы топчем каблуками!
О, знай, Германия! Из твоего кремня
Стихии высекли зловещий сноп огня.
И лишь когда в тебе погаснет эта злоба,
Несчастный Фрейштадт наш поднимется из гроба,
Подставив голову живительным ветрам.
Мы снова щебет птиц услышим по утрам,
И солнце в вышине засветится над нами,
Которое сейчас сокрыли дым и пламя.
Свершатся все мечты. Труды прилежных рук
Довольство создадут, украсят жизнь вокруг
И в город превратят немое пепелище,
Где будет свет светлей и воздух станет чище,
Чем был он до сих пор... В отстроенных домах
Не воцарятся вновь отчаянье и страх.
И горе и война вовеки их не тронут.
Где в муках и в крови сегодня люди стонут,
Ликующую песнь зачнет веселый хор.
Меч переплавят в плуг, перекуют в топор.
И, заново родясь, вернутся в нашу местность
Утраченный покой, согласие, честь и честность!..

НЕВИННО СТРАДАЮЩЕМУ

Огонь и колесо, смола, щипцы и дыба,
Веревка, петля, крюк, топор и эшафот,
В кипящем олове обуглившийся рот,—
С тем, что ты выдержал, сравниться не могли бы.

И все ж под тяжестью неимоверной глыбы
Твой гордый дух достиг сияющих высот.
О, сбудется! Молва тебя превознесет,
И лавровый венец смягчит твои ушибы!

За дело правое свою ты пролил кровь,
И, павши, ты воспрял, умерши, ожил вновь.
Ни в чем твоя душа святая не повинна!

Но разве наш господь не так же шел на казнь?
Свершив великое, преодолеть боязнь
Перед распятием — вот долг христианина!

ЗАБЛУДШИЕ

Вы бродите впотьмах, во власти заблужденья,
Неверен каждый шаг, цель также неверна.
Во всем бессмыслица, а смысла — ни зерна.
Несбыточны мечты, нелепы убежденья.

И отрицания смешны и утвержденья,
И даль, что светлою вам кажется,— черна.
И кровь, и пот, и труд, вина и не вина —
Все ни к чему для тех, кто слеп со дня рожденья.

Вы заблуждаетесь во сне и наяву,
Отчаявшись иль вдруг предавшись торжеству,
Как друга за врага, приняв врага за друга,

Скорбя и радуясь, в ночной и в ранний час...
Ужели только смерть прозреть заставит вас
И силой вытащит из дьявольского круга?!

СОНЕТ НАДЕЖДЫ

В дни ранней юности, в дни первого цветенья
Я встретиться с чумой успел лицом к лицу.
Едва начавши жить, я быстро шел к концу,
Исполнен ужаса, отчаянья, смятенья.

Болезни, бедствия, безмерность угнетенья
Порой не выдержать и стойкому бойцу,
А я бессилием был равен мертвецу...
Мне ль было превозмочь судьбы хитросплетенья?

Не видя выхода, я только смерти ждал...
И тут... бог спас меня. Господь мне сострадал!
С тех пор, обретши жизнь, усвоил я науку:

На грани гибели, в проигранной борьбе —
Невидимо господь печется о тебе
И в нужный миг подаст спасительную руку.

ВСЕ БРЕННО...

Куда ни кинешь взор — все, все на свете бренно,
Ты нынче ставишь дом? Мне жаль твоих трудов.
Поля раскинутся на месте городов,
Где будут пастухи пасти стада смиренно.

Ах, самый пышный цвет завянет непременно.
Шум жизни сменится молчанием гробов.
И мрамор и металл сметет поток годов.
Счастливых ждет беда... Все так обыкновенно!

Пройдут, что сон пустой, победа, торжество:
Ведь слабый человек не может ничего
Слепой игре времен сам противопоставить.

Мир — это пыль и прах, мир — пепел на ветру.
Все бренно на земле. Я знаю, что умру.
Но как же к вечности примкнуть себя заставить?!

ОДИНОЧЕСТВО

Я в одиночестве безмолвном пребываю.
Среди болот брожу, блуждаю средь лесов.
То слышу пенье птах, то внемлю крику сов,
Вершины голых скал вдали обозреваю,

Вельмож не признаю, о черни забываю,
Стараюсь разгадать прощальный бой часов,
Понять несбыточность надежд, мечтаний, снов,
Но их осуществить судьбу не призываю.

Холодный, темный лес, пещера, череп, кость —
Все говорит о том, что я на свете гость,
Что не избегну я ни немощи, ни тлена.

Заброшенный пустырь, замшелая стена,
Признаюсь, любы мне... Что ж, плоть обречена.
Но все равно душа бессмертна и нетленна!..

ПЛАЧ ВО ДНИ ВЕЛИКОГО ГОЛОДА

Вот — довершение к проклятью:
Мир в лютой жажде изнемог.
Колодды скованы печатью,
И ливень заперт на замок.
Земли распластанное тело
Иссохло и окаменело.

Багровым жаром пышут тучи,
Шальное солнце жжет дуга.
И медленно и неминуче
Сжимают реку берега.
По этим выгоревшим склонам
Она ручьем сочится сонным.

Дымится лес от перегрева,
Кряхтят деревья, облысев.
Во глубине земного чрева
Запах и сморщенный посев.
В полях колосья никнут вяло.
Черны цветы. Трава увяла.

Не выдавить, не выжать сока!
В какой из страшных небылиц
Зной столь бессмысленно жестоко
Душил людей, зверей и птиц?
Голодное мычанье стада...
Пустые села... Запах чада...

О нет, не в силах человека
Беду такую побороть —
Ей равной не было от века...
Но ты, всевидящий господь,
Предавший нас постыдной доле,
Казни — и не пытай нас доле!

Ты посмотри, как люди-тени,
Распухшим, изможденным ртом
Шепча молитвы в исступленье,
Лежат в пыли перед крестом,
Как тянут высохшие руки
К тебе, господь, в предсмертной муке!

Ужель не увлажнится взор твой
При этом зрелище?.. Гляди:
Оцепенел младенец мертвый,
Прильнув к безжизненной груди
Умершей матери!.. Не мею...
О многом и сказать не смею.

Ах, господи, как бессердечно,
Как тяжко ты караешь нас!
Не может быть, чтоб вдруг навечно
Свет доброты твоей угас,
Чтоб ты возненавидел люто
Свои созданья почему-то.

Пора! Печальным стонам внемля,
Раскрой хранилища свои,
Утешь истерзанную землю,
Ее колосья напои,
Взбодри заждавшиеся недра,
Вознагради страдальцев щедро.

Кто, как не ты, в стремление к благу
Поможет ввергнутым в беду?

Услышь нас! Жаждающим дай влагу,
Дай голодающим еду!
Ты даровал нам жизнь — спасибо!
Так сделай, чтоб мы жить могли бы!

ГРОБНИЦА КЕСАРЯ

Воздвигнутую в знак посмертного почета,
На деньги бедняков, ценою слез и пота,
Гробницу кесаря солдаты разнесли.
Полуистлевший труп валется в пыли,
А мрамор и кирпич прославленной гробницы
Порастаскал народ: в хозяйстве пригодится!
Ограбили того, кто всех ограбил сам...
Клевет властителя взывает к небесам.
«Посмертно он казнен!» — вопит он в укоризне,
Я тоже сетую: «Да... Жаль, что не при жизни!»

К НАКРАШЕННОЙ

Ну, что в вас истинного, детище обмана:
Вставные челюсти или беззубый рот?!
О ваших локонах златых парик ваш врет,
А о румянце щек — дешевые румяна.

Набор густых белил — надежная охрана.
Но если невзначай их кто-нибудь сотрет,
Тотчас откроется — скажу вам наперед —
Густая сеть морщин!.. А это — в сердце рана!

Наружностью всегда приученная лгать,
Вы лживы и внутри, так надо полагать,
Фальшивая душой, притворщица и льстица!

О сердцем лживая! О лживая умом!
С великим ужасом я думаю о том,
Кто вашей красотой фальшивою прельстится!

СВАДЬБА ЗИМОЙ

В долинах и в горах еще белым-бело.
Течения быстрых рек еще зажаты льдами.
Измучена земля стальными холодами.
Деревья замерли, и ветки их свело.

Еще седой буран разнузданно и зло
Бесчинствует, кружась над нашими садами,
И все ж огонь любви, сейчас зажженный вами,
Смог чудо совершить, что солнце не смогло!

Так розы расцвели наперекор метели,
Воскресшею листвою леса зашелестели,
Воспрянули ручьи, отбросив тяжесть льдов...

О, больше чем хвала счастливым новобрачным!
Цветы для них цветут под зимним небом
мрачным!.
Каких же осенью им сладких ждать плодов?!

К ЕВГЕНИИ

Я в одиночестве. Я страшно одинок.
Порой мне кажется, что бедствую в пустыне,
Которой края нет, как и моей кручине.
И одиночеством меня пытается рок.

**А между тем настал давно желанный срок:
Народы дождались великой благостыни,
Окончилась война, и все ликует ныне.
Но без твоей любви мне даже мир не впрок.**

Потерян, удручен, печален, как могила,
Отторгнут от тебя, той, без которой мне
Все тошно и ничто на всей земле не мило!

**И проклинать судьбу и злобствовать я вправе!
Но одинок ли я? Ты здесь — в мечте, во сне.
И пропадает боль... Так что ж — ты, значит, въяве?!**

НА ЗАВЕРШЕНИЕ ГОДА 1648

Уйди, злосчастный год — исчадь худших лет!
Страдания мои возьми с собой в дорогу!
Возьми болезнь мою, сверхлютую тревогу.
Сгинь наконец! Уйди за мертвыми вослед!

Как быстро тают дни... Ужель спасенья нет?
К неумолимому приблизившись итогу,
В зените дней моих я обращаюсь к богу:
Повремени гасить моей лампы свет!

О, сколь тяжек был избыток
Мук, смертей, терзаний, пыток!
Дай, всевышний, хоть ненадолго дух перевести,

Чтоб в оставшиеся годы
Не пытали нас невзгоды.
Хоть немного радости дай сердцу обрести!

НА ЗАВЕРШЕНИЕ ГОДА 1650

Остались позади пожары, голод, мор.
Вложивши в ножны меч, свой путь закончив ратный,
Вкушает родина мир трижды благодатный.
И вместо хриплых труб мы слышим стройный хор.

Теперь нам щеки жжет любовь, а не позор...
Спадает с сердца гнет беды невероятный...
Все вынесло оно: разгул войны развратный,
И бешенство огня, и смертный приговор.

Боже, все мы испытали, все, что ты послал, снесли!
Кто знал такие муки с сотворения земли,
Как народ наш обнищавший?

Мы мертвы, но мир способен снова к жизни нас вернуть,
Дай нам силу встать из праха, воздух мира дай вдохнуть,
Ты, спасенье обещавший!

ПОСЛЕДНИЙ СОНЕТ

Познал огонь и меч, прошел сквозь страх и муку,
В отчаянье стонал над сотнями могил.
Утратил всех родных. Друзей похоронил.
Мне каждый час сулил с любимыми разлуку.

Я до конца постиг страдания науку:
Оболган, оскорблен и оклеветан был.
Так жгучий гнев мои стихи воспламенил.
Мне режущая боль перо вложила в руку!

«Что ж, лайте! — я кричу обидчикам моим. —
Над пламенем свечей всегда витает дым,
И роза злобными окружена шипами,

И дуб был семенем, придавленным землей...
Однажды умерев, вы станете золой.
Но вас переживет все попанное вами!»

ХРИСТИАН ГОФМАНСВАЛЬДАУ

(1617—1679)

ИСПОВЕДЬ ГУСИНОГО ПЕРА

В сей мир принесено я существом простым,
Но предо мной дрожат державные короны,
Трясутся скипетры и могут рухнуть троны,
Коль я вдруг окажусь неблагоприятным к ним.

Стихом своих певцов возвышен Древний Рим:
Великой доблести начертаны законы,
Увиты лаврами героев легионы,
А власть иных царей развеяна, как дым!

Звучал Вергилия божественного стих,
Священный Август льнул к его бессмертной музе...
Теперь, Германия, ты превосходишь их:
Твой мужественный дух с искусствами в союзе!

Так не затем меня возносят над толпой,
Чтоб шляпу украшать бездарности тупой!

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Поднявшись из-за кручи,
Рассвет раздвинул тучи
Единым взмахом крыл.
Поблекли звезды, вскоре
Луна скатилась в море,
И я глаза открыл,

Восстав от сна ночного,
Я жизнь вкушаю снова,
Вновь бодрствует мой дух.
К рукам вернулась сила,
И утро воскресило
Мне зрение и слух.

О чудо пробужденья!
Господня снисхожденья
Ничем не заслужив,
Я — страшный грешник — все же
Живым проснулся!.. Боже,
О как ты терпелив!

Средь злобы и гордыни
Я чахну, как в пустыне,
Не ведаю пути.
Мне без твоей подмоги
Спасительной дороги
Из скверны не найти.

Ты в доброте безмерной
Пошли мне свет твой верный,
Чтоб мир мне был открыт.
Снабди мой дух крылами —
И наравне с орлами
Он к солнцу воспарит!..

ПОРТРЕТ ВЛЮБЛЕННОГО

Больной, душевною томимый лихорадкой,
Лесных зверей ловец с охотничьей повадкой,
Как флюгер, всем ветрам покорствовать готов,
Морфей, владыка грез, властитель царства снов,
Осмеянный врагом и другом пленник страсти,
Корабль, несущийся вперед, сломавши снасти,
По вздыбленным морям, сквозь буйные валы,
Невольник, что влюблен в свои же кандалы,
А также в палача с намыленной веревкой,
Бедняк, измученный недельной голодовкой,
Вулкан, что лавою клокочет огневой,
Венеры паладин едва-едва живой,
Адама истинный потомок, — он недаром,

Как прародитель наш, подвластен женским чарам.
То с Демокритом схож, то чистый Гераклит.
И если он — металл, тогда любовь — магнит,
Торговец, свой товар задешево продавший,
Все то, чем он владел, продувший, промотавший,
Судьбой обиженный, лишившийся всего...
Глаза возлюбленной — вот небеса его!
А что его земля? Как что?! — Ее объять!
В них он покоится. О, до невероятья
Он счастлив тем, что здесь он бросил якорь свой,
На землю шлепнувшись с дурацкой головой!
Рассудок потеряв, лишившись чувства меры,
Свою простужку он счел женственной Венеры.
Не удивительно, что все ее чернят.
Пушай не гневается: сам же виноват!
Томления его бросают в жар и в холод.
Лобзаньями ее он умиряет голод.
Чтоб жажду утолить — ее он слезы пьет,
Но в этом случае сам горько слезы льет.
Во сне его одно преследует виденье:
Сколь сладок сон его, столь горько пробужденье,
Целуя пустоту, он воздух обнимал,
И ветер-баловник речам его внимал.
Любовью усыплен, любовью он разбужен.
Будильщик никогда влюбленному не нужен.
Любовь свой острый шип ему вонзает в грудь.
Он как ужаленный! Он вскакивает: «В путь!»
Грохочет ураган. Гремят раскаты грома.
Он скачет. Он плывет. И... остается дома,
Не зная, как спастись и чем себе помочь.
И среди бела дня он призывает ночь...
Однако, вот в чем суть: к несчастью, повсеместно
Все, что здесь сказано давно и так известно.
Под занавес хочу лишь приоткрыть секрет:
Художник набросал здесь собственный портрет!

РАДОСТЬ

Мне радость масленицей кажется подчас.
Неделя праздника, а сколько разговору!
Ждешь, ждешь ее, и вот — все раздражает нас:
То приторна еда, то маска нам не впору.

А этот целый год готовил фейерверк —
Каскад огней и звезд, хитросплетенье линий,
Чтоб за какой-то миг с шипением померк
Предмет его трудов, восторгов и уныний.
Все относительно. Нет прочности ни в чем.
Что дорого отцам, над тем глумятся дети.
И с отвращением мы вечером пьем
На то, что нам святым казалось на рассвете.
Великое во сне — ничтожно наяву.
Наш собственный порыв рождает в нас презренье,
Кто знает: может быть, я завтра разорву
Сегодня созданное мной стихотворенье?
О, хрупкость бытия! О, ненадежный свет!
Зачем же нас влечет в людскую эту давку?
Что радость? Что восторг? Все суета сует.
Так вовремя успеи на небо сделать ставку!

СЛАДОСТРАСТЬЕ

Ты, сладострастье,— сахар наших дней.
Чтоб уластить наш век, безрадостный и краткий,
Нам в жилы льется твой напиток сладкий —
И мир сверкает тысячью огней.
Ты лед и камень превращаешь в розу,
Декабрь — в апрель и в песнопенье — прозу.

Мы для природы — дети. И она,
Как мать, свои нам груди открывает,
Наш дух окоченевший согревает
Настоем страсти, пламенем вина.
И мы берем из материнских дланей
Изысканные лакомства желаний.

Унылый деспот, праведник Закон,
За нами следом ходит с гнусной миной,
Ах, отравляет яд его змеиный
Веселье и свободу сыпokon!
Он завязал глаза нам, чтоб мы слепо
Сияньем дня считали сумрак склепа!

Свою живую прелесть напоказ
Не выставляет роза безвозмездно:

Ей наше жизнелюбие любезно!
Она в уплату требует от нас —
Зажечься!.. Кто на это не решился,
Тот враг себе, тот разума лишился.

Но что нам сила, молодость, задор,
Когда мы, утомительно невинны,
Страшимся жизнь прогрызть до сердцевины?
Жизнь есть — алчба. Все остальное — вздор!
Так в плаванье пускайтесь дерзновенней
По радостному морю вождений!

Кто Эпикура не избрал в друзья,
Утратил вкус пленительной свободы,
Тот изверг, мразь, тот пасынок природы,
И человеком звать его нельзя!
Докучливы труды ученого авгура.
Но как щекочет нас ученье Эпикура!

НА КРУШЕНИЕ ХРАМА СВЯТОЙ ЕЛИЗАВЕТЫ

Колонны треснули, господень рухнул дом.
Распались кирпичи, не выдержали балки.
Известка, щебень, прах... И в этот мусор жалкий
Лег ангел каменный с отколотым крылом.

Разбиты витражи. В зияющий пролом
Взлетают стаями с надсадным воплем галки.
Умолк органный гул. Собор подобен свалке.
Остатки гордых стен обречены на слом.

И говорит господь: «Запомни, человек!
Ты бога осквернил и кары не избег.
О, если б знать ты мог, сколь злость твоя мерзка мне!

Терпенью моему ты сам кладешь предел:
Ты изменил добру, душой окаменел.
Так пусть тебя теперь немые учат камни!»

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Зачем вы, злые мысли,
Вдруг нависли?
Слезами не избыть беду!
Печаль помочь не может —
Боль умножит.
Нам с нею горше, чем в аду.
Воспрянь, душа! Учись во мгле кромешной
И безутешной,
Когда шальной ревет норд-ост
И мир накрыт, как покрывалом,
Черным шквалом,
Собою заменять свет звезд!

ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ

Что значит жизнь с ее фальшивым блеском?
Что значит мир и вся его краса?
Коротким представляется отрезком
Мне бытия земного полоса.
Жизнь — это вспышка молнии во мраке,
Жизнь — это дуг, поросший лебедой,
Жизнь — скопище больных в чумном бараке,
Тюрьма, куда мы заперты бедой.
Все это лживой роскошью прикрыто,
Величьем разукрашено пустым.
На скорбных трупах созревает жито—
Вот почва, на которой мы стоим.
Но ты, душа, не уподобься плоти!
На жребий свой напрасно не ропщи.
Не в блестках, не в фальшивой позолоте,
А в истине спасение ищи!
Беги, беги от мишуры обманной,
Расстанься с непотребной суетой,
И ты достигнешь пристани желанной,
Где неразрывны вечность с красотой!

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ДЕНЬ МОЕГО ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ

Сколь потускнел мой взор, светившийся так ясно!
Я сам не тот, кто был. Тоска сжимает грудь.
И что-то шепчет мне чуть ли не ежечасно:
Оставь земную жизнь и собирайся в путь!
Так эти пятьдесят — безрадостная дата —
Куда бессильнее, чем двадцать пять когда-то.

Господь, ты зрел меня и в материнском лоне,
Где в полной темноте я трудно вызревал.
Ты для меня зажег звезду на небосклоне,
Ты сотворил меня и мир мне даровал.
Среди житейских бурь, среди ночи безысходной
Ты кормчим был моим, звездою путеводной.

Встречались тернии — ты превращал их в розы,
А глыбы тяжкие — в сверкающий хрусталь,
Бесплодный шлак — в руду, в покой блаженный —
грозы

И в радость буйную — унылую печаль.
Я — нуль, приписанный тобой к высоким числам,
Питающийся их недостижимым смыслом.

Чем мне тебе воздать? Я чересчур ничтожен.
А чем владею я — не более чем хлам.
И все же выход есть, и он отнюдь не сложен:
Пусть дух мой воспарит к стареющим орлам.
И, ставши стариком серебряноволосым,
Я боле не примкну к юнцам звонкоголосым.

Дай приобщиться мне к божественным усладам,
Бедою не вспугни мой старческий покой,
И не спеши объять меня могильным хладом,
И силы мне прибавь всевластною рукой,
Чтоб над моей душой, где зло с добром смешалось,
Не плакал бы рассвет и ночь не потешалась.

О, дай мне в сладостяхи сдобренной полыни
Узреть врагов моих расчетливую лесь —
Пусть гибнут в ими же сплетенной паутине!
Пусть на обманщиков Обман обрушит месть!

Дай выстоять в борьбе, в благом и правом деле,
Чтоб ненависть и мрак меня не одолели.

Омолоди, взбодри слабеющую душу,
А дух мой преврати лишь в твоего слугу,
И в испытании не сникну я, не струшу,
И себялюбие свое превозмогу.
И, с завистью порвав, сам восприму я вскоре
Несчастье ближнего, как собственное горе.

Сверши, чтобы мой дух к святыням приобщился,
Чтоб сердце чистое светилося изнутри.
Я приукрашивать себя так часто тшился!
Ты пятна подлые скорей с меня сотри!
Как ослеплен наш взор пустым, обманным светом!
И как мы немощны!.. Ты ведаешь об этом.

И, наконец, введи меня в свои владенья!
Ночь жизни коротка, бессмертья вечен свет.
Что громкие слова? Что пышность погребенья?
Тщеславье жалкое средь суеты сует.
Лишь надпись на плите не будет позабыта:
«Ядро исчезло прочь. Здесь скорлупа зарыта».

СТРОКИ ОТЧАЯНИЯ

Бессильный, я закрыл глаза,
Рукой холодной лба коснулся:
В меня ударила гроза,
Мой бедный разум пошатнулся.
И я то бодрствую, то сплю,
То смерть о помощи молю,
То, преисполнившись отваги,
Вновь жажду радости земной...
И вдруг гляжу: передо мной
Лежат перо и лист бумаги.

Проснись, рассудок мой, проснись!
О, все равно не будет чуда!..
Над жалким миром вознесись:
Давно пора нам прочь отсюда!
Плюю на золото, на власть,

Плюю на горечь и па сласть,
На то, что друг мне яму рост,
На то, что враг со мной хорош.
Отныне ни любовь, ни ложь
Дорогу мне не перекроют.

Признаюсь: мне смешна до слез
Та жизнь, что я доселе прожил.
Какой глупейший вздор я нес!
Чем, не стыдясь, людей тревожил!
Не мудрено, что, осознав,
Сколь был я темен, глуп, лукав,
Я цепенею, как от боли.
И мне себя не жаль ничуть...
Но, впрочем, в жалости ли суть?!
Спешим! И ни мгновенья доле!

Я тороплюсь в тот светлый склеп,
Где нет ни для кого различий,
Где человек, от смерти слеп,
Становится ее добычей.
Драконный дым, змеинный яд
Мой труп разложат, разъедят,
Глумясь над телом беззащитным,
А может статься, на беду,
Я вдруг за лакомство сойду
Драконьим детям ненасытным.

Однако мыслимо вполне,
Что ни драконы и ни змеи
И не приблизятся ко мне,
Над слабым тешиться не смея.
Тогда — боязни вопреки —
Уйду в горючие пески,
Где львы голодные блуждают,
Затем, чтоб, пищей став для них,
Я наконец навек затих:
Мученья смертью побеждают!

Но если ни клыки, ни яд,
Ни все, чего не перечесть,
Как прежде, не разъединят
Союз души и брэнной плоти,
Я сам, чтоб выклянчить покой,

Своей слабеющей рукой
Казню себя, проткнув кинжалом
Вот эту грудь, в чьей глубине,
Поддерживая жизнь во мне,
Струилась кровь потоком вялым,

Когда б вы знали, как я жил,
То волоса бы встали дыбом!
Кого лелеял, с кем дружил,
Каким подвергнут был ушибам!
Теперь я сам живой мертвец,
Ходячий призрак, не жилец,
Труп без укрытья гробового.
Я отвратителен во всем.
В существовании моем
Нет больше смысла никакого.

И хоть я вскорости умру,
Меня настолько гложет совесть,
Что даже этому перу
Велю на сем закончить повесть.
Обретши в радостях беду,
Отраду в гибели найду,
Прощаясь с вами, вас прощаю...
Спокойной ночи вам, родным
И милым... А врагам своим
Жизнь, что я прожил, завещаю!

ФИЛИПП ЦЕЗЕН .

(1619—1689)

ОДА

Предрасветная звезда,
Не беда,
Если ты проспидь немного!
Ожидаячи зарю,
Говорю:
«Ну, помедли, ради бога!»

Солнце, задержись в пути,
Не свети.
Дай понежиться влюбленным
Лишний час в ночном лесу
И росу
На ковре оставь зеленом.

Жарче всякого огня
Для меня
Тело дивное, родное.
И без хитрости скажу,
Что схожу —
Ах, с ума схожу от зноя!

Кто ее опишет взгляд,
Как велят
Мне мой дар и долг поэта?
Сердце, ты провозгласи:
«Не гаси
Эти звезды до рассвета!»

Пусть сияют, пусть горят!
Говорят —
(Сам господь тому свидетель):
Радость юности нужна
И дружна
С пылким сердцем добродетель!

Ночь с любовью заодно!
И вино
В нас бурлит, к любви взывая,
Жар любви и огонь вина!
Рождена
Этой ночью жизнь живая.

К БОГОТВОРИМОЙ,
РАВНЫХ СЕБЕ НЕ ИМЕЮЩЕЙ
РОЗЕМУНДЕ

О Роземунда, ангел мой, души моей царица!
Когда б ты знала, что со мной, беспомощным, творится!
Но ты не видишь слез моих, а им потерян счет...
Ты спишь, должно быть... Что я?! Нет! Сон и к тебе нейдет!

Мерцают траурным огнем небесные светила.
Боль сострадания — увы! — все небо охватила.
И среди звезд переполох, и лунный слышен стон:
«Да как же так?! Неужто жив без Роземунды он?!»

В линиях кутается плащ сырая мгла ночная.
Оцепенела ночь, своих коней не погоняя.
Они бредут едва-едва по Млечному Пути.
Они от жалости ко мне не движутся почти.

Чего-то медлит отпирать восток свои ворота.
В траве не блещут ни роса, ни солнца позолота.
Возможно, день целует ночь совсем в иных местах
И нас забыл. И оттого еще сильнее мой страх.

О Роземунда, алый рот, ах, рот, что роза алый!
Из-за тебя, ах, алый рот, мой ум мутится шалый.
Пошел паломничать мой рот, как некий пилигрим,
Чтоб, как к святыне всех святынь, припасть к губам твоим!

**А как горят твои глаза, два дивных изумруда!
Их свет пронзил меня насквозь, свершив подобье чуда:
Я разглядеть тебя могу и в непроглядной тьме
И сотни сотен тысяч раз лобзать тебя в уме!**

**В моей душе твой светит лик, и ты не удалишься.
Ты бесподобно хороша, когда ты веселишься.
Ни у кого я не встречал еще такой красы,
Такой каштановой, такой распушенной косы!**

**А твой зовущий голосок, как звонок он и сладок!
Я слышу зов самой любви! Меня трясет припадок!
Огонь мечу! Мечтой лечу под твой заветный кров.
Ах, будь я болен, у тебя как стал бы я здоров!**

ИОГАНН ГЕОРГ ГРЕФЛИНГЕР

(1620 — ок. 1677)

ПРАЗДНИК

Пойте, шутите!
Сердцем цветите!
Душу заселим
Буйным весельем!
Слышится клич нам
В пенье скрипичном:
Нуте-ка спляшем
Девушкам нашим!..

Пальцы сплетемте.
«Может, пойдемте?..»
«Ну и намеки!»
Вспыхнули щеки.
Полно быть мрачной!
Стань новобрачной!..
Мрачен лишь олух
Среди веселых.

Мудрость природы —
Свадьбы да роды!
К играм весенним
Всех переженим:
Верное средство
Множить наследство!

Дай насладиться!..
Счастье — плодиться!
Благо всем людям!
Мудрыми будем!
Жар не тушите!
Пойте! Пляшите!..

ГАНС ГРИММЕЛЬСГАУЗЕН

(1625—1676)

ГИМН КРЕСТЬЯНСТВУ

На всей земле во все века
Клянут и давят мужика,
Но все, что пьем мы и едим,
Добыто не тобой, а им.

Чтоб род людской не подыхал,
Адам землю распахал.
Считай: от пахаря пошли
Все — в том числе и короли.

Чем жизнь красна и мир велик —
Вскормил и выходил мужик.
Насущный хлеб — земную рожь —
Ты из мужицких рук берешь.

Король — отечества оплот,
Нам богом посланный, и тот
Спешит крестьянство обобрать:
Иначе как прокормишь рать?

Из тех полуголодных сел
Плывет еда на барский стол.
От тех крестьянских рук и спин
Течет нам в глотку сладость вин,

Кто сердцем землю возлюбил,
Во славу ей дома срубил?
Зачах бы мир наверняка,
Не будь на свете мужика!

Лишь одного я не пойму:
С чего б печалиться ему?
Хоть обделен мужик добром,
Зато весьма здоров нутром.

Он ладно скроен, крепко шит.
Его подагра не страшит —
Болезнь, что часто сводит в гроб
Иных сиятельных особ.

При этом всем от чванства он
Господней волей защищен!
Тех, кто влачит свой тяжкий крест,
Вовек гордыня не заест!

Мужик сему душевно рад:
Вломился в дом к нему солдат,
Корову отнял, хлеб забрал,
Чтоб носа он не задира!

АНГЕЛУС СИЛЕЗИУС

(1624—1677)

ИЗРЕЧЕНИЯ

*

Сколь дивен человек! Но кем его назвать?
Он может богом быть и чертом может стать.

*

Как быть мне, если все во мне приют нашло:
Миг, вечность, утро, ночь, жизнь, смерть, добро и зло?!

*

Ты смотришь в небеса? Иль ты забыл о том,
Что бог — не в небесах, а здесь, в тебе самом?

*

Бог жив, пока я жив, в себе его храня,
Я без него ничто, но что он без меня?!

*

Достой! Что значит «бог»? Не дух, не плоть, не свет,
Не вера, не любовь, не призрак, не предмет,
Не зло и не добро, не в малом он, не в многом,
Он даже и не то, что именуют богом,
Не чувство он, не мысль, не звук, а только то,
О чем из всех из нас не ведает никто.

•

Спит праведник, во сне вкушая благодать,
А грешник молится и всем мешает спать.
Неутомимо то, что господом зовут:
Его покой — в труде, в его покое — труд,

•

Ты, грешник, сетуешь на то, что пал Адам?!
Не пал бы первым он, — ты б это сделал сам.

•

Когда богач твердит о бедности своей,
Поверь ему: он прав — он нищего бедней.

•

Стекляшка и алмаз, паук и серафим!
Как совершенно все, что вокруг себя мы зрим!

•

Ты царства божьего все требуешь от неба,
А сам для бедняка жалеешь корку хлеба!

•

Я, как господь, велик. Бог мал, что червь земной,
Итак: я — не под ним. И он — не надо мной.

•

Так кто же я такой, творенье чьих я рук,
Предмет и не предмет, и точка, и круг?

ЗИГМУНД ФОН БИРКЕН

(1626—1681)

МИР ГОВОРИТ

Ну что — дождались? Веселитесь, герои!
Я ваше веселье удвою, утрою:
Конец наступил ненавистой войне!
Живите! Топите раздоры в вине!
Братайтесь! Бросайте мечи и пищади —
От них только беды одни да печали,
Забудьте сварливых соперниц громов,
Которые крыши срывали с домов,
Из жерл извергали ревушее пламя,
Могильные рвы понабили телами,
Корежили стены, посева пожгли,
Изгрызли зеленое лоно земли.
Сегодня велим этим бестиям лютым
В честь мирного праздника жахнуть салютом.
Ракеты затеят такой фейерверк,
Чтоб звезды поблекли, чтоб месяц померк!
Друзья музыканты! На дудке, на флейте
Валяйте играйте, труда не жалейте!
С чего наша радость? С чего этот пир?
Война околела! Рождается мир!
В честь мира на свете, в честь мирного мира
Исходит небесной мелодией лира,
Басят барабаны в драгунском полку,
В харчевне взлетают смычки к потолку.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЬ ФЛОРИДАНА

Загромыхали телеги, подводы.
Ну-ка! Живей! Начинаются роды!
Всё на сносях!.. И поля и сады
Ждут не дождутся мгновенья рожденья:
Сам Флоридан собирает плоды!

Лает, стреляет, гуляет охота.
Ну-ка, в леса, кому дичи охота!
Будет обед восхитительный дан!
И в упоенье мясо оленьё
Жадно подносит к губам Флоридан.

Ну-ка, красотки — крестьянки, селянки,
Живо несите шесты да стремянки!
Яблоки, груши сшибайте с ветвей!
Ждет Флоридан их — спелых, румяных,
Но и орешки он любит, ей-ей!

Ну-ка, за дело, друзья рыболовы!
Сети да удочки ваши готовы?
Хоть не поспите вы целую ночь,
Стоит помаяться: рыбка поймается!
А Флоридан и до раков охоч!

Можно немало в течение суток
Понастрелять перепелок и уток.
Ну-ка! Живей! Не пропал бы запал!
Гляньте, ребятки да там — куропатки!
А Флоридан в лебедицу попал!

Гнутся к земле виноградные лозы.
Будет вино, когда грянут морозы!
Будет веселье и будет гульба!
Давит давило. Чтоб грудь не давило,
Все обойдет Флоридан погреба.

Ну-ка! Живее! В поля! В огороды!
Пусть громыхают телеги, подводы!
Ну-ка, живее! В леса и сады!
В чаше целуйтесь, чем чаще, тем слаще,
Будьте здоровы! Не знайте беды!

Жарко пусть любитесь, сладко пусть спится,
Сладко пусть пьется (но так, чтоб не спиться!),
Пусть умножается ваше добро!
Вольно пусть дышится, складно пусть пишется!
Славьте мотыгу, клинок и перо!

Выпейте вдоволь и вдоволь поешьте!
Душу разгульную песней потешьте!
Дружно на праздник скликайте друзей!
Пляшет средь ора пьяного хора
Сам Флоридан с королевой своей!

КАТАРИНА РЕГИНА ФОН ГРЕЙФЕНБЕРГ

(1633—1694)

О ПРЕСЛЕДУЕМОЙ И ВСЕ ЖЕ НЕОДОЛИМОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ

Нет большей радости, чем непреклонной быть
И, словно Геркулес, беде сопротивляться,
Перед могуществом во прахе не валяться,
Мужать в несчастьи и тем его избыть,

В борении с огнем и громом лавр добыть!..
В страданиях — сердцам и душам закаляться!..
Тому, что говорю, не нужно удивляться:
Лишь тот, кто смерть познал, способен жизнь **любить!**

Сломив напор врагов, достиг победы Кир,
И Цезарь скипетр свой добыл в суровом споре,
Филиппа гордый сын завоевал весь мир
Ценой тяжелых войн на суше и на море.

Так что они для нас, опасности и беды,
Как не зорек небес, как не залог победы?

К НОЧИ

Звезды, свет моих очей,
И луна, венец ночей,
Осветите шар земной
Светом ярким, как дневной.

Тишина — гробница дум,
Поглоти мой алчный ум,

В буйном сердце жар утишь,
Избавительная тишь!..

В неподвижной тишине
Спят в надзвездной вышине
Песни те, что возношу
Все тому, кем я дышу!

Как бы ни был сон глубок,
Пусть в меня вольется сок
Благодати и любви,—
Зло во мне останови!

Снов ночных подруга — тень,
Ночь, сменяющая день,
Пусть вконец не скроет мгла
Свет, что совесть в нас зажгла!

Ты, кто ночью или днем
В сердце царствуешь моем,
Дай мне, милостью велик,
И во сне узреть твой лик.

Пусть натруженным глазам
Отдых будет, что бальзам,
Но пускай, повитый тьмой,
Только дух не дремлет мой!

ДАНИЭЛЬ КАСПЕР ЛОЭНШТЕЙН

(1635—1683)

ЛАБИРИНТ

Что кажется глупцу запутанным, обманным,
То в полной ясности доступно мудрецу.
Для зрячего простор отнюдь не скрыт туманом,
Затмившим солнца свет несчастному слепцу.
Кто праведен и мудр, вовек не ошибется,
Тропинку верную ища в кромешной мгле,
А дерзкий сумасброд и днем с пути собьется,
Найти небесный рай надеясь на земле.

По существу, мы все блуждаем в лабиринте,
Как в ранней юности, так и на склоне лет.
Куда же вы?.. Куда?! Мозгами пораскиньте!
Все ищут выхода. А выхода-то нет!
Влекут вас глупость, спесь, упрямство, похоть, злоба,
Своекорыстие, тщеславье, жадность, страх...
Каким вы способом дотащитесь до гроба?
Никто не ведает... А смерть-то — в двух шагах,

Вконец запутавшись, вы наконец умрете,
Едва успев шепнуть последнее прости.
Лишь пыль, труха и тлен останутся от плоти.
Ну, а душе куда прикажете брести?!

Блуждать ли в темноте по закоулкам смрадным
Иль, вознесясь, узреть в обители творца
Мир, оказавшийся воистину громадным,
Бездонный кладезь благ, жизнь, коей нет конца?..

ВЕЛИЧИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА

На смерть господина Андреаса Грифиуса

Дух человеческий могуч и безграничен,
Охватывает он пространства и миры.
Им слабый ободрен, им смертный возвеличен,
И сам он дивный плод божественной игры.
В наш разум вложена таинственная сила.
Основу создал бог, все прочее — светила.

Да, тысячи чудес наш дух свершить способен
В единстве с мудростью, в согласии с умом.
Не он ли знанием земли богоподобен,
Природу ощутив, как свой отцовский дом?
Да, знание найдет невидимые входы
В глубины бытия, в ядро самой природы!

Дух человеческий! Святой источник света!
Единственный творец истории земли!
Смолкает ураган пред лирою поэта,
Внимают струнам арф и чернь и короли!
Смягчи ж наш волчий нрав, открой дорогу праву,
Раздробленный наш мир сплоти в одну державу!

Порой томится дух в земном пространстве тесном,
Он, богом созданный, стремится к божеству,
Одушевляя связь житейского с небесным,
Давая высший смысл земному естеству.
Так в письменах святых он указывает строки:
Бог — в вере и в любви, безбожие — в пороке.

Да, мастер Грифиус был воплощением духа,
Примером истины, прообразом добра.
Его могучий глас достиг господня слуха,
Мир заново восстал из-под его пера.
Он сам, исполненный великого дерзанья,
Был враг всезнайства, односторонности, незнания.

Так неужели смерть подобный дух сломила?
Ужель бессмертнейший обязан умереть?
Иль у всемогущей вдруг иссякла сила,
Чтоб собственную смерть с лица земли стереть?
Ужели череп сей —местилище вселенной —
Наполнится трухой, червями, гнилью тленной?

К несчастью, это — так. Он мертв, а смерть глуха.
Кто выбран в жертву ей, тот будет уничтожен.
Что ей могучий ум? Что дивный звук стиха?
Не все ли ей равно, велик ты иль ничтожен?
По звездам наши дни считает предсказатель,
Меж тем за ним самим спешит гробокопатель.

Треть Грифиуса — плоть — исчезнет без следа.
Но будут жить в веках две остальные трети.
Огонь его души, плоды его труда
Сквозь время пронесут земли немецкой дети!
И славе его жить! И имя его свято,
Пока отечество поэтами богато!

Он, редкой памятью когда-то обладавший,
Из памяти своих потомков не уйдет!
О, как же он богат, все людям раздававший!
Над ним не властны жар, гром, ужас, пламя, гнет,
Пусть триумфальные повалятся колонны!
Мы в душах строим храм, А души — непреклонны!

ДАНИЭЛЬ ГЕОРГ МОРХОФ

(1639—1691)

ЭПИГРАММЫ

ДОКТОРУ МАТИНУ ЛЮТЕРУ

Рим покорил весь мир, а папство Рим сгубило.
Он силой действовал, оно коварством било.
Но Лютер папство смял и пересилил Рим,
Как лезвием меча, разя пером своим.
Что боги Греции, что чудо-исполины,
Когда перо сильней Геракловой дубины?

ВИНОТОРГОВЦУ, УТОНУВШЕМУ В РЕКЕ

Он перепил вина и поглощен водою:
Такое плаванье кончается бедою.
Но он и трезвым бы отправился на дно:
О плут, с водой привык он смешивать вино!

СКРЯГА

Он ходит по земле, клад скрыт на дне оврага.
Клад вынут из земли, а с землю ляжет скряга.

ХРИСТИАН ВЕЙЗЕ

(1642—1708)

БЛАГИЕ МЫСЛИ ПРИ ВОСХОЖДЕНИИ ПО ЛЕСТНИЦЕ

Неблагодарный мир!.. По лестнице тащусь
И вправду всякий раз ее постигнуть тшусь,
Поскольку поражен ее долготерпеньем.
Все вверх и вверх иду я по ее ступеням,
А благодарность где? Ну, чем я ей плачу?
Не тем ли попросту, что я ее топчу
И причиняю ей одни лишь беспокойства?!
Так вот он — мерзостный закон мироустройства
Чем мы услужливей, чем мы верней другим,
Чем безответнее, тем хуже нам самим.
Простите же меня, высокие ступени!
От вас не слышал я ни жалобы, ни пени,
Ведь я подобен вам: на службе у других
Я унижаюсь сам и возвышаю их.
Они по мне, спеша, на самый верх шагают,
Не то что жалуют, не то что помогают,
А топчут! Верите ли, втоптывают в грязь,
Не зная совести, расплаты не боясь!
Как быть, коль на земле попрали добродетель,
(Вы это знаете, и я тому свидетель.)
Я утешение иное нахожу:
Кому могу служить, тому я и служу,
Стараюсь не роптать на горестную долю
И в этом высшую усматриваю волю,

НЕОЖИДАННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАСТУПАЮЩЕЙ СТАРОСТИ

Намедни заглянул в свой загородный дом.
Ах, что я там застал! Воистину — разгром!
Дверь с петель сорвана, пол всюду провалился.
Дождь-злоумышленник сквозь крышу просочился,
Я прибегаю к старосте.
А он: «Дом сгнил от старости!..»
Так, сразу истинной причины не найдя,
Беду я осознал немного погодя:
Мой дом состарился... Так что же?
Я сам намного ли моложе?

Здесь чудо-яблонька мой радовала взор.
И что б вы думали? Ее срубил топор!
Аллеи поросли травой. И зачали
Чудесные цветы, что так волшебнo пахли.
Я вновь певаю старосте.
А он: «Все дело в старости!..»
Так, стоя над давно увядшими цветами,
Подумал я о том, что вскоре будет с нами,
Мой сад состарился... Ну, что же?
Я сам намного ли моложе?..

Старушку я узрел, немало удивлен:
Чтоб время скоротать, она трепала лен.
Она была глуха, была подслеповата.
Невестой старосты я знал ее когда-то.
И я, подобно старосте,
Вздыхнул: «Проклятье старости!..»
За свадебным столом сидел я рядом с ними,
Кого с почтеньем величали «молодыми».
И вот они состарились... Ну, что же?
Я сам намного ли моложе?

Итак, прощай, мой сад, прощай, мой старый дом,
Прощай, моя земля!.. Я думаю о том,
Что долгих лет — увь! — нам время не дарует,
А все наоборот: остаток сил ворует,
Но надобно без ярости
Идти навстречу старости.

Чему бывать, того никак не миновать,
И посему, друзья, не надо унывать.
Состарившись, перед концом
Не будь хотя б бессмысленным юнцом!..

ПОЭТАМ НАДОБНО ВЛЮБЛЯТЬСЯ

1

Не надо от меня
Любвных песен ждать.
Я с нынешнего дня
Их не могу создать.
В саду желта трава,
Мой тополь облетает,
Зима в свои права
Безжалостно вступает.

2

Охоты никакой
Писать о чем-нибудь.
Остужена тоской,
Заиндевела грудь.
Кто может серебро
Без пламени расплавить?
Как хладное перо
Пылать огнем заставить?

3

Я мрачен, хмур и стар.
Где вновь веселье взять?
Утратившему жар
Любовь не навязать.
Печаль — как яд в крови.
Жизнь тусклым светит светом,
Зачахнет без любви
Тот, кто рожден поэтом,

Утратив жизни сласть,
 Утратив жизни соль,
 Что воспевать? Что клясть?
 Отраду или боль?
 Наверно, все равно!
 Я знаю все уловки:
 Любовь ли, кровь ли... Но
 Мне тошно от рифмовки!

Смешон и жалок мне,
 Кто, молодость сгубя,
 Танцует в тишине,
 Мурлыча про себя.
 Смешон и жалок стих,
 Возникший без команды
 Восторгов, чувств моих,—
 Танцор без сарабанды!

Так навсегда прощай,
 Любовной лиры глас!
 Ах, не отягощай
 Разлуки скорой час!
 К стихам вернусь я вновь,
 Связав иные нити...
 Но песен про любовь
 Вы от меня не ждите!..

АБРАГАМ А САНТА-КЛАРА

(1644—1709)

ЭПИТАФИЯ СТАРУХИ

Костылик, палочка, клюка
Лежат со мною рядом.
Моя могила глубока,
Темна и пахнет срадом.
Дожив до старости, увы,
Я все познала сроки:
Парик свалился с головы
И провалились щеки.
То жгло кишки, то ныла грудь,
То мучила простуда:
И головы не повернуть,
И горб, как у верблюда.
Тьфу! Право, оторопь берет,
Как вспомню гнусный кашель.
Пуст, что кошель, беззубый рот,
Чего он просит? Каши ль?
Горбушку три часа жуешь,
И то, когда намочить...
Вот так-то в старости живешь,
А умирать не хочешь!..
Судьбе покорные во всем
(«Си» жизнь сыграла в гамме),
Мы в такт мелодии трясем
Седыми головами.
Но, ощутивши ледяной,
Смертельный холод в теле,
Мы, старики, любой ценой
Отсрочить смерть хотели,

Я стала господа молить,
К нему вздымая руки:
Не для того, чтоб жизнь продлить,—
Из страха вечной муки!

ВОЙНА

Литавры бухают, и барабан рокочет,
Труба не устает надсадно завывать.
Кто дюжий меч вострит, кто с жаром саблю точит..
Вот если бы князьям самим повоевать!
Всех ненависть грызет и гложет, как вампир.
Народ — убойный скот, а бойня — целый мир.

Под шлемом — голова. Грудь давит сталь кирасы.
Железным пугалом стал ныне человек.
Железом чванятся мальчишки-лоботрясы.
В железе — старики... О, наш железный век!
Не оттого ль нас бьет господь кнутом железным,
Что нас увещевать почел он бесполезным?!

НОЧНЫЕ МУЗЫКАНТЫ

По улицам ночным,
По переулкам спящим,
Четыре дурака,
Мы инструменты тащим.

Почувствовав в груди
Любовную истому,
Мы с музыкой своей
Бредем от дома к дому.

Едва взойдет луна,
Мы серенаду грянем:
Пиликаем, бренчим,
Басим и барабаним.

«Прелестница, очнись
Скорее от дремоты!

Здесь, под твоим окном,
Мы разложили ноты.

Ах, осчастливит нас
Одна твоя улыбка!»
Вздыхает барабан,
Тихонько просит скрипка.

«Твой взгляд дороже всей
Небесной благодати!» —
Поет гобой д'амур,
У лютни на подхвате.

«Мы будем здесь стоять
Хоть до восхода солнца,
Пока ты наконец
Не выглянешь в оконце!

Все арии тогда
Тебе споем мы хором,
С закатываньем глаз,
Со струнным перебором.

А коль ночной дозор
Пройдется по кварталу,
Мы ноги пустим в ход,
Чтоб шее не попало!

Вот так мы и живем,
Шатаясь где придется,
И пусть честной народ
Над дурнями смеется,

По улицам ночным
Мы с музыкой кочуем,
В надежде, что хоть раз
С тобой переночуем!»

ГАНС АСМАН АБШАТЦ

(1646—1699)

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ К ГЕРМАНИИ

Немецкий дух подпал под гнет нововведений.
Мы наряжаемся, мы ходим, пьем, едим,
Фехтуем, странствуем, поем и говорим
На чужеземный лад... Взыскуешь восхвалений?
Так подчинись во всем дурацкой новой моде
Иль будешь высмеян при всем честном народе.

Что стало с правами, которые исконны?
Усердье, преданность, честь немца — где они?
Все это, говорят, не модно в наши дни.
Все нынче новое: фасоны и законы.
Устои рухнули. Забыто постоянство.
И выскочки теснят старинное дворянство.

Презренье к старости... Зазнайство молодежи...
Но голове моей любезна седина.
Ведь чем древней вино, тем слаще вкус вина.
Монета чем древней, тем ей цена дороже.
О нет, не торопись зачеркивать былое.
Миг — и отцвел тюльпан. Сто лет цветет алоэ.

ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ

В полночный час, повитый тьмой,
Тревога жжет рассудок мой.
Что значит время краткий век,
В который втиснут человек?

Под гнетом дел, трудов, невзгод
Бывает день длинней, чем год.
Недели страха!.. Скорби дни!..
И все ж проходят и они.

Страшись! Коварен каждый час!
Как скоро смерть настигнет нас
И мы, покинув хрупкий дом,
Навечно в вечность перейдем?

С восходом солнца — день встает,
С заходом — вечер настает.
Но как измерить долготу
Дня, что не канет в темноту?

Луной, чей путь определен,
Год на недели разделен.
Но сколько лет в себя вберет
Бессчетных лун круговорот?

Друг друга месяцы сменить
Спешат — и жизни тянут нить.
Но вот один, подавшись вспять,
Истек и начался опять.

Двенадцать месяцев пройдет,
В году последний час пробьет.
Но где, когда раздастся звон,
Чтоб возвестить конец времен?

Всесильной мысли власть дана
Измерить глубь морского дна.
Но как безмерное обнять,
Непостижимое понять?

Труд проникает в недр нутро,
Кристаллы взяв и серебро.
В гор сердцевины путь прорыт,
И только в вечность вход закрыт.

Что — время, жизнь? Лишь краткий час,
Нешадно вечность гонит нас
И заставляет перейти
Туда, где нет конца пути.

КВИРИНУС КУЛЬМАН

(1651—1689)

ИЗМЕНЧИВАЯ СУЩНОСТЬ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Вот оно: мрак, чад, бой, хлад, юг, восток, запад, север,
Солнце, море, ветер, огонь и

Ужас: «Вдруг не помогут?!»

На это: свет, синь, кровь, снег, зной, жар, прохлада, мороз,

Сиянье, берег, затишье, пожар и

Гнусных издевок гогот,

Гнет, страх, крик «ах!», боль, вопль, яд, лезть, чернота
коварства,

Но будет: гнет свобода согнет, страх — в прах! Боль
обезболь!

Вот оно — от всех болезней лекарство!

Луна, огонь, алмаз, дым, овца, дерево, аист, рыба.

Кому ночь нужна, кому печь нужна, кому оправа, кому
труба,

Кому луг, кому сад, кому гнездо. Кто за озеро скажет
спасибо!

Хлебу нужен желудок,

Мысли — рассудок.

Стрелок, человек, прилежанье, искусство, игра,

Рот, корабль, принц, горе, месть, верность, стяжанье,

Бог...

Каждому нужно свое:

Цель, место для сна, поощрение, награда, добрая ссора,

Поделуй, возвращение в порт, трон, могила, убийство,
любовь,

Святая молитва...

Что считается сильным, добрым, весомым, прямым, длинным,
Белым, большим, одиноким,
Что, как воздух, всеуще и высоко, как огонь,
Не сойдется со слабым, злым, легким,
Кривым и широким,
Черным, маленьким, с цифрами «девять» и «три».
И ни землю, ни воду они не приемлют!

Так, отвага, любовь, острословие, ум, слава, радость,
Красота и веселье покинут тотчас же края,
Где царят лицемерье, трусость, вражда,
Тугодумье, глупость, бесславье и скука,
Где уродство соседствует с тошнотворной тоской.

Все меняется в мире, все любит и все ненавидит,
Тот, кто это поймет, кто воочию это увидит,
Тот узнает,
Как род наш устроен людской.

ОЧЕРТАНЬЕ ПРИМЕТ ПЛОТЬ

И очертанье да воспримет плоть!
В один народ сольются все народы.
В своем единстве триедин господь.
В зерне сокрыты триединства всходы.
Во мне самом воссоздан сын господень,
Пусть и у вас, в сердечной глубине,
Он вызреет, прекрасен и свободен.
Вы господа обрящете во мне.
Не тысячу дробить на единицы,
А в тысяче им воссоединиться!

Единой силой четырех ветров
Единозвучье держится земное.
В неисчислимом множестве миров —
Чертеж еще не созданного мною.
Мой разум размышленьем поглощен.
Смысл величайших истин мне открылся,
В дыханье сына дух мой воплощен,

Мной выплеснут, в любви он растворился,
И означало это вознесенье
Людского рода вечное спасенье.

Обожествленный, днесь являюсь к вам,
Я — господа вернейшее зеркало.
Я — как перед падением Адам:
В нем первое прозрение мерцало!
Что света свет, светильник светел мой.

И, высшему добру во угожденье,
Мой сын, вступив в единоборство с тьмой,
Рождает свет, сам света порожденье.
И, световосным наделенный даром,
Он огненным, отцовым пышет жаром.

Как знать, когда утратили меня
Народы, распыленные Адамом?
Но вас, от распыления храня,
К себе зову — и к общности тем самым.
О вас печаясь, мы явились с сыном
Проклятье, что на вас, перебороть.
Да станет человечество единым!
И очертанье да воспримет плоть!
И в этом мы дотоле не смиримся,
Пока во всех сердцах не воцаримся!

ГОТФРИД АРНОЛЬД

(1666—1714)

МИР НА ЗЕМЛЕ

Как прохладный ветерок
Средь полуденного зноя,
Мир приходит в должный срок
К нам, измученным войною.
Мудрено ль меня понять?
Знают все, как сладко снова
Друга давнего обнять
После спора затяжного!
Ах, расти, расти во мне,
Дивный мир новорожденный,
Зрей в сердечной глубине,
Пой в душе освобожденной,
Вышим счастьем окрыленной!..
Возликуй, моя душа,
Королевою влюбленной!..

ИОГАНН ХРИСТИАН ГЮНТЕР

(1695—1723)

СТУДЕНЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Братья, братья, прочь тоску!
Вешний день ловите!
Солнце ластится к листку!
Радуйтесь! Любите!
Темен, слеп, бездушен рок.
Смерть близка... Так в должный срок
Розу жизни рвите!

Жизнь уносится стремглав,
Словно в небо птица.
Эту истину познав,
Нужно торопиться.
Ждет гробов разверстых пасть.
Поспешите ж, братья, всласть
Радостью упиться!

Ах, куда ушли от нас,
Кто совсем недавно
Молод был, как мы сейчас,
Веселился славно?
Их засыпали пески,
Их могилы глубоки.
Время так злонаивно!

На погосте мертведы
Под плитой глухою —
Наши деды и отцы,
Ставшие трухою.

Колокольный слышен звон,
Кто созрел для похорон?
Может, мы с тобою?..

Но в гаданьях проку нет.
Небо справедливо.
Мы же предков чтим завет:
Пьем вино и пиво!
Эй! От жажды сохнет рот!
Братья! Жизнь полна щедрот!
Наливайте, живо!

Поднимаю сей стакан
За свою отраду,
Ту, в чьем брюхе мальчуган
Зреет мне в награду.
Ну, так выпьем! А засим
Хором вновь провозгласим:
Слава винограду!

ПРОСНУВШАЯСЯ ПЕЧАЛЬ

Любовь сегодня пробудила
Печаль, что сердце бредила
И растревляла душу мне.
В груди проснулся стон протяжный,
Слеза дрожит росинкой влажной,
В сердечной вызрев глубине.

Тревога, спавшая доселе,
Вспугнула лень в моей постели
И не дала забыться сном,
Туда зовя меня всецело,
Где Одиночество вссело
На камень, на сердце моем.

Ах, чуя близкую разлуку,
Душа испытывает муку...
Ты рядом, за стеной, жила,
И то, бывало, как страдаю!
Теперь же Швейдниц покидаю,
Лишившись хлеба и угла,

Мольбы мои, упреки, грезы
Безмолвно б высказали слезы,
Но сушит их нещадный страх.
Кому печаль свою поверю?
Глухой стене? Лесному зверю?
Иль буре, воющей в горах?

Чем ты, дитя, добросердечней,
Тем злей, жесточе, бесконечней
Боль, что в груди своей таю.
О, неужель с себя не сброшу
Молчанья горестную ношу,
Поведав исповедь мою?

Но я страшусь!.. О, мир проклятый,
Где каждый встречный — соглядатай,
Где осторожность не спасет:
Дверь затворишь — подсмотрят в щелку,
А то, что скажешь втихомолку,
По свету эхо разнесет.

Одна лишь ты на целом свете
Надежно сохранишь в секрете
То, что тебе доверил друг:
Его понявши с полуслова,
Ты разделить уже готова
Его мучительный недуг.

Он обречен, он пропадает,
К твоей груди он припадает,
Изранен смертною тоской.
Так голубь, бурю гонимый,
Прильнувши к горлице родимой,
Найдет спасенье и покой.

УЖЕЛЬ, ПРЕЛЕСТНИЦА МЛАДАЯ...

Ужель, прелестница младая,
Твоей груди остынет зной,
Когда, как роза, увядая
За монастырскою стеной,

Недобрым людям на потребу,
Ты плоть свою подаришь небу?!

Ах, в тесной келье, в смертной скуке
Надежд на будущее нет.
Здесь дьявольские зреют муки,
Здесь жизни угасает свет.
И вина сладостные киснут,
Когда тебя в застенки втиснут,

От воздержанья печень пухнет,
Смерть наступает от тоски.
Покуда девственность не рухнет,
Мученья девы велики.
Так не лишай себя свободы,
Укрывшись под глухие своды!

Спеши! Найдем другую келью!
Амуром дверь отворена.
И пусть над нашею постелью
Он начертает письма:
«Приют мой да послужит храмом
Прекраснейшим на свете дамам!»

Ведь грудь твоя — алтарь священный,
Ведь благовонье — запах твой.
В слиянье плоти сокровенной
Свершим молебен огневой,
Чтоб под «аминь!» прильнул к тебе я,
Блаженной слабостью слабея.

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

Уже умолк вечерний звон.
Работа спит. Проснулся сон.
Ведомый солнцем заходящим,
Табун бредет на водопой.
День завершил свой круг земной,
И ночь глаза смежает спящим.

Твоя ничтожнейшая тварь,
Я сознаю, небесный царь,

Сколь нынче был мой путь греховен,
Сколь был я нагл, себялюбив,
Сколь мерзок, богу изменив,
И как я пред тобой виновен!

Но крохи милости твоей
Неизмеримо тяжелей
Грехов, что центнерами мерить!
И, как бы ни был дух мой слаб,
Молю тебя, твой жалкий раб,
В мое раскаянье поверить.

О, молви: «Сын мой, ты прощен!
Змей-искуситель укрощен.
Лишь бог живет в тебе отныне!»
И выйду я на верный путь,
Существованья смысл и суть
Познав в господней благостыне.

Я песнь вечернюю свою
Смиренно в жертву отдаю
Тебе, всех сущих повелитель.
В груди моей, небесный царь,
Сияет жертвенный алтарь:
Ты — душ истерзанных целитель!

О Иисусе, царь царей,
Всесильный в кротости своей,
Заступник мой, моя опора,
Явись ко мне и докажи,
Что я, отрекшийся от лжи,
Спасен от вечного позора.

Дух высшей истины! Гряди!
Затеpli огонь в моей груди,
Чтоб средь кромешного тумана
И непроглядной темноты
Дорогу освещал мне ты —
Не жалкий луч самообмана.

Ты руку надо мной простиер.
Но, глядячи в ночной простор,
Ищу твой лик тревожным взглядом.
И в одиночестве зову
Тебя во сне, как наяву:
«Отец мой! Будь со мною рядом!

Не покидай, великий бог,
Меня среди ночных тревог.
И пусть, едва сомкну я очи,
Твой ангел явится ко мне
И оградит меня во сне
От ненавистных чудищ ночи,

Тебе подвластный одному,
Я все бестрепетно приму
И все сочту веленьем божьим,
Пусть станет в бытии земном
Мне этот сон последним сном,
А ложе это — смертным ложем.

Но если пощадишь меня
И солнце завтрашнего дня
Я восприму, как дар волшебный,
То, отогнав недобрый рок,
Мне повели проснуться в срок
И дай пропеть свой гимн хвалебный!»

ТЕРПИМОСТЬ, СОВЕСТЛИВОСТЬ...

Терпимость, совесть, миролюбие, честь,
Прилежность, набожность, усердие в работе...
Ну! Как вас там еще?.. Всех вас не перечесть,
Что добродетелями вечными сльвете!
Клянусь вам, что не я — беда моя виной
Тому, что некогда вы овладели мной!
Но я служил вам и не требую прощенья!
Однако я постиг и понял вашу суть.
Спешите же других завлечь и обмануть:
Я вновь не попадусь на ваши ухищренья!

О, скопище лжецов, о, подлые скоты,
Что сладко о добре и кротости вещают!
Спасение сулят погибшим ваши рты,
А нищим вечное блаженство обещают.
Так где ж он, ваш господь? Где он, спаситель ваш,
Который все простит, коль все ему отдашь,
Как вы внушаете?.. Где сын его чудесный?
А где же дух святой — целитель душ больных?

Пусть явится! Ведь я больней всех остальных!
Иль маловато сил у троицы небесной?!

Дичина сорвана, нелепых басен плод!
И все ж я сознаю: есть существо над нами,
Которое казнит, беду и гибель шлет,
И я... я избран им лежать в зловонной яме.
Порой оно спешит, чтобы меня поднять,
Но вовсе не затем, чтоб боль мою унять,
А смертных поразить прощением притворным,
То, указав мне цель, влечет к делам благим
И тут же мне велит сопротивляться им,
Чтоб счел меня весь мир преступником позорным.

Так вот он где, исток несчастья моего!
Награда мне за труд — нужда, обиды, хвори.
Ни теплого угла, ни денег — ничего.
Гогочут остряки, меня узревши в горе.
В бездушье схожие — заметь! — с тобой, творец,
Друг оттолкнул меня, отвергли мать, отец,
Я ненавистен всем и ничего не стою.
Что породил мой ум, то вызывает смех.
Малейший промах мой возводят в смертный грех.
Душа очернена усердной клеветой.
Когда бы я и впрямь хотя б кого-нибудь
Презреньем оскорбил, обидел нелюбовью,
Насмешкой дерзкою невольно ранил в грудь
Иль отдал бы во власть жестокому злословью, —
То, веришь ли, господь, я даже был бы рад,
Расплату понеся, навечно кануть в ад
Иль стать добычею тех самых темных духов,
О коих у твоих прилежных христиан
За десять сотен лет в пределах разных стран
Скопилось множество пустых и вздорных слухов.

О ты, который есть начало всех начал!
Что значит поворот вселенского кормила?
Скажи, зачем в ту ночь отец меня зачал?
Зачем ты сделал так, что мать меня вскормила?
Когда б тобой на жизнь я не был осужден,
Я был бы среди тех, кто вовсе не рожден,
В небытии покой вкушая беспредельный.
Но, созданный твоей всевластной рукой,
Вериги нищеты влачу я день-деньской,

И каждый миг меня колотит страх смертельный.
Будь проклят этот мир! Будь проклят свет дневной!
Будь трижды проклято мое долготерпенье!
Оставь меня, но вновь не тешься надо мной,
Не умножай мой страх! Даруй мне утешенье!
Христос, спаситель мой! Я вновь тебе молюсь,
В бессилии в твои объятия валюсь:
Моя земная жизнь страшней любого ада.
Я чую ад внутри, я чую ад вовне.
Так что ж способно дать успокоенье мне?
Лишь только смерть моя или твоя пощада!

К ОТЕЧЕСТВУ

Прощай, бесценная когда-то,
Меня родившая страна!
Ты смертным ужасом объята.
Будь в близкой буре спасена!
Тебя покинув, я оставляю
Позор, обиды, зависть, травлю,
Друзей предательскую спесь.
Страна разбойничьих законов!
Клянусь, что в обществе драконов
Я был бы счастливей, чем здесь.

Ты вся пропитана обманом.
Честь, совесть, вера — все труха.
К моим стенаньям непрерывным
Ты равнодушна и глуха.
Жестокосердная Леена!
Как из родительского плена
Твоим сынам свершить побег?
На что тебе их ум? Их знания?
Чтоб скрыть иные злодеянья?!

О, лживый мир! О, подлый век!

Мать сына в горе не оставит,
А коли сбился он с пути,
На верный путь его наставит,
Поможет истину найти.
Но ты иначе поступала:
Мне яд в лекарства подсыпала,

И не из праха подняла,
А, чтоб свои покрыть убытки,
Меня ограбила до нитки,
Убийц презренных наняла.

Ну, что ж! Неправда правит миром,
Вот пастыри твои стоят:
В пустых сердцах, обросших жиром,
Лишь похоть гнусную таят.
Тартюфы, трутни и мерзавцы,
Мздоимцы и христопродавцы,
Они не выпустят из лап
Страну, захваченную ими,
Задохшуюся в смрадном дыме,—
Кумиры толп, любимцы баб!

Здесь предрассудок мысль хоронит,
Богач пинает бедняка,
Ликует гнет, свобода стонет,
Терзает ворон голубка.
Ростовщики — враги Христовы —
Скупить отечество готовы
И в роскоши проводят дни.
Своекорыстные злодеи —
По сути те же иудеи,
Хоть не обрезаны они!

А на таможне, где граница,
Я только слышу что ни день:
Что стоит шерсть? Почем пшеница?
Какие цены на ячмень?
Мужи германские устали.
А чем же наши дамы стали?
Достаточно взглянуть на них:
Одни румяна да белила!
Давно их Женственность забыла,
И только Глупость любит их.

В таком безмерном запустенье
Я вижу родину свою.
Она — зачахшее растение.
Ее с трудом я узнаю.
Ни вдохновения, ни мысли —
Они давным-давно прокисли

В удушье мерзостной тюрьмы,
Плоды искусства затерялись.
И тщетно мир спасти старались
Святые, светлые умы!

Страшусь! Гремят раскаты грома,
Холодный ветер тучи мчит.
Враги теснятся возле дома.
Рука расплаты в дверь стучит.
Что мне презренье? Что мне кара?
Стою, как Биант средь пожара,
Покорен року своему.
С тобой не свидимся мы снова,
Но даже воздуха родного
Глотка с собой я не возьму,

ПРИ ВРУЧЕНИИ ЕЙ ПЕРСТНЯ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЧЕРЕПА

Сей дар любви, сей дар сердечный —
Грядущий образ мой и твой.
Да не страшится разум вечный
Бесплотной тени гробовой!
Но как сроднить вас, лед и пламень,
Любовь и надмогильный камень,
Вас, буйный цвет и бранный прах?
Любовь и смерть — равна их сила,
Что все в себе соединила.
И мы — ничто в ее руках.
Кольцо исполнено значенья.
В червонном золоте кольца —
Нетленность чувства, жар влеченья,
Друг другу верность до конца.
А бедный череп к нам зовет:
В гробу желаний не бывает,
Ни жизни нет там, ни любви.
Мы строим на песке зыбучем!
Так торопись! В лобзание жгучем
Миг ускользящий лови!

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ВРЕМЕН ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

(1618—1648)

* * *

Нависла туча надо мной —
Знать, дождь ударит проливной,
Ударит, разозленный,
В лицо земли зеленой.

Мой свет! Со мной рассталась ты —
И чахнут травы и кусты,
И в поле стебель каждый
Томим жестокой жаждой.

Я душным дням утратил счет!..
Пусть ливень землю иссечет,
Пусть в небе гром грохочет,
Пусть бог вершит, что хочет!..

САКСОНСКАЯ ДЕВУШКА

Господь, заступник всех сирот,
Услышь, о чем кричит мой рот,
Услышь в заоблачной тиши
Последний вопль моей души.

Вся боль моя и ярость в нем:
Горит Германия огнем,
И мы под папскою пятой,
Как под могильною плитой.

Нас душат ненависть и гнев,
Враги позорят наших дев,

Но, словно жалкие ужи,
В испуге прячутся мужи.

Ах, неужель в столь страшный час
Ты, даже ты покинул нас?
Не допусти, чтоб, в злой судьбе,
Мы вдруг изверились в тебе.

О ты, кто благ на небеси,
Саксонских девушек спаси,
От обезумевших зверей
Избавь саксонских матерей!

Нет, не любовная тоска —
Испанцы, папские войска
Нам душу дают, сердце рвут,
Видать, нас скоро в гроб сведут,

О, не нужны наряды мне,
Покуда родина в огне,
Пока Германия в плену —
Ни на кого я не взгляну.

На кой мне немощный юнец,
Который робок, что птенец,
И трусит жизнь в бою отдать?
Уж лучше в девках пропадать.

Но кто сквозь смерть идет вперед,
Пусть хоть сейчас меня берет,
Ах, будь он беден иль богат,
Как тополь строен иль горбат,

Будь он старик, будь паренек, —
Сама сплету ему венок
И для героя моего
Не пожалею ничего.

* * *

Ах, выпал снег повсюду,
Крутом белым-бело.
Как грустно мне, как худо:
Дороги замело.

Мой ветхий дом без крыши
Стоит на холоду.
Оконца ветер вышиб.
Замерзну... Пропаду...

Услышь! Узнай! Скорее!
Я здесь схожу с ума.
Но ты придешь, согреешь —
И кончится зима.

ДЕТОУБИЙЦЫ

А вот вам песня поновей —
Про двух мужицких сыновей:
Пошли они в солдаты.

Провоевали долгий срок,
Зато у каждого — мешок
С венгерскими деньгами.

Ночь холодна. И долог путь.
В трактир решили завернуть
Солдаты по дороге.

«А ну, хозяйка! В добрый час!
Впусти хоть одного из нас
Поесть да обогреться!»

Хозяйка бровью повела,
Солдата к печке подвела:
«Садись, служивый, грейся!»

Солдат свой ранец скидает,
Вина хозяйка подает
И запеченной рыбки.

Солдата мигом развезло.
«Эй,— говорит,— чертям пазло,
Неси еще винища!

Да не подумай, что пустой
К тебе я прибыл на постой,
Глянь! Вот они — дукаты!..»

Хозяйка будит муженька:
«Слышь!.. у того... у паренька,
Венгерские дукаты!

Дверь заперла я на запор.
Рискнем! И — кончен разговор!
И деньги будут наши!»

Трясется муж: «Господь с тобой!
Ведь тут — убийство и разбой,
Не дай бог, кто прознает!..»

Солдат уснул. Солдат храпит,
А на сковороде кипит
Растопленное сало.

К плите хозяйка подошла
И в глотку спящему влила
Всю сковородку разом.

Снесла убитого в подвал,
А в полшестого постучал
В окно его товарищ.

«Эй! Где тут спит у вас солдат?»
«Поди, уж два часа назад
Он с нами распрощался».

«Ты, сука, брешешь для чего?
Иль я не видел: конь его
Стоит у вас в конюшне!

Тут разговор пойдет иной,
Знай: это был ваш сын родной,
С войны он возвращался.

Эх, деньги, деньги! Из-за них
Мы губим сыновей родных,
Любимых наших деток!»

Услышал муж — и с ног долой,
Жена — в колодезь головой.
Беда! Три смерти за день!

ИЕЗУИТЫ

Да что ж это такое?
С ума, что ль, спятил свет?
Ни мира, ни покоя.
Стеснило грудь тоскою.
Ни в чем спасенья нет.

Опутанные ложью,
Мы все идем ко дну,
Дрожим собачьей дрожью,
И даже слово божье —
У дьявола в плену.

Мы пьем страданий чашу,
Мы в полыме горим:
То на погибель нашу
Позаварили кашу
Испания и Рим.

Пришли иезуиты
Морочить христиан:
Мы, мол, из божьей свиты!..
Но чертовы копыта
Видны из-под сутан.

От этих протобестий,
От постных этих рож —
Беспутство и бесчестье,
Слепая жажда мести,
Грязь, ненависть, грабеж.

В далеких и недалких
Краях они снуют,
Как стая крыс нахальных.
Торчат в исповедальных,
Во все свой нос суют.

Нам, кто чисты пред богом,
Они сплетают сеть,
Чтоб, действуя подлогом,
Убийством и поджогом,
Всем миром завладеть.

Одна у них отрада —
Что мы хрипим в петле.
В ад попадать не надо:
Страшней любого ада
Их козни на земле.

Украив Христово имя,
Они торгуют им,
Чернят делами злыми...
Да по сравненью с ними
Иуда — херувим!

О господи, который
Земли и неба царь,
Пусть суд свершится скорый!
Покончи с этой сворой!
Грозами в них ударь!

Иль станешь безучастно
Глядеть, как мучат нас?!
Германия несчастна!
Мы молим ежечасно,
Чтоб ты пришел и спас!

СТАРЫЙ СОЛДАТ

Я старый, стреляный солдат,
Ничем особым не богат,
Прекраснейшая дама!
Не золото, не серебро,
Одна лишь честь — мое добро.
В том признаюсь вам прямо.

Моя палатка — замок мой,
Живу в ней летом и зимой.
Хожу в худом камзоле,

Да хныкать совесть не велит:
Ко мне господь благоволит
В бою, на бранном поле.

Весь провиант мой — хлеб и сыр,
Не больно тут устроишь пир!
Да не поймите ложно:
Лишь были б хлеб, да табачок,
Да придорожный кабачок —
И жить на свете можно!

Чего там горе и печаль!
Я уповаю на пицаль.
К врагу ворвешься в нору,
Как пригрозишь: «А ну, малёк!
Решайся, жизнь иль кошелёк?» —
Все выложит, без спору.

Постель мне — черная земля,
А сплю не хуже короля,
Храплю себе пресладко.
Но попрошу иметь в виду:
Я меч под голову кладу
Для пушего порядка!

Уж не такой-то я дурак,
Хоть не силен по части врак:
Ослепну, онемею,
Состарюсь, надо полагать,
В дугу согнусь — а вот солгать,
Ей-богу, не сумею!

Война для всех нехороша.
И все ж — как тепится душа,
Когда охрипшим басом
Взревет труба, взметнув картечь,
И задубасит тяжкий меч
По вражеским кирасам!

Гул барабанов. Треск пальбы.
Дым. Пламя. Кони — на дыбы.
Беснуется железо.
Тут стал бы пятиться, как рак,
Да не сдержат себя никак,
В атаку первым лезу,

Кто знает, может, поутру
Я, насмерть раненный, помру,
Коли судьба изменит.
И все же верю: «Пронесет!
Святая троица спасет —
И пуля не заденет!»

Кому и жизнь моя нужна?
Вот были б дети и жена,
Тогда — другое дело.
А нынче — некому рыдать...
Вели, вахмистр, земле предать
Изрубленное тело!

Пушай на память обо мне
Три залпа грянут в тишине,
А я, закрывши веки,
Усну в земле, откуда нас
Всех не разбудит трубный глас,
Чтоб воскресить навеки.

И коль случится вам прочесть
Иль, может, где услышать весть
О гибели солдата,
Скажите просто: «Это — он!
Ах, без взаимности влюблен
Он был в меня когда-то!»

Вчерашний день одно лицо
Передало мне письмецо
От вас — моей богини,
Что, дескать, я в грехах погряз,
Что честь и совесть порастряс,
Скитаясь на чужбине.

Я по прочтении письма
Обескуражен был весьма,
Слезами обливался:
Я честен сердцем и умом,
И в добром имени моем
Никто не сомневался!

Сей незаслуженный ответ
На многое мне пролил свет...
Герои битв победных,

Солдаты честные! Не нам
Искать любви прекрасных дам,—
Сейчас не любят бедных.

ПЕСНЬ О ГИБЕЛИ
И ЗЛОДЕЙСКОМ РАЗРУШЕНИИ МАГДЕБУРГА
ЛИГИСТСКИМ ГЕНЕРАЛОМ ТИЛЛИ, ЛЕТА 1631

Ах, разнесчастная страна,
Германия, скажи нам,
За что ты так осквернена
Своим преступным сыном?
Он смел распять родную мать,
Покрыть ее позором!
Он отчий дом спалил огнем,
На радость папским сворам!

Мы были верою крепки.
О Магдебург, не ты ли
Держался стойко, вопреки
Злодейским козням Тилли?
Он пёр всему наперекор,
Томил тебя в осаде,
Но каждый раз бежал от нас
В смятенье и в досаде.

То горожан свободных рать,
Став грозною пехотой,
Шла за свободу умирать
С великою охотой.
Когда бы все такой красе
Душевной подражали,
Мы б на века наверняка
Победу одержали.

Мы знаем, Магдебург, что ты
Был бастионом веры.
Твоей высокой чистоты
Страшились изуверы.
Ах, честь была в годину зла
Твоим святым законом.
В избытке сил ты наносил
Удары по драконам,

Но яд измены — тайный яд
В твое прокрался сердце.
Проник губительный разлад
В ряды единоверцев.
О, стыд и гнев! Невинность дев
Поругана врагами.
Твои сыны обречены
Стать папскими рабами.

Презрен и проклят будь король,
Сей выродок ледащий,
На то, как нас терзает боль,
Бестрепетно глядящий.
Властитель сей — простой лакей
Иезуитской власти.
Беда! Беда! Попов орда
Рвет родину на части.

Дрожи, виновник наших слез,
И вы, попы, — с ним вместе!
Над вами яростно занес
Десницу ангел мести!
Кто нынче сир, — покой и мир
Войдут под наши своды!
Мы возведем надежный дом
Единства и свободы!

А тот, кем отчий град спален,
Кто пролил крови реки,
Тройным проклятьем будь клеймен
И присно и вовеки!
Клянемся сим, что воскресим
Свой Магдебург в преданьях.
Молва пройдет из рода в род
О славе и страданиях.

ГЕНЕРАЛ ХОЛЬК, УМИРАЯ В 1633 ГОДУ
В АДОРФЕ ОТ ЧУМЫ, ГОВОРIT

Спаси меня, о боже!
Лежу на смертном ложе —
В какую влип беду!

Господь, подумай только,
Что генерала Холька
Ждут дьяволы в аду!

Я — лютеранской веры.
Но все из-за карьеры
(Черт бы ее побрал!)
Сказал себе: «Не струшу,
Продам-ка папе душу!» —
И вот я — генерал.

В бою и перед боем
Не брезговал разбоем.
Добром набил сундук.
Ах, то был труд излишний!
Спаси меня, всевышний!
Избавь от вечных мук!

Как подведут итоги,
Раздастся голос строгий:
«Ты Лейпциг разорил!
Все пропил, промотал ты,
Деньгами, что украл ты,
Бессовестно сорил!»

Жаль, смерть меня скрутила,
А я ведь был кутила,
Знал, что такое страсть!
Мы пели, пили, жрали,
А люди помирали,
Чтоб нам кутилось всласть,

Все полетело прахом!
Дрожу, охвачен страхом:
Вот-вот сойду с ума.
В кишках — сплошное жженье,
Я проиграл сражение,
И верх взяла чума.

Страшайте не стращайте —
Пришел конец... Прощайте!
Издам последний вздох.
Я, в лапах у соблазна,
Жизнь прожил безобразно
И грешником подох.

ОТХОДНАЯ ВАЛЛЕНШТЕЙНУ

Вот, брат, такие-то дела:
Герой, «железная метла»,
Сам Валленштейн дал дуба.
Заколот (есть слушок такой)
Он императорской рукой,—
Сработано не грубо!

Уж больно он высоко лез —
Всегда и всем наперерез,
Могущества добился.
И до чего же вдруг сглупил:
Со шведом в заговор вступил —
И жизнью поплатился.

Был знаменитый генерал:
Куда как лихо воевал
В дыму, в огне сражений.
Хитер душой, весьма неглуп,
На подвиг щедр, на слово скуп,
Не ведал поражений.

Он мог и друга и врага
Раздеть как липку, донага,
Без совести и права.
Грабеж — дурное ремесло:
Богатство сильно возросло,
Да приутихла слава.

Добыть задумал под конец
Он императорский венец,
Рассесться на престоле.
Шалишь! Не вышел этот трюк,
Тут наступил ему каюк
По августейшей воле...

Его страшили, то и знай,
Крик петуха, собачий лай,—
А был ведь храбрый воин!
Отныне он навеки глух.
Пусть лает пес, кричит петух —
Он помер. Он спокоен.

Да, дело скверное — увы!
Не прыгнуть выше головы,

Кажись, уж ты всесилен —
Да ножку вдруг подставит бес.
Дуб вроде вырос до небес,
А ствол, глядишь, подпилен.

Эх, Валленштейн, прощай-прости,
Желаем доброго пути!
Ты в мир отходишь лучший.
В сырой земле истлеет плоть,
Но будет милостив господь
К твоей душе заблудшей!

РАССКАЗ О ФАЛЬШИВОЙ МОНЕТЕ

Итак, грядет последний час!
Вотще предупреждали нас
Христолюбивые пророки:
«За ваши грязные пороки,
За вашу алчность, злость и блуд
Вас призовут на Страшный суд!»
И все слилось в едином плаче...
А разве быть могло иначе,
Коль в наши злые времена
Спит совесть, вера казнена,
Убита честь, любовь распята,
Коль брат готов зарезать брата
И нет святого ничего?

Вокруг — сплошное воровство,
Добро и набожность в загоне.
Кто станет думать о законе,
Когда везде, и там и тут,
Все лихоимцы, все крадут,
Причем свершают похищенья
Почти без всякого смущенья?!

Да, в наш благословенный век
Покинут богом человек
За то, что сам забыл о боге...

Шел некий странник по дороге.
Глядит: ему навстречу — воз.

Тьфу, пропасть! Смилуйся, Христос!
Четыре лошади в упряжке
Груз волокут безмерно тяжкий,
Плетутся, бедные, едва...
Крича похабные слова,
Нещадно лупит их возница.
Решил наш друг остановиться.
«Эй, кум! Ответь-ка на вопрос:
Каким добром гружен твой воз?
Овсом или иным товаром?»
«Да что вы! Просто хламом старым!
Взгляните на мое добро:
Вот здесь — дырявое ведро,
Вот — медный таз с пробитым днищем,
Кофейник, выброшенный нищим,
От чьей-то шпаги рукоять,
Подойник, ржавая кровать,
Гвоздь, что торчал в трехногом стуле,
Подкова, крышка от кастрюли,
Видавший виды котелок
И прочий скарб...» — «Постой, милоч!
На кой он леший, хлам тот ржавый?»
«Для процветания державы!
Любой означенный предмет
Идет на выделку монет:
Перекуют да переплавят,
Чуть позолотою приправят
И пустят с ходу в оборот,
Чтоб одурачивать народ».
«Да это ж противозаконно!»
«Какие могут быть законы,
Когда имперская казна
Давно исчерпана до дна?
Ее война опустошила.
Тут власть верховная решила:
В такие дни и хлам хорош.
Мы наречем дукатом грош!
Авось при помощи подлога
Мы ублажим народ немного
И перебьемся как-нибудь...»

«Гм... Я улавливаю суть.
Но есть ли прок в такой затее?»
«А как же, сударь! Богатеи,

Откупщики-ростовщики
Наполнят золотом мешки.
Ведь генералам и вельможам,
Проклятым кардинальским рожам
Война родителей родней.
Ох, наживаются на ней!
А сколько новоиспеченных
Безмозглых неучей ученых,
Шальному радуясь деньку,
Гребут лопатами деньгу!
Скупают эти благородья
Дома, поместья и уголья,
Зато мастеровой народ —
Тот с голодухи так и мрет,
И мужиков война раздела.
Чего тут скажешь? Плохо дело!
Ну, в пору прямо в петлю лезть.
И все ж, браток, спасенье есть.
Тут надобно взглянуть пошире:
Беда — в войне, спасенье — в мире.
Мир, словно врач, излечит хворь.
Смекнул? Приход его ускорь!
Тогда фальшивую монету
Мы всем народом кинем в Лету —
И все невзгоды сгинут прочь.
Молюсь об этом день и ночь!..»

ГОЛУБЬ — ПТИЦА ГОЛУБАЯ

На появление сего вестника счастья
с зеленой оливковой ветвью в омытой морем слез,
военною бурей истерзанной,
трижды несчастной немецкой стране

Путь-дорогу пролагая
Сквозь губительный огонь,
Голубь — птица голубая
Сядет миру на ладонь.
И тотчас утихнет рубка,
Смолкнет ярых пушек гром,
Лишь появится голубка
С ветвью в клюве золотом...

О, в какой глухой печали,
Средь каких повальных бед
Птицу-вестницу мы ждали
Целых тридцать долгих лет!
Пустырем отчизна стала,
Слезы вышиты до дна,
Даже смерть — и та устала...
Так окончилась война.

Что ж, ликуйте без боязни!
Милосердный бог стерпел
Вашу злость, что безобразней
Самых злых и черных дел,
Словно господа во славу,
Ради мира и любви,
Вы преступно и лукаво
Утопили мир в крови!

Ах, когда вражде и мести
Век бы не было конца,
Бог с иной, недоброй вестью
Снарядил бы к нам гонца.
Но, узрев во мгле страданья
Исцеления залог,
Он в знак мира и братанья
В небе радугу зажег.

Отступили злые духи,
Божья милость нас спасла,
Хоть страна еще в разрухе,
Да и мертвым нет числа.
В светлый праздник избавленья
Жар веселья всем к лицу.
Но сперва, склонив колени,
Мы помолимся творцу.

А затем возьмемся дружно
За работу — как один!
Сколько стен воздвигнуть нужно
Из безжизненных руин!
Рук молитвенно не сложим,
Новый складывая дом,—
Славу господа умножим
Нескончаемым трудом,

Созиданьем, украшеньем
Вечной родины своей,
Чудотворным воскрешеньем
Исстрадавшихся полей.
Помоги нам, боже, в этом!
Край немецкий не покинь!
Новым, добрым, мирным светом
Озари его!.. Аминь!

ПОЭЗИЯ
XVIII—XIX ВЕКОВ

БАРТОЛЬД БРОКЕС

(1680—1747)

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА

О, безграничная власть,
Святая мощь господня!
Сколь дух мой весел, ибо всласть
Я выпался сегодня.
Я в теле бодрость ощутил —
Нет места нездоровью.
Я жив, я свеж, я полон сил
И говорю с любовью:
«Всевышний, не покинь меня
С истока до исхода дня!
Направь, направь мои шаги,
Чтоб к истине пробиться,
Свершить благое помоги,
Не дай с дороги сбиться!..»

МАТИАС КЛАУДИУС

(1740—1815)

ВОЙНА

Война! Война!.. Господь, вземли несчастным,
Сгорающим в огне!..
Война!.. Так дай остаться непричастным
К смертоубийству мне!

Как выдержать смогу, когда ночами
В крови, страшны, бледны,
Убитые с погасшими очами
В мои ворвутся сны?

Когда мужи, кого на бранном поле
Высокий ждал почет,
В полубреду, от смертной корчась боли,
Мне свой предъявят счет?!

И толпы обездоленных войною
Вдов, матерей, невест,
Не пряча слез, пройдут передо мною:
«О, сколь тяжел наш крест!..»

И голод, и нужда, и трупов горы
(О, кто здесь — враг, кто — друг?)
Клеймо неистребимого позора
На мне поставят вдруг?!

Что золото, что власть, что честь и слава
В безумстве этих дней?!
Гремит война... Как заслужить мне право
Быть непричастным к ней?!

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЕТЕ

(1749—1832)

ИСТОЛКОВАНИЕ СТАРИННОЙ ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВЕ, ИЗОБРАЖАЮЩЕЙ ПОЭТИЧЕСКОЕ ПРИЗВАНИЕ ГАНСА САКСА

Воскресным утром в своей мастерской
Наш славный мастер вкушает покой.
Он грязный фартук бросил под стол,
Надел свой праздничный, чистый камзол.
И пусть почивают гвозди, клещи,
Шило, дратва и прочие вещи.
Пусть в день седьмой отдохнет рука
От иглы сапожной и молотка.
Но весеннее солнце как припечет,
И досуг его к новой работе влечет.
Чувствует мастер: в назначенный срок
В мозгу его вызрел некий мирок,
Дышит, живет, спешит отделиться,
От своего создателя удалиться.

Умен и зорек взгляд у него,
Притом он добрейшее существо.
Ясным взором весь мир обнимет
И целый мир в себя он примет.
А речь-то, речь у него какова!
Легко, вольготно льются слова.
Музы его на пир приглашают:
Мейстерзингером провозглашают!..

Вот женщина молодая идет:
Пышные груди, округлый живот...
Да, на ногах стоит она твердо!
Держится царственно. Шествует гордо.

Не станет вилять ни хвостом, ни задом,
Вправо-влево рыскать взглядом.
В руке у ней циркуль и обвита
Лента золотая вокруг живота.
Венок из колосьев на лоб надет,
В очах — дневной, ослепительный свет...
Она обладает завидной известностью,
Зовясь Прямодушьем, Достоинством,
Честностью...

Вошла с поклоном она, с приветом,
А мастер наш хоть бы что при этом!
Он на нее и не поднял глаз:
Тебя, мол, вижу не в первый раз.
Она говорит: «В суматохе повальной
Ты, мастер, нрав сохранил похвальный,
Поскольку твоя голова ясна,
Поступки достойны, душа честна.
Мается дурью людское стадо,
А ты все поймешь, смекнешь с полувзгляда,
Люди хнычут, прибиты уныньем сплошным,
А ты им представишь сей мир смешным!
Так, утверждая закон и право,
В суть вещей ты вникнешь здраво:
Прославишь Набожность и Честь,
Зло покажешь, каким оно есть.
Порок не прикрасишь и не пригладишь,
Издевкой Красоту не изгадишь,
А будешь видеть естество,
Как Альбрехт Дюрер видел его,—
Во всей его правде и точности,
Во всей его жизненной сочности,
И поведет тебя гений природы
Сквозь страны, времена и народы,
И тебе откроется жизнь сама —
Ее дикий кутерма,
Людская возня, суета, мельтешенье,
Беготня, и гонка, и копошенье,
Так что род человеческий порой
Ты примешь за муравьиный рой,
Однако на весь этот пестрый поток
Ты будешь смотреть, как смотрят в расек,
А потом все, что видел, людям изложишь
И, возможно, им взяться за ум поможешь...»
Она распаивает окно:

Всяческих тварей за ним полно!
Различны их виды, сорта и оттенки,
Как в ином стихотворенье его или сценке.

Мастер блаженствует у окна.
Развеселила его весна.
Меж тем, кряхтя, сопя, приседая,
В мастерскую старуха вошла преседа.
Сказать вам, кто это была?
История, Мифология, Фабула!
Скрючена, сморщена, а на спину
Она взвалила себе картину,
Доску с диковинною резьбой,
Которую тащит она с собой.
Там господь в торжественном облаченье
Проповедует людям свое ученье,
И, конечно, Ева там и Адам,
И Содом и Гоморра тоже там,
И образ двенадцати светлых жен
В зеркале чести отражен.
Там же — блуд, и разбой, и бесчинства черни,
И двенадцать тиранов, погрязших в скверне,
Справедливо наказанных божьей грозой...
И, конечно, там Петр со своею козой,
Недовольный вначале мироустройством,
Но затем совладавший с душевным
расстройством...

И у старушки расписан подол:
Здесь случаи всяческих бед и зол,
А также примеры правды и света...

Наш мастер с улыбкой смотрит на это.
Он, можно сказать, бесконечно рад:
В хозяйстве подобные вещи — клад.
Все эти случаи и примеры,
Своей придерживаясь манеры,
Искуснейше он перескажет нам,
Как если б он все это видел сам...
Картинами редкостными влеком,
Мастер отдался им целиком,
Но вдруг над собою слышит он
Треск погремушек, бубенчиков звон.
Ага! Это Шут ему бьет челом:
Мартышкой вертится, блеет козлом,

А языком-то как бойко чешет!
Знать, байкой смешною его потешит.
Явился он чрезвычайно кстати,
Ведя за собой на длинном канате
Наиразличнейших дураков:
Дураков молодых, дураков-стариков,
Дураков-бедняков, дураков-богатых,
Прямых и кривых, худых и пузатых,
Дураков-грамотеев, дураков-невежд,
Безнадежных, но полных дурацких надежд.
Размахивая бычачьим хвостом,
Шут погоняет их, как хлыстом.
А ну, пускай попарятся в бане!
Может, освободятся от дряни!
Являет Шут чудеса умения,
А число дураков растет тем не менее...
Наш мастер следить поспекает едва.
Кругом пошла у него голова:
Как обо всем этом рассказать?
Как это все воедино связать?
Да и слова подобрать какие,
Чтобы дела описать людские?
И где найти над собою власть,
Чтобы при этом в унынье не впасть
И не утратить душевного пыла?
Вдруг облачко прямо к окошку подплыло,
И в комнату прямо с него сошла
Красавица Муза, чиста и светла,—
Лучезарностью правды его одаряет.
Силой действенной ясности озаряет.
Она говорит: «Я пришла сюда,
Благословляю тебя навсегда.
Пусть священный огонь, что в тебе таится,
Светлым, жарким, высоким костром разгорится,
Но чтоб жизнь тебя вперед несла,
Я бальзам для души твоей припасла:
Да ухнется она красую,
Словно почка весенней росой!...»

И вот, обернувшись назад,
Он видит дверцу, ведущую в сад.
И там, за невысоким забором,
Видит девушку с томным, поникшим взором,
Под яблонькой, перед ручейком,

Она сидит, вздыхает тайком
И преискусно плетет веночек
Из алых роз — к цветку цветочек.
Ах, кто обладателем станет венка?
Она и сама не знает пока.
Но что-то ждет ее впереди,
И оттого — томленье в груди,
И мыслей смятенье, и взор этот влажный,
И вздох печальный и протяжный.
Дитя мое, радость моя, поверь,
Все, что тревожит тебя теперь,
Превратится в усладу и в благодать —
Надо только милого подождать.
Ты увидишь: единственный твой придет,
И забвенье в объятьях твоих найдет,
И будет взором твоим исцелен
Тот, кто был судьбой, как огнем, опален.
Пусть его лихорадит, пускай трясет —
Его лишь твой поцелуй спасет.
И, от всех напастей освобожден,
К жизни будет любовью он возрожден.
Твое лукавство и плутовство
Не лекарство разве, не волшебство?..
И любовь остается навек молода,
И поэт не состарится никогда!..
Так наш мастер сладчайшее чудо зрит.
В этот миг над главою его парит
Дубовый венок среди облаков —
Награда певцу от грядущих веков.
И пусть к дьяволу тот попадет в кабалу,
Кто не воздаст ему честь и хвалу!

НА СМЕРТЬ МИДИНГА

Дом Талии... В нем людно, как всегда.
Народ спешит, снует туда-сюда.
На голой сцене топот, грохот, стук.
Ночь стала днем, страдою стал досуг..
Фантазией художника влеком,
Гремит проворный плотник молотком.
Гляжу: с костюмом Хауэншильд спешит —
Костюм для мавра иль для турка шит?

А Шуман словно жалованью рад —
Нашел искомый колер, говорят.
А Тильенс что?.. Чем хуже он кроит,
Тем нас верней забавой покорит.
А вот и сам еврей Элькан, банкир...
...Мне кажется, здесь затевают пир...

Как! Перечислив всех до одного,
Я не назвать отважился того,
Кто истинный творец подмостков сих,
Кто собственной рукою создал их
И, не щадя ни времени, ни сил,
Немые доски в сцену превратил!

Он так искусством загореться смог,
Что колики и кашель превозмог.
Но что с ним ныне?! Я ответа жду,
Внезапную предчувствуя беду.
И вдруг ответ донесся, как сквозь сон:
Пойми! Не болен — умер, умер он!

Как?! Мидинг умер?! Кто это сказал?!
Стон гулким эхом наполняет зал.
Труд замер... Каждый руки опустил.
Клей, охладев, засох. Раствор застыл.
Конец!.. Лишь наступившая среда
Продолжила движение труда.

Он мертв... Земле останки предадим.
Но чем же мы его вознаградим?
Откройте гроб! Приблизьтесь все к нему,
Предавшись скорбно чувству одному,
Чтоб скорбь, что так безмерно тяжела,
Достойно в размышление перешла.

О славный Веймар! Ты известен всем
Как новый, европейский Вифлеем.
Одновременно и велик и мал,
Игру и мудрость ты в себя вобрал.
Благодаря завиднейшей судьбе
Смогли сойтись две крайности в тебе.

Так будь к добру и к правде устремлен,
Святой игрою страсти окрылен!

И ты, о Муза, громко разови
То имя с чувством скорби и любви!
Ты столько от забвения спасла,
Из вечной ночи к свету вознесла,
Так пусть же, устремляючись в зенит,
Над миром имя Мидинг прозвенит!..

Мы мним себя владыками судьбы,
Хоть в самом деле мы ее рабы,
И оттого все норовим бежать
В пустой надежде время придержать.
Мы в лихорадке мечемся шальной,
Но, слыша стон соседа за стеной,
Стремимся улизнуть подальше прочь,
Чтоб дальнему — не ближнему помочь.
Таков наш мир... Так научи нас впредь
В чужой кончине и свою узреть!

Взываю к государственным мужам:
Кто здесь лежит, тот был подобен вам!
В служении он выгод не искал...
Как он умом, фантазией блистал!
И выросло творение его,
В котором притаилось волшебство.
Растрчивал он силы, день за днем;
И автор и актер нуждались в нем.
Умело нитки дергала рука,
Да нитка жизни чересчур тонка.

Партер уж полон... Вот смолкает гул.
Вот дирижер уж палочкой взмахнул.
А он там где-то на колосниках
Еще хлопочет с молотком в руках,
Чтоб что-то прикрепить и подтянуть,
И не страшится сверзнуться ничуть.
С любовью вспомним, что он произвел:
Из проволоки гибкой крылья сплел,
Для пратикаблей применил картон,
Затейливые фурки создал он.

Тафта, бумага, олово, стекло —
Все радостно к себе его влекло,
Чтоб, у людей захватывая дух,
Явились к ним герой или пастух.
Он мог ваш ум и сердце покорить
Умением волшебно повторить
Сверканье водопада, блеск зарниц,
И тихий шелест трав, и пенье птиц,
Дремучий лес, мерцанье звезд ночных,
При этом чудищ не страхась иных.

И, как природа, что вступает в бой,
Чтоб крайности связать между собой,
Он ремесло с искусством примирил.
Иной поэт, им вдохновлен, творил,
И был — самою Музой вознесен —
Директором природы прозван он!

Кто сможет удержать — спрошу в тоске —
Поводья эти все в одной руке?
Сумев своим искусством овладеть,
Служитель сцены должен все уметь.
Случается: сам автор до зари
Тайком от прочих чистит фонари...
Да, гений мертв... Но, смерти на беду,
Он нам оставил волю, страсть к труду,
И ученик, идущий вслед за ним,
Уже не сможет хлебом жить одним.

Что?! Слишком бедным кажется вам гроб
И нет в толпе сиятельных особ?
Вы мните: столь кипуч и славен, он
Достоин побогаче похорон.
Неужто тот, кто так достойно жил,
Достойного «прости» не заслужил?!

О нет! Богаты мы или бедны —
Изведавшие счастье все равны.
Он счастье высочайшее знал:
Все, что копил он, то и отдавал,
Сочтя, что достояние его
Одно искусство. Больше ничего!
И в этом утешение нашел.
Утешен жил. Утешен и ушел.

Плывет печальный колокольный звон —
Настало завершение похорон.
Так кто ж воздаст ему последний долг,
Покуда скорбный хор еще не смолк?

О сестры! Это сделаете вы!
Искусства жрицы, жертвы злой молвы,
Вы, голодом томясь по целым дням,
Кочуете в возке по деревням,
Чтоб веселить и радовать народ.
Мир полн для вас диковинных щедрот.
Так возложите ж, дети доброты,
На гроб собрата лучшие цветы!

В страданье вознамерьтесь воплотить
Тот долг, что вам пристало оплатить:
Ведь и тогда мы поклонялись вам,
Когда пожар испепелил ваш храм!
И зритель, чей восторг не знал границ,
На площадях пред вами падал ниц.
Не ваш ли дивный дар в восторг поверг
Лачуги, замки, Тифурт, Эттерсберг?
О, сколько вы явили нам чудес
В своих шатрах и под шатром небес,
Вы, кто обворожительней богинь,
В лохмотьях странниц, в платьях герцогинь!!
За вами устремился даже тот
Безмозглый, злой, заносчивый народ,
Кто все хулил, порочил, презирал.
А здесь от сцены глаз не отрывал.

Вот тени тех, кто сгинул в старине,
Задвигались, оживши, на стене.
Минувшее воскрешено игрой
Немного необузданно порой.
Что некогда сложили галл иль бритт,
Здесь немцам по-немецки говорит,
И песнь и танец отданы в залог,
Чтоб расцветить бесцветный диалог.
А в многозвучный карнавальный шум
Значение и смысл приносит ум.
Так в действующих лиц превращены

Три короля из утренней страны.
На ваш алтарь дары каких высот
Дианы жрица жертвенно несет,
Что даже и теперь, в сей скорбный час,
Вы вправе вспомнить и прославить нас.
Друзья, посторонитесь! Дивный лик
Пред нами вновь торжественно возник.
Сияя, как рассветная звезда,
Царица наша шествует сюда.
Ниспосланная Музою самой,
Верх совершенства, цвет красоты земной,
Она идет, и в ней воплощено
Все то, что Красотой освящено.
Она снискала благосклонность муз,
Природа заключила с ней союз,
Чтоб, именем Корона увенчав,
Прославить ту, чей дух столь величав.
Ее неповторимые черты
Полны необъяснимой красоты.
И каждый с восхищеньем угадал,
Что в этот миг он видит Идеал.

Она кладет — немилосердный рок! —
Увитый черной лентой венок
Из алых роз, тюльпанов и гвоздик,
И взгляд ее во все сердца проник.
О, девичья прелестная рука
И мирты похоронного венка!
Искусство здесь соединило их
Средь украшений траурных своих,
Где тихий лавр зелено-золотой
Прикрыт прозрачной черною фатой.

Очами увлажненными блестя,
Кладет венок чудесное дитя.
Народ молчит и воспринять готов
Заветный смысл ее сердечных слов.

И дева молвит: «Горестно скорбя,
Усопший брат, благодарим тебя!
Ах, в этой жизни, добр ты или зол,
Еще никто до цели не дошел.

Ну, а тебе дала господня власть
К искусству нескончаемую страсть,
И с нею ты болезнь переборол,
И радость с ней чистейшую обрел,
И ею жил, отринув смертный страх,
И с ней уснул, с улыбкой на устах.
И каждый, в ком искусства огонь горит,
Придет к холму, под коим ты зарыт.
И пусть надолго будет, на века
Земля тебе, как нежный пух, легка,
И обрети под гробовой доской
Тобою столь заслуженный покой!..»

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР

(1759—1805)

ВЫТРЕЗВЛЕНИЕ БАХУСА

Валит валом из ворот
Весь народ,
Взяли парня в оборот!
«Отчего ж ты, брат, невесел?
Ведь немало куролесил —

Сколько с толку сбид ты, брат!
Делал умника болваном,
Застилал глаза туманом,
Одурачивал рассудки,
Выворачивал желудки,

В тигров обращал ягнят!
Набекрень сдвигали шляпы
Мы, в твои попавши лапы,
И мелькали в дикой пляске
Зданья, улицы, коляски.

Неспроста тебя винят!
Что ж! Отведай в этой клетке
Горький плод своей же ветки;
Выворачивай желудок,
Потеряй и ты рассудок.

Не уйдешь отсюда, брат, —
Будешь сам себе не рад!»

Валит валом из ворот
Весь народ,
Взяли парня в оборот!
«Мы тебя, браток, потешим,
Языки теперь почешем.

Вспомни, старый зубоскал,
Как, твое вкусивши зелье,
Мы кружились каруселью,

Как в глазах у нас темнело,
Как в ушах у нас звенело.

Получай, чего искал!
Из пивной, бывало, выйдем —
Солнца в небе мы не видим,
Выпив чертову отраву,
С ходу валимся в канаву.

Вспомни, старый зубоскал,
Как луна хмельною ночью
Нам казалась винной бочкой,
Как мы башни и курганы
Принимали за стаканы.

Вспомни, старый зубоскал,
Получай, чего искал!»
Валит валом из ворот
Весь народ.

Взяли парня в оборот!
«Козни плеть ты мог неплохо.
Отчего ж примолк, пройдоха?

Иль не знаешь, как тут быть?
Видно, в этой переделке
Ты забыл свои проделки
И, умаявшись от качки,
Стал подобен глупой прачке,
Растеряв былую прыть!

Но послушай: ведь не худо
Улизнуть тебе отсюда.
Так беги ж, спасая шкуру,
К своему дружку Амуру!
Прочь, негодный лоботряс!
Улепетывай-ка! Живо!

Мы ведь, парень, незлобивы,
Но коль снова попадешься,
От расправы не спасешься!
Что, бездельник? Понял нас?
Ну, так вот тебе наказ!»

МУЖИЦКАЯ СЕРЕНАДА

Слышишь? Выгляни в окно!
Средь дождя и мрака
Я торчу давным-давно,
Мерзну, как собака,

Ну и дождь! Потоп кругом!
Барабанит в небе гром.
Спрятаться куда бы?
До чего же ливень зол!
Мокнут шляпа и камзол
Из-за вздорной бабы.
Дождь и гром. В глазах черно.
Слышишь? Выгляни в окно!

К черту! Выгляни в окно!
Холод сводит скулы.
Месяц спрятался. Темно.
И фонарь задуло.
Слышишь? Если, на беду,
Я в канаву упаду —
Захлебнуться можно.
Темнота черней чернил.
Дьявол, знать, тебя учил
Поступать безбожно!
Дождь и гром. В глазах черно.
Баба, выгляни в окно!

Дура, выгляни в окно!
Ах, тебе не жалко?
Я молил, я плакал, но —
Здесь вернее палка.
Иль я попросту дурак,
Чтоб всю ночь срамиться так
Перед целым светом?
Ноют руки, стынет кровь —
Распроклятая любовь
Виновата в этом!
Дождь и гром. В глазах черно.
Стерва, выгляни в окно!

Тьфу ты черт! Дождусь ли дня?..
Только что со мною?..
Эта ведьма на меня
Вылила помои!
Сколько я истратил сил,
Холод, голод, дождь сносил
Ради той чертовки!
Дьявол в юбке!.. Хватит петь!

Не намерен я терпеть
Подлые издевки.
Дождь и ветер! Шут с тобой!
Баста! Я пошел домой!

ДОСТОИНСТВО МУЖЧИНЫ

Да, я — мужчина! Кто другой
С моей сравнится силой?
Найдись такой — пляши и пой
И не робей, друг милый!

Лицом подобен богу я
И вынужден признаться,
Что пью свободно из ручья,
Где небеса струятся.

Я горд, что черпать в нем могу,
Что тем ручьем владею.
Навстречу девушке бегу —
Целую прямо в шею!

Она красна, что маков цвет.
Известно, в чем причина:
Стал тесен девушке корсет —
Понятно, я ж мужчина.

Когда в купальню к ней ворвусь,
О, как она заплачет!
Ведь я — мужчина и, клянусь,
Немало это значит!

Да, я — мужчина, хоть порой
Одет весьма плачевно,
Но оставлять вдвоем со мной
Опасно и царевну.

Словцо я знаю, чтоб тотчас
Нежнейшие принцессы
Меня любили, а не вас,
Вельможные балбесы!

Да, я — мужчина! Суть мою
Вам лира доказала.
На ней победу я пою,
Мне хныкать не пристало!

Ведь впоены одной рекой,
Истоком всех творений,
Воззавшим к жизни род людской,
И божество и гений.

Тиранов я могу стереть
Победным талисманом,
Что рад скорей в огне сгореть,
Но не служить тиранам.

Он против перса вел полки,
На Гранике продымлен,
И на германские пески
Швырял развратных римлян.

Взгляните: кто это сидит
Там, в африканском пекле?
Кудряв. Могуч. Огонь кипит
В очах, подобных Гекле.

Явился отрок молодой,
А тот ему надменно:
«Ты чуешь? Марий пред тобой
На прахе Карфагена!»

Велик, хотя и побежден,
Он даром не сдается.
Ведь и в беде — мужчина он,
И мир пред ним трясется.

Но внуки жалкие его
Все промотали с детства,
И не осталось ничего
От славного наследства.

Эх, племя! Не душа — а пар!
Без пользы и без славы
Вы прошутили высший дар —
Свое мужское право,

Кряхтя, с улыбкой неживой
Бредут толпой бесполой,
Тряся порожней головой
Подобно тыкве полой.

Так старый химикус вино
Прогонит сквозь реторту —
И что ж: название одно,
А спирт и крепость — к черту!

Едва завидят женский взгляд,
Они дрожат, и млеют,
И замирают, и скулят —
Хотят, да не умеют.

Мрачнеют сердцем и лицом...
Не зря их зависть гложет:
Кто не способен быть отцом,
Тот и любить не может!

Вот отчего, гордясь собой,
Кричу подруге милой:
«Да! Я — мужчина! Кто другой
С моей сравнится силой!»

МУДРЕЦЫ

Тот тезис, в ком обрел предмет
Объем и содержание, —
Гвоздь, на который грешный свет
Повесил Зевс, от страшных бед
Спасая мирозданье, —
Кто этот тезис назовет,
В том светлый дух, и гений тот,
Кто сможет точно взвесить,
Что двадцать пять — не десять.

От снега — холод, ночь — темна,
Без ног — не разгуляться.
Сияет на небе луна.
Едва ли логика нужна,
Чтоб в этом разобраться,

Но метафизик разъяснит,
Что тот не мерзнет, кто горит,
Что все глухое — глухо,
А все сухое — сухо.

Герой врагов разит мечом,
Гомер творит поэмы.
Кто честен — жив своим трудом,
И здесь, конечно, ни при чем
Логические схемы.
Но коль свершить ты что-то смог,
Тотчас Картезиус и Локк
Докажут без смущенья
Возможность совершенья.

За силой — право. Трусить брось —
Иль встанешь на колени!
Издревле эдак повелось,
И скверно б иначе пришлось
На жизненной арене.
Но чем бы стал порядок тот,
Коль было б все наоборот,
Расскажет теоретик —
Истолкователь этик:

«Без человека человек
Благ не обрящет вечных.
Единством славен этот век.
Сотворсны просторы рек
Из капель бесконечных!»
Чтоб нам не быть под стать волкам,
Герр Пуффендорф и Федер нам
Подносят как лекарство:
«Сплотитесь в государство!»

Но их профессорская речь —
Увы! — не всем доступна.
И чтобы землю уберечь
И нас в несчастья не вовлечь,
Природа неотступно
Сама крепит взаимосвязь,
На мудрецов не положась.
И чтобы мир был молод,
Царят любовь и голод!

РАЗДЕЛ ЗЕМЛИ

Зевс молвил людям: «Забирайте землю!
Ее дарю вам в щедрости своей,
Чтоб вы, в наследство высший дар приемля,
Как братья стали жить на ней!»

Тут все засуетились торопливо,
И стар и млад поспешно поднялся.
Взял земледелец золотую ниву,
Охотник — темные леса,

Аббат — вино, купец — товар в продажу,
Король забрал торговые пути,
Закрыв мосты, везде расставил стражу:
«Торгуешь — пошлину плати!»

А в поздний час издалека явился,
Потупив взор, задумчивый поэт.
Все роздано. Раздел земли свершился,
И для поэта места нет.

«О, горе мне! Ужели обделенным
Лишь я остался — твой вернейший сын?» —
Воскликнул он и рухнул ниц пред троном.
Но рек небесный властелин:

«Коль ты ушел в бесплодных грез пределы,
То не тревожь меня своей мольбой.
Где был ты в час великого раздела?»
«Я был, — сказал поэт, — с тобой!»

Мой взор твоим пленился светлым ликом,
К твоим словам мой слух прикован был.
Прости ж того, кто в думах о великом
Юдоль земную позабыл!»

И Зевс сказал: «Так как же быть с тобою?
Нет у меня ни городов, ни сел.
Но для тебя я небеса открою —
Будь принят в них, когда б ты ни пришел!»

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Друзья, на коней! Покидаем ночлег!
В широкое поле укачем.
Лишь там не унижен еще человек,
Лишь в поле мы кое-что значим.
И нет там заступников ни у кого —
Там каждый стоит за себя самого.

Свободы теперь на земле не найдешь —
Застыли рабы на коленях.
И властвуют злоба, коварство и ложь
В трусливых людских поколениях.
И только солдат никому не слуга,
Он смерти самой обломает рога!

Он страха не знает, робеть не привык,
Опасность его не тревожит;
Навстречу судьбе он летит напрямик
И завтра с ней встретиться может.
Что ж, завтра так завтра! А нынче сердца
Остаток веселья допьют до конца!

Он счастья не кланчит, а в битвах берет.
Шлет небо удачу герою.
Батрак — тот в земле копошится, как крот,
«Здесь, — думает, — клад я отрою!»
Он роет и роет, покорный судьбе,
А выроет только могилу себе.

Вот в замок, где люстры сияют в окне,
Сверкают, как сотни жемчужин,
Непрошенный гость на горячем коне
Прискачет на свадебный ужиин.
Не даст он подарков, не станет ждать,
А выкуп любовью велит подать!

С чего тебя, девка, тоска извела?
Не плачь, все равно не поможет!
Ведь нет у него своего угла,
И верность хранить он не может:

Простится с тобой — и помчится к другим,
Военной судьбою по свету гоним.

Вставайте ж, товарищи! Кони храпят,
И сердце ветрами продуто.
Веселье и молодость брагой кипят.
Ловите святые минуты!
Ставь жизнь свою на кон в игре боевой,
И жизнь сохранишь ты, и выигрыш — твой!

ФРИДРИХ ГЕЛЬДЕРЛИН

(1770—1843)

ГИМН СВОБОДЕ

Словно пробужденная орлица,
К звездам устремившая крыла,
Радость, что в груди моей теснится,
Песнь во мне, ликуя, разожгла.
Новой жизнью упоен я ныне,
Новой, неизведанной судьбой.
Над мечтой вознесишься, над гордыней,
Я свободу вижу пред собой.

С той поры, как поднят я из праха,
Как ее лобзания познал,
Чист мой взор, не знает сердце страха,
Страстью к ней мой разум воспылал.
Речь ее ловлю я чутким слухом,
Как богине поклоняюсь ей.
Слушайте! Вещает добрым духам
Мудрый глас владычицы моей:

«В годы, когда в платице пастушьем
Шла любовь вдоль безмятежных рек,
Верен был, лучась прекраснодушьем,
Матери-природе человек.
Не вещал порок с судейских кресел,
Розы елисейские цвели.
И тогда был райский пир мой весел
Средь детей восторженных земли.

А любовь торжествовала всюду.
Юный мир звала на труд она,

От ее тепла, подобно чуду,
Добрые всходили семена.
И с Олимпа к нам слетали боги,
Присоединялись к торжеству.
На чудесной жизненной дороге
Человек был равен божеству.

И невинность щедро награждала
Радостью любимых сыновей.
Добродетель кроткая не знала
Всей безмерной ценности своей.
Мир царил на всем земном просторе,
В каждой почке, в каждом стебельке,
Крылья распри, зависти и горя
От счастливцев были вдалеке.

Но — увь! — дрожат твердыни рая!
В бешенстве стихий — проклятый крик.
Словно коршун, жертву раздирая,
Дух высокомерия возник.
Так ушли невинность и свобода,
С ними в небо унеслась любовь.
Что ж! Скудей, завянь, умри, природа!
Пусть цветы не расцветают вновь.

И взвился над миром бич закона,
Но любви на свет не произвел.
Все, что в человечестве исконно,
Вытеснил свирепый произвол.
Суд подьѐмлет меч кровавой казни,
Мстителен, лукав, жестокосерд.
И, ничтожен, слеп в своей боязни,
Трудится и умирает смерд.

Но, любви и верности взыскаю,
Я не вправе и не в силах ждать.
Вас, детей покинутых, зову я:
Возвращайтесь и утешьте мать!
В гневе мною сказанное слово,
Будь забыто! Возглас мой един!
Властвуй же, о стань владыкой снова
Ты, природы вечный властелин!..

О царица! Благостен твой голос,
Провозвестник новых, добрых сил!

Он восходит, долгожданный колос,
Светлый миг свободы наступил!
Где бушуют вздыбленные воды,
В дальней дали виден звездный луч.
Ты, благословенный век свободы,
Засиял нам, царственно могуч.

И союзом братьев миллионным
Вновь любви дано повелевать,
Что сердцам, свободой окрыленным,
Вечно для отечества пылать.
К дубу плещ прильнул, стремясь к вершине,—
Вкруг ствола побегов обвились.
Так народ в одном порыве ныне
За героем устремился ввысь.

Дух перед судьбою не согнется,
Вольностью бессмертною дыша.
К божеству чудесно прикоснется
Вскормленная музами душа.
Да вовеки охраняют боги
Наше братство любящей рукой,
Чтоб в избытке счастья, без тревоги
Нам вкушать божественный покой.

Жизнь в величье царственном отбросит
Низменных стремлений суету.
Время братства людям в дар приносят
Совершенство, мир и красоту.
Торжествуйте, радостные музы!
Он искуплен, древний наш позор,
Час настал! Лежат во прахе узы,
Вынесен гордыне приговор!

И когда, придя к заветной цели,
Мы пожнем тот вождельный плод
И тиранов, правивших доселе,
Сбросит в прах немецкий мой народ,
Если жаром пламени святого
Вспыхнет кровь людей в моем краю,
О, тогда, божественная, снова
Умирая, гимн тебе спою!

КЛЕМЕНС БРЕНТАНО

(1778—1842)

ЧУВСТВО РОДИНЫ

Как ветер играет
Со звонкой волной!..
Душа обмирает:
Вот он — край наш родной!

Где даль голубее?
Где зелень сочней?
Ах, верен тебе я
До конца моих дней!

Как льнет к этим склонам
Краса твоих лоз,
Так сердцем влюбленным
К тебе я прирос.

Смолк ветер. Неслышный,
Весь мир недвижим.
Да. Здесь я — не лишний.
Да. Здесь я любим.

В небесной купели —
Сонм звезд золотых.
Еще с колыбели
Я здесь касался их.

Ах, Рейн! Пусть несется
Шальная вода.
Но Рейн остается
Со мною навсегда.

Ведь я на чужбине
Измаялся весь.
Я дома отныне.
Ты слышишь? Я здесь!

Я после разлуки
Вернулся, отец!
Раскинь свои руки,
Прими мой венец!..

АХИМ ФОН АРНИМ

(1781—1831)

ПЕСНЯ РУСАЛОК

Землю сушит зной нещадно,
А в воде — легко, прохладно.
Солнце, звезды и луну
Тянет, манит в глубину,
Чтоб забыть в воде прозрачной
Мир — обитель скорби мрачной.
Вы уляжетесь во сне
На зеленом, мягком дне,
Там, где гложет крик детей,
Где ни горя, ни страстей,
Где в любви не пропадешь,
Где — что ищешь, то найдешь.

Во владенье нам дано
Все, что кануло на дно,
Клады древних королей
С затонувших кораблей.
Ураган моря трясет —
К нам на пир гостей несет.

Как мы водим хоровод,
Так вскипает лоно вод.
Буря треплет наши косы —
Содрогаются утесы.
Студит наших щек огонь
Ветра мокрая ладонь.

МОЛИТВА

Дай мне любовь и нежные уста,
Чтобы восславить господа — Христа,
Дай здоровье телу, мыслям — чистоту,
Дай воле твердость, сердцу — доброту,
Пошли мне славных, ласковых детей,
Дом от незваных огради гостей,
Дух окрыли, дай холм песчаный мне,
Песчаный холм в родимой стороне —
Легко взнесется к выси голубой
Мой дух, который окрылен тобой,

АДЕЛЬБЕРТ ШАМИССО

(1781—1838)

ИГРУШКА ВЕЛИКАНШИ

В Эльзасе замок Нидек известен с давних пор —
Обитель великанов, детей могучих гор.
Давно разрушен замок — не сыщешь и следа,
И сами великаны исчезли навсегда.

Однажды, — это было в забытый, давний год, —
Дочь великана вышла из крепостных ворот,
Спустилась по тропинке, увлечена игрой,
И вскоре очутилась в долине, под горой.

Сады, луга и нивы — все незнакомо ей.
Близ Гаслаха достигла она страны людей.
И города, и села, и пастбища, и лес
Предстали перед нею как чудо из чудес.

Нагнулась великанша и, радости полна,
Крестьянина и лошадь заметила она.
Потешное созданье возделывало луг.
Стальными лемехами сверкал на солнце плуг.

«Ах, что за человечек! И лошадь — с поготовок!»
И девочка достала свой шелковый платок.
Находку завернула и с этим узелком
Вприпрыжку побежала в свой замок напрямик.

Домой она приходит, открыла дверь и вот
С веселою улыбкой родителя зовет:
«Отец! Взгляни, какую игрушку я нашла!
О, как она забавна и до чего мила!..»

Охваченный раздумьем, старик отец сидел,
Вина из кубка отпил, на дочку поглядел:
«Да что там копошится? А ну-ка, покажи,
Свой шелковый платочек скорее развяжи».

И бережно достала она из узелка
Забавную игрушку — седого мужика.
Поставила на столик коня его и плуг.
И, хлопая в ладоши, забегала вокруг.

Но тут старик родитель стал хмурым, словно ночью
«Нет, это — не игрушка! Что сделала ты, дочь?
Не медля ни мгновенья, назад его снеси.
Крестьянин — не игрушка! Господь тебя спаси!

Когда бы не крестьянин — не труд его, заметь,—
Без хлеба нам с тобою пришлось бы умереть.
И навсегда запомни, что великанов род
В веках свое начало от мужиков берет!»

...В Эльзасе замок Нидек известен с давних пор —
Обитель великанов, детей могучих гор.
Давно разрушен замок, не сыщешь и следа,
И сами великаны исчезли навсегда.

КОРОЛЬ ЖИЛ НА СЕВЕРЕ ДИКОМ

Когда-то на Севере диком
Стоял королевский дворец.
Король был владыка владыкам,
Богат, самодур и гордец.

Но вот перед смертью склонилась
Седая его голова.
Наследников трое явилось:
Волк, медведь и сова.

И молвил он: «Другу медведю
Я чащу лесную отдам.
Ни дети мои, ни соседи
Не смеют охотиться там!

Сова, моя верная мамка!
За долгую службу твою
Развалины старого замка
В наследство тебе отдаю.

А волку пустынное поле
В стране я оставил родной.
Ты, братец, насытишься вволю
Телами загубленных мной!»

И только он это промолвил,
Навеки закрыл он глаза.
И градом и стрелами молний
Ударила в землю гроза.

УЖ ТАК НА СВЕТЕ ПОВЕЛОСЬ...

В далеком детстве день-деньской
Мать беспощадною рукой
Меня лупила розгой.
Но быстро движутся года,
Пошел я в школу, и тогда
Мне стало еще хуже.

Не мог я чтенья одолеть.
Да вот пришлось! Иначе — плеть!
Противиться напрасно!
Так под побоями я рос,
Не оставляя светлых грез.
Но стало еще хуже.

Заботы юношеских лет:
Все денег, денег, денег нет.
Но деньги появились.
И потащила наконец
Меня бабенка под венец.
Тут стало вовсе худо!

Ах, распроклятая карга!
Я — муж, я — нянька, я — слуга,
Дрожу, от страха тая!
О, детства солнечные дни!
О, годы счастья! Где они?
Где розга золотая?!

ИОЗЕФ ЭЙХЕНДОРФ

(1788—1857)

КОЛЕЧКО

Мне чудится в долине
Далекий шум колес:
Услышу — и доныне
Сдержать не в силах слез.
Не ты ль свое колечко
Дала мне в час ночной?..
Зачем твое сердечко
Смеялось надо мной?
Пройти бы мне хотелось
По весям, по полям,
Сказать, как разлетелось
Колечко пополам,

Шарманщиком бродячим
Печально песни петь
Иль на коне горячем
В кровавый бой лететь,
Чтоб средь ночей холодных
Разлуку проклинять,
Вблизи костров походных
О милой вспоминать,

О мельнице в долине,
Где слышен шум колес...
Как вспомню, так доныне
Сдержать не в силах слез,

УТЕШЕНИЕ

Прекрасные песни спеты
Устами немецких певцов...
Где прежних времен поэты?
В могилах. В краю мертвецов.

Но коль над землей не увянут
Соцветия звездных огней,
Былые напевы воспрянут
В мелодиях новых дней.

Герои древних преданий,
Давно ваших замков нет.
Но каждой весной ранней
Струят развалины свет.

Бойцы покидают сцену,
Усталый, измотанный полк.
Но дети приходят на смену
И выполняют свой долг.

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

(1797—1856)

ЖАЛОБА СТАРОНЕМЕЦКОГО ЮНОШИ

Блаженны те, что честь хранят,
Презренны, что честь утратили!
Меня — несчастного юношу —
Сгубили дурные приятели!

Они завладели моим кошельком
Не в ту роковую минуту ли,
Когда они к картам меня подвели
И с грязными девками спутали?

И вот, когда я упился в дым,
Совсем потерявши голову,
Они меня — бедного юношу —
Швырнули на улицу голого.

А утром, очнувшись, почувал я —
Ползут по спине мурашки.
Сидел я — несчастный юноша —
В Касселе, в каталажке!

РАМПСЕНИТ

Лишь властитель Рампсенит
Появился в пышном зале
Дочери своей — как все
Вместе с ней захохотали,

Так и прыснули служанки,
Черным евнухам потеха;
Даже мумии и сфинксы
Чуть не лопнули от смеха.

Говорит царю принцесса:
«Обожаемый родитель,
Мною за руку был схвачен
Ваших кладов похититель.

Убежав, он мне оставил
Руку мертвую в награду.
Но теперь я раскусила
Способ действий казнокрада.

Поняла я, что волшебный
Ключ имеется у вора,
Отпирающий мгновенно
Все задвижки и запоры.

А затвор мой — не из прочных.
Я перечить не решилась,
Охраняя клад, сама я
Драгоценности лишилась».

Так промолвила принцесса,
Не стыдясь своей утраты.
И тотчас захохотали
Камеристки и кастраты.

Хохотал в тот день весь Мемфис.
Даже злые крокодилы
Добродушно гоготали,
Морды высунув из Нила,

Внемля царскому указу,
Что под звуки трубных маршей
Декламировал глашатай
Канцелярии монаршей:

«Рампсенит — король Египта,
Правя милостью господней,
Мы привет и дружбу нашу
Объявить хотим сегодня,

Извещая сим рескриптом,
Что июня дня шестого
В лето тысяча сто третье
До рождения Христова

Вор неведомый похитил
Из подвалов казначейства
Грудю золота, позднее
Повторив свои злодеяства.

Так когда мы дочь послали
Клад стеречь, то пред рассветом
Обокрал ее преступник,
Дерзкий взлом свершив при этом.

Мы же, меры принимая,
Чтоб пресечь сии хищенья,
Вместе с тем заверив вора
В чувствах дружбы и почтенья,

Отдаем ему отныне
Нашу дочь родную в жены
И в князя его возводим,
Как наследника короны.

Но поскольку адрес зятя
Неизвестен нам доселе,
Огласить желанье наше
Мы в рескрипте повели.

Дан Великим Рампсенином
Сентября двадцать восьмого
В лето тысяча сто третье
До рождения Христова».

Царь исполнил обещанье:
Вор обрел жену и средства,
А по смерти Рампсенина
Получил престол в наследство.

Правил он, как все другие.
Слыл опорой просвещения,
Говорят, почти исчезли
Кражи в дни его правленья.

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА

Как весело окна дворца Тюильри
Играют с солнечным светом!
Но призраки ночи и в утренний час
Скользят по дворцовым паркетам.

...В разубранном павильоне
Мария-Антуанетта
Торжественно совершает обряд
Утреннего туалета.

Придворные дамы стоят вокруг,
Смущенья не обнаружив.
На них — брильянты и жемчуга
Среди атласа и кружев.

Их талии узки, фижмы пышны,
А в ножках кокетства сколько!
Шуршат волнующие шелка,
Голов не хватает только!

Да, все — без голов!.. Королева сама,
При всем своем царственном лоске,
Стоит перед зеркалом без головы
И, стало быть, без прически.

Она, что носила с башню шиньон
И титул, который так громок,
Самой Марии-Терезии дочь,
Германских монархов потомок,—

Теперь без завивки, без головы
Должна — нет участи хуже! —
Стоять среди фрейлин незавитых
И безголовых к тому же!

Вот — революции горький плод!
Фатальнейшая доктрина!
Во всем виноваты Жан-Жак Руссо,
Вольтер и гильотина!

Но удивительно странная вещь:
Бедняжки — даю вам слово! —

Не видят, как они мертвы
И до чего безголовы.

Вся та же отжившая дребедень!
Здесь все как во время оно:
Смотрите, как смешны и страшны
Безглавые их поклоны.

Несет с приседаньями дама
Сорочку монаршей особе,
Вторая дама сорочку берет,
И приседают обе.

И третья с четвертой, и эта, и та
Знай приседают без лени
И госпоже надевают чулки,
Падая на колени.

Присела пятая — подает
Ей пояс. А шестая
С нижнею юбкой подходит к ней,
Кланаясь и приседая.

С веером гофмейстерина стоит,
Командуя всем парадом,
И за отсутствием головы
Она улыбается задом.

Порой любопытное солнце в окно
Посмотрит на все это чудо,
Но, старые призраки увидав,
Спешит убраться отсюда!

* * *

Юноша девушку любит,
А ей полюбился другой.
Но тот — не ее, а другую
Назвал своей дорогой.

За первого встречного замуж
Девушка с горя идет,
А юноша тяжело страдает,
Спасенья нигде не найдет.

История эта — не новость,
Так было во все времена.
Но сердце у вас разобьется,
Лишь с вами случится она.

ОГЛЯДКА

На милой земной этой кухне когда-то
Вдыхал я все запахи, все ароматы.
Знавал я такие восторги порой,
Каких ни один не изведал герой!
Пил кофе, пирожными я обедался,
С прекрасными куклами забавлялся
И в модном всегда щеголял сюртуке.
Дукаты звенели в моем кошельке.
Как Геллерт, крылатого гнал я коня,
Дворец восхитительный был у меня.
В долинах блаженства дремал я, бывало,
И солнце лучами меня целовало.
Лавровый венок мне чело обвивал
И грезы волшебные мне навевал.
Мечтанья о розах, о радостях мая
Тогда я лелеял, печали не зная.
Не думал о смерти, не ведал забот,
И рябчики сами летели мне в рот.
Потом прилетали ко мне ангелочки
С бутылкой шампанского в узелочке,
Но лопнули мыльные пузыри!
На мокрой траве я лежу, смотри —
Свело ревматизмом мне ноги и руки.
Душа скорбит от стыда и муки.
Все то, чем когда-то так счастлив я был,
Я самой ужасной ценой оплатил.
Отраву мне подливали в напитки,
Меня клопы подвергали пытке,
Невзгоды одолевали всюду.
Я должен был лгать и выклянчивать ссуду
У старых кокоток и юных кутил,
Как будто я милостыню просил.
Теперь надоело мне по свету шляться,
Теперь я в могиле хочу налегаться.
Итак, прощайте, собратья Христовы,
Надеюсь, в раю мы увидимся снова!

ГЕОРГ ГЕРВЕГ

(1817—1875)

ПЕСНЯ НЕНАВИСТИ

Вставай, вставай!.. В поход маня,
Рассвет трубит, тревожен.
Простись с женой! Седлай коня
И вырви меч из ножен!
Мы этот меч не спрячем вновь —
Иль света нам невзвидеть.
Мы слишком верили в любовь —
Пора и ненавидеть!

Любовь!.. Нас больше не спасут
Ее пустые зовы.
Верши же, ненависть, свой суд,
Рви, ненависть, оковы!
Тиранам гибель уготовь,
Себя не дай обидеть!
Мы слишком верили в любовь —
Пора и ненавидеть!

Пусть в сердце каждого из нас
Твой гневный жар не стихнет.
Все пересохло!.. Близок час —
Вселенский хворост вспыхнет!
Пусть злость всосется в нашу кровь,
Чтоб зорче глазу видеть.
Эй вы, кто верили в любовь,
Учитесь ненавидеть!..

Буди Германию! Зови!
Не ей — удел рабыни!
И выше славы и любви
Нам ненависть отныне!
Мы в ножны меч не вложим вновь —
Иль света нам невзвидеть!
И мы, кто верили в любовь!
Клянемся — ненавидеть!..

ФЕРДИНАНД ФРЕЙЛИГРАТ

(1810—1876)

ПРИНЦ ЛЮДВИГ ПРУССКИЙ

Вам, конечно, рассказали,
Как он бился на Заале
И погиб в бою потом.
Только вы, молокососы,
Вы не знаете, что косы
Срезал он своим мечом.

Ну, так вот. Труба трубила.
В Альтенбурге это было.
Шел кровавый Пятый год.
Людвиг-принц у фогта в доме,
Утопив заботу в роме,
Пил всю ночьку напролет.

С ним — полсотня командиров.
Блеск начищенных мундиров.
Пряжки. Ленты. Пояса.
Парики белей бумаги.
И у всех, подобно шпаге,—
Офицерская коса.

Зал гудел. Вино сверкало.
Блеск огней и звон бокала,—
Штаб-квартире гип-ура!
Скрипачи вовсю играли,
Старый Дуссек на рояле
Барабанил до утра.

Только чем наш принц встревожен?
Саблю выдернул из ножен:
«Эй, за дело, старики!
Форму мы переиначим!
Дуссек-брат, к чертям собачьим
Мне косицу отсеки!»

Под неистовство оркестра
Саблю в руки взял маэстро.
Сталь блеснула, как стекло.
Бледный принц с колен поднялся —
Рядом труп косы валялся...
Тридцать восемь лет прошло!

Туш!.. А сборище как грянет:
«Пусть земля ей пухом станет!
Со святыми упокой!»
Офицеры, в полном блеске,
Надоевшие привески
Рубят собственной рукой.

Есть свидетели живые,
Что той осенью впервые
Пала прусская коса.
В схватке дьявольской убитый,
Людвиг-принц с косою сбитой
Сам явился в небеса.

Он — такие ходят толки —
В орденах и в треуголке
Пал перед престолом ниц.
Но, увы, утратил косу.
И на это очень косо
Усмехнулся старый Фриц.

Нет косы!.. Урок бесценный
Дан кose в бою под Иеной.
Нынче вновь твердят о ней!
Пахнет духом столь знакомым!
Людвиг! Молнией и громом
Двинь по косам наших дней!

ИЗ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

XIX — начала XX века

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Наполеон был горд и смел.
Теперь он малость присмирел.
Он ходит спички продает,
А детвора ему поет:

— Бонапарт! Бонапарт!
На дворе сегодня март.
Всюду снег на крышах тает,
Император отступает,
Трясется на двуколке
В дырявой треуголке.

Са ира! Са ира!
На Москву он шел вчера
В ярости и в злобе,
Да застрял в сугробе.

Наполеон, Наполеон
Бежал домой без панталон!
Эй ты, Наполеончик!
Поешь-ка лучше пончик!

Гренадеры, гренадеры
Из России дали деру.
Грустная история!
Где же их «виктория»?

Немцы, русские и шведы
Заплясали в честь победы.
Эй, друзья-британцы!
Просим к нам на танцы!
Ядра, пушки и свинец
Не нужны! Войне — конец!

Робинзон, Робинзон!
В дальний путь пустился он
На воздушном шаре
С Пятницею в паре.

Распрекрасные французы
Носят красные рейтузы,
Золотые эполеты,
А едят они омлеты.

Доктор Лютер дорогой
Замахнулся кочергой:
Черт ему привиделся.
Лютер разобиделся,
Крикнул: «Эй, католики!
Все вы алкоголики!»

Католический священник
Заорал: «Молчи, мошенник!»
Завопила странница:
«Лютер, сам ты пьяница!»
Лютер тут нахмурился,
Взял да окочурился.

Папе римскому все хуже.
Он лежит в вонючей луже:
Меньше по количеству
Стало католичества.

В нарушение райских правил
Вдруг с Петром подрался Павел,
Петр, сидевший на горшке,
Стукнул Павла по башке.

Взял топор блаженный Павел —
Без башки Петра оставил,

Петр спросил: «Погиб ли я?..»
Пусть ответит Библия.

Стыд и срам!
Стыд и срам!
Жили Ева и Адам.
Ева пообедала.
Яблочка отведала.
Из-за этого плода
Вышла страшная беда:
Бог, обычно сдержанный,
Выбежал, рассерженный,
И сказал: «А ну, Адам,
Забирай свою мадам,
Чтоб не крала райские
Яблочки хозяйские».

«НАПЕВЫ НЕМЕЦКОЙ ШАРМАНКИ»¹

УЖАСАЮЩЕЕ УБИИСТВО

I

Был бал как бал. Сияли люстры в зале.
Ревели трубы. Пары танцевали.

Казалось: через край веселье било...
И лишь одну красавицу знобило.

К прелестной чернокудрой Леоноре
Закрались в сердце холод, страх и горе.

В ответ на просьбу молодого Франца
Она с ним покружилась в вихре танца.

Но рыцарь Кунц, увидев эту сцену,
Невинный танец принял за измену.

И, встав между колонной и стеною,
Кунц молвил Францу: «Следуйте за мною!»

¹ «Напевы немецкой шарманки» — название сборника пародийного фольклора, вышедшего в 1848 г.

II

Старинный парк был залит лунным светом,
Среди ветвей пел соловей фальцетом.
Тут Кунц возник между двумя дубами.
И, словно зверь, заскрежетал зубами.

В лучах луны сверкнула сталью шпага.
Был юный Франц блее, чем бумага.

«О добрый Кунц! Пока еще не поздно...»
«Трус, защищайся!» — Кунц воскликнул грозно.

«Что ж, коли мир меж нами невозможен,
Я тоже шпагу выдерну из ножен».

«Презренный пес!» — «Кровавая собака!»
В старинном парке загорелась драка.

А через пять минут в глухой печали
Два хладных трупа кровью истекали.

III

Едва лишь в зал донесся шум дуэли,
Как гости моментально побелели.

Все выбежали в парк, где у фонтана
Два хладных трупа стыли бездыханно.

Тут Леонора жутко задрожала:
«Виновна я! Я их не удержала!»

И, опустившись медленно на лавку,
Она схватила острую булавку,

На небеса в отчаянье взглянула
И ту булавку в грудь себе воткнула.

Кровь потекла горячею струею...
«Я вам обоим сделаюсь сестрою!»

И труп ее упал на оба трупа —
Ужасная образовалась группа...

О ревность, ревность! Людям в наказание
Несешь ты горе, слезы, скорбь, терзание,

Но к вам мы обращаемся с советом:
Самоубийством не кончать при этом,

РАЗБОЙНИЧЬЯ ПЕСНЯ

Мы — грозная шайка разбойников,
Людей превращаем в покойников.
Живем мы в дремучем лесу,
Кровавую жрем колбасу,
И кровью ее запиваем,
И песню свою запеваем:

«Появится конный иль пеший,
Хватай его! За ноги вешай!
И шкуру с него обдери,
А деньги его — забери!
До крови людской мы охочи,
Особенно в зимние ночи...
Ложитесь же вовремя спать
И в лес не ходите гулять».

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ КИТАЯ

Я приехал из Китая...
Богородица святая!
Хороша страна Китай:
Там не пиво пьют, а чай
И при этом курят опий,
Запрещаемый в Европе.

Император всекитайский
Утвердил порядок райский:
Он имеет десять жен,
Каждый чих его — закон,
А Пекин, его столица,
На него должна молиться,

Я поклон ему отвесил,
Но правитель был невесел.
Полицейских вызвав рать,
Он велел меня забрать.
Тут меня, конечно, взяли,
Посадили в каземат"
Под охраною солдат.

Трое суток я томился.
Вдруг какой-то чин явился:
«Мы вас выдворить должны
Из китайской стороны!»

Возражать ничуть не стал я.
До свидания, Китай!
Слава господу, попал я
Вновь в родной германский край.
Всюду кирхи да казармы,
Офицеры и жандармы.
С восхищением свою
Я отчизну узнаю...

Вольный воздух европейский!
Вдруг подходит полицейский,
И, жандармов вызвав рать,
Он велит меня забрать.
Трое суток я томился.
Вдруг какой-то чин явился.
«Расскажите для суда,
Как вы прибыли сюда...»

«Я приехал из Китая...»
«Богородица святая! —
Весь в слезах воскликнул чин, —
Вас изгнали без причин.
Ах, ах, ах! Постичь едва ли
Европейскому уму,
Чтобы запросто сажали
Невиновного в тюрьму.
Это очень трудно даже
Человека посадить...»
И приказывают страже
Вмиг меня освободить.

Все в порядке! Боже мой!
Я бегу к себе домой...
Что за светопреставление!
В доме — грязь и запустенье,
И, разлукой сражена,
Спит в гробу моя жена...

Я приехал из Китая...

ПОЭЗИЯ

XX ВЕКА

ГЕРХАРТ ГАУПТМАН

(1862—1946)

* * *

Приди и властвуй, Новый год
от дня рождения Христова,
во имя счастья всеземного
сплотив наш человеческий род!

Твой путь снегами занесен,
но за невидимой чертою
ты лучезарно осенен
господней милостью святою.

Полвека и пять лет пройдет,
и год двухтысячный займется,
и новым чудом превзойдет,
что чудом исстари зовется.

Вот белые кружатся мухи,
чтоб молча на землю упасть.
То — силы зла, то — смерти духи,
над всеми их немая власть!

Но только ты, новорожденный,
ты, самый первый день в году,
от злобных чар освобожденный,
любую сокрушишь беду.

И, вызов бросивши испугу,
шагнешь отважно в божий свет,
где жизнь и смерть нужны друг другу
и зря дрожать — резона нет!

Итак, вперед, о Новый год,
надеждой сладостной всеилен:
в священной битве рухнет гнет,
грядущий урожай обилен!

Чем беспощадней приговор,
тем жить отрадней убеждением,
что славой сменится позор,
падение в бездну — восхождением.

И дни, выстраиваясь в ряд,
смыкаясь с дальним новым годом,
среди зимы весну таят
и летним дышат плодородьем.

Вино осеннее бурлит...
Движенья дней угодны богу....
И все зовет и все велит:
Вперед! Вперед! Вперед! В дорогу!..

*Агнетендорф,
1 января 1945 г.*

ФРАНК ВЕДЕКИНД

(1864—1918)

БРИГИТТА Б.

Бригитта Б. была невинна,
Нежна, застенчива, мила
И продавщицей магазина
В прекрасном Бадене была.

Хозяйка девушку любила,
Хоть нрав мадам и крут и строг,
А муж хозяйки — заправила
В центральном ведомстве дорог.

Но вот невинную голубку
К себе хозяйка позвала,
Чтоб та какую-то покупку
В дом баронессы отвезла.

Лишь вышла за город Бригитта,
Как некий тип — навстречу ей:
«Моя душа тобой разбита,
Я погибаю, будь моей!»

Из состраданья к прохиндею
Бригитта отдалась ему.
Он все, что надо, сделал с нею,
Схватил товар и — шасть во тьму!

Про этот случай без утайки
Бригитта, плача и казнясь,
Поведала своей хозяйке,
Та к ней с участием отнеслась,

Внимала не без интереса.
Но вдруг поняв: пропал турнир,
Что заказала баронесса,—
Вскипела: «Это — чересчур!»

Бригитта умереть готова,
Всю боль вложив в свой горький всхлип...
Но ту же ночь с Бригиттой снова
Провел в постели тот же тип...

Когда же в троицу, на праздник,
Все укатили на пикник,
Тот расторопный безобразник
К Бригитте с вечера проник.

Он осмотрел не без вниманья
Дом — от столов до сундуков,
Сказал Бригитте: «До свиданья!»,
Очистил сейф — и был таков!

Что это?! Связь с преступной шайкой?
А может, поворот в судьбе?..
Но, чтоб не встретиться с хозяйкой,
Сбежала прочь Бригитта Б.

Позавчера ее поймали.
Дурная кончилась игра,
Почти забавная вначале...
Любовник схвачен был вчера,

ПАУЛЬ ЦЕХ

(1881—1946)

ЛИШЬ ПОВИНУЯСЬ ВОЛЕ ПАВШИХ...

Лишь повинуюсь воле павших,
в себе мы силу жить нашли.
Вскипела кровь в сердцах уставших —
ужасен крик из-под земли!

И только тот, кто с ними слился
на крайней грани бытия,
все отдал им, всем поделился,
забыв про собственное «я»,

тот станет зрячим, мудрым, вещим,
не уstraшитcя ничего,
и даже тайнам тайн зловещим
теперь не скрыться от него.

И в каждом выстреле и стуке,
звучащем в черноте ночной,
услышит он, как стонет в муке
кровоотачающий шар земной.

ИОАХИМ РИНГЕЛЬНАЦ

(1883—1934)

АФИШНЫЕ ТУМБЫ

Афишные тумбы, возможно,
В чем-то сродни маякам:
Их дождь поливает безбожно,
Ветер сечет по бокам.

Но как их пестро наряжают!
И средь городской кутерьмы
Сулят они, ржут, угрожают
И лгут еще хлеще, чем мы.

Приходит злодей спозаранку
И варварски, как говорят,
Срывает, поставив стремянку,
Нарядный афишный наряд.

Затем с вдохновенной отвагой
Он кисть и ведро берет,
Чтоб новою пестрой бумагой
Оклеить им зад и перёд.

Театр... Выставка... «Все для невесты...»
Сигары... Убийство... Режим...
Спорт... Церковь... Протезы... Протесты...
Рисунки и подписи к ним.

Нет, я в облаках не витаю:
Все важным я здесь нахожу,
И все, что я здесь прочитаю,
Я дома жене расскажу.

Стихов не постиг ее разум,
Ей книги даются с трудом,
Но, внемля этим рассказам,
Она говорит мне: «Идем!»—

Туда, где средь ливней шквальных
Афишные тумбы стоят
И много проблем весьма актуальных
Для любознательного современного человека
в себе таят,

МАЛЕНЬКИЕ АКТЕРЫ

О викчемных маленьких актерах
С нежностью я думаю всегда,
О жрецах искусства, для которых
Ничего нет выше их труда.

Их, в программках набранных петитом,
Да и не известных никому,
Не терзает зависть к знаменитым.
Сами не ответят почему.

Попранные грубым самомнением,
Театром лишь поглощены одним...
Но зато с каким благоговеньем
По ночам девчонки внемлют им!

В старых временах они застряли,
Их порывам крыльев не дано,—
Только сберегли, не растеряли
То, что мы растратили давно.

Честность — это высшее искусство,
Дар священный — быть самим собой.
Пусть же вам за бескорыстность чувства
Будет щедро воздано судьбой!

РОБКОЕ СЛОВО

Жило
Робкое слово...
Оно
Было случайно обронено,

В испуге тотчас под диван
Забилось,
Где и забылось...

Потом было вот что:
В субботу рано,
При выколачиванье дивана,
Слово
Берте в левое ухо
Влетело...
(Левое было глухо.)

Но тут внезапный порыв ветерка
Слово вынес под облака,
И слово
Пристроилось — прямо с лёта —
В полупустой голове пилота.
Затем,
Очевидно, не выдержав качку,
Упало вниз оно,
На батрачку,

Обнимаемую батраком,
При этом плакавшую тайком,
Слово
Ресницы ей осушило,
Как будто именно к ней спешило,
Чтоб просветлело ее лицо,

Но тут литератор заметил словцо,
Звучавшее искренне, хоть и тихо.
Раздул, разodel, разукрасил лихо
И преподнес его, как на блюде:
Нате, мол, ешьте, добрые люди!..

И жалкое, бедное
Слово,
Дрожащее,
Испорченное, будто ненастоящее,
Пошло скитаться по белу свету,
Пока не досталось оно поэту,
Который бережно перенес
Его
В свое дарство волшебных грез...

Вдруг является пародист,
Он был предприимчивый малый.
Достал из портфеля бумажный лист.
Словцо осмотрел: «Подойдет, пожалуй!..»
Смешал его
С дерьмом и ядом,
С мелодийкой,
Содранной у какой-то бездарности.
И слово пошло колесить по эстрадам,
Достигнув вершин популярности.

Теперь оно громко звучит «в народе»
И все же
Не изменило своей природе,
И в новом обличье, и в новой коже.
Таится в самой его сердцевине
Нечто никем не расслышанное,
Так и не узнанное доньше,
Робкое и возвышенное.

ЭРНСТ ШТАДЛЕР

(1883—1914)

ВРЕМЯ ЗАКРЫТИЯ МАГАЗИНОВ

Семь... Это время закрытия магазинов.

Из полутемных подъездов, из узких ущелий дворов, из
гигантских пассажей и павильонов, прилавки покинув,
Идут продавщицы домой. Почти незрячие, еще оглушенные,—
целый день в заточенье: духота, толкотня, шум, ор,—
Они выходят в летний дурманящий вечер, в его
возбуждающий, чуть сладострастный, распахнутый
настежь простор.

И тогда, кажется, начинают звенеть веселей и светлеть
мрачные трамваи, изнемогшие от немислимых

перегрузок,

И улицы до отказа наполнены смехом девушек, а тротуары
расцвечены бесчисленным множеством пестрых блузок...
Клопочут улицы, пенятся, как пенится море, в которое
Врывается с молодым напором река, грохочущая, бурная,
неуемная, скорая.

Над безразличьем, над серостью, над похожестью
однообразных прохожих

Торжествует многоцветье, многообразие, многозвучье
судеб, друг с другом не схожих!

И тают тяготы дня, и заботы сходят на нет, повинаясь
кипению ярому,

Как если бы через несколько часов все опять не пошло бы
по-старому!

Если б не ждали этих нарядных девушек пригородные
кварталы, закоулки, глухие задворки,

Усталые родители с плачущими малышами, скудный ужин,
сырые каморки,
И короткий сон,— ах, что снилось, когда бы вы знали,
вставать не хотелось, так было сладко! —
Все это ждет их... Вечер, как зверь, поджидающий жертву.
И у этого зверя — мертвая хватка.
Даже самых счастливых, что под руку с другом идут, чуть ли
не пританцовывая,
Ожидает такое же одиночество, та же мерзость и серость
свинцовая,
И среди пестрой толпы,— летний город словно пылает
гвоздиками,—
Страх пугает их страшными масками, мертвыми ликами,
И, прижавшись плотнее к друзьям, руки они ищут
спасающей,
Словно старость пришла и нависла над ними незримо,
как день угасающий.

ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР

(1884—1958)

ПЕСНЯ ПАВШИХ

Мы здесь лежим, желты, как воск,
Нам черви высосали мозг.
В плену могильной немоты
Землей забиты наши рты,
Мы ждем ответа!

Плоть наша — пепел и труха,
Но, как могила ни глуха,
Сквозь глухоту, сквозь сон, сквозь тьму
Вопрос грохочет: «Почему?»
Мы ждем ответа!

Пусть скорбный холм травой зарос,
Взрывает землю наш вопрос.
Он, ненасытен и упрям,
Прорвался из могильных ям.
Мы ждем ответа!

Мы ждем! Мы только семена!
Настанут жатвы времена.
Ответ созрел. Ответ идет.
Он долго медлил. Он грядет,
Мы ждем ответа!

ЯКОБ ВАН ГОДДИС

(1887—1942)

КОНЕЦ СВЕТА

Сегодня на ветру не постоишь,—
Уносит шляпы!.. Что за наважденье!
В газетах пишут: всюду наводнение,
Срывает ветер черепицу с крыш,

Моря взбесились. Шалая вода
Смыкает дамбы, затопив заставы,
Все кашляют, чихают... Ах, беда!
С мостов под насыпь валятся составы,

ГЕОРГ ГЕЙМ

(1887—1912)

РОССИЯ

За Верхоянском, средь безлюдной мглы,
На каторжные загнаны работы,
Угрюмые бредут седые роты,
И день и ночь гремят их кандалы.

Но роты молчат. Мы их не слышим речи,
Лишь в рудниках стоит неясный гул...
Вооружен бичами караул.
Удар! Худые вздрагивают плечи...

Колонны возвращаются в бараки.
Луна — тусклей ночного фонаря.
Идут в снегу протоптанной тропюю.

Им зарево мерещится во мраке
И на шесте, над страшною толпою,
Отрубленная голова царя!

КУРТ ТУХОЛЬСКИЙ

(1890—1935)

ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Отец убит, и брат убит,
другой в плену томится.
А мать все плачет, все скорбит;
ну, как нам прокормиться?

И мы стоим, молчим стоим,
мы боль и ненависть таим,
все знаем, все мы видим —
и ненавидим!

Мы ненавидим прусский дух,
смесь лжи и пошлых истин,
и — кто на падали разбук —
орел нам ненавистен!

Он, с треском полетев с гербов,
оставил нам сирот и вдов.
Как из нужды мы выйдем?
Мы ненавидим!

Признайся, брат, не ты ли сам
с покорностью бараньей
служил преступным этим псам
и пал на поле брани?

Нас лихорадит, нас трясет,
нас только ненависть спасет —
иль света мы невзвидим,
Мы ненавидим!

Их мало, нам же — несть числа.
Взвей к небу наше знамя!
С земли сметем, сожжем дотла
убийц, кто правил нами!
Во мгле, в грязи, в беде, в крови —
мы не погибли для любви.
И клятву в сердце врубим:
Мы любим!

ТРЕТИЙ РЕЙХ

Высокий нужен идеал
тебе, германский муж,
чтоб ты бодрей маршировал,
приняв холодный душ.
Сердца германские зажглись
восторгом небывалым:
мы наконец обзавелись
достойным идеалом.

Первый рейх — ерунда,
рейх второй — ерунда!..

Мы ответим:

лафа — только в третьем!

А ну, скорей, а ну, сюда,
в третий рейх, господа!

Мы не хотим быть просто массой,
хотим быть избранною расой,
германской расой, расой рас,
и дух германский прет из нас!

Мы почвенны, а не безродны,
мы больше, чем народ, народны.

Кто в эту истину не вник,
тот пацифист и большевик!

Что? Третий рейх?

Ну, конечно — да!

Пожалте, скорей! Пожалте, сюда,
господа!

В третьем рейхе — сплошное счастье.
Мы вырвем братьев из волчьей пасти,
чтоб поселить среди немцев немецких
немцев баварских и немцев судетских,
немцев бельгийских и немцев датских...

И — грянет грохот сапог солдатских!
На мир — плевать! Все мы дышим боем!
Ведь мы без войны ничего не стоим.

Третий рейх нам вроде родного дома,
где все так дорого, так знакомо:
сабля, плетка, розга, указка,
орден, мундир, жандармская каска...
На всей подвластной нам территории
мы вспять повернем колесо истории,
а не повернется история вспять,
мы хором воскликнем: «Отчизна-мать!»
Ну, а перед лицом войны
в третьем рейхе все равны.
Все мы арийцы — кашубы и венды...
Мы делим поровну дивиденды!
Позвольте! А как же тогда пролетарии?!
О! В третьем рейхе они — не парии,
счастливчики бога благодарят
каждое утро
и говорят:
«Хоть мы та же самая серая масса,
все так же — ни денег, ни хлеба, ни мяса,
все так же нас голод сжирает живьем,
зато
мы в третьем рейхе живем!»
Итак, процветай, возрожденная нация!
Что это: мистика?
Мистификация!

ПОЭТЫ ГДР

ЭРИХ ВАЙНЕРТ

(1890—1953)

ИМПЕРСКИЙ ПОЭТ

В архив сдан Гете, не в почете Шиллер,
Лауреатства Манны лишены.
Зато вчера безвестный Ганс Душилер
Достиг невероятной вышины,
Назначенный «певцом родной страны».

В его стихах грохочет шаг парада.
Грамматикой он их не запятнал.
Ганс интеллектом сроду не страдал.
Как Вессель, он строчит бандитирады.
В них — кровь и пламя, в них звенит металл...

Не знает Ганс, что значат муки слова —
Слова он в книге фюрера найдет,
К чему сидеть все ночи напролет?
Два пруссаизма вставлены толково —
И вот стихотворение готово.

Он пишет кровью. (Кровь, согласно штата,
От «государства» получает он.)
Гремит строка, взрываясь, как граната,
Он ловко достигает результата,
Сварив рагу из пушек и знамен.

В былые трижды проклятые дни
Канальи, что в редакциях сидели,

Душилера печатать не хотели
И возвращали гению они
Его проникновенные изделия.

А ну, попробуй откажи теперь,
Когда особым фюрерским декретом
Имперским он провозглашен поэтом.
Его отныне новой мерой мерь!
И проникает он в любую дверь.

Ведь никому погибнуть неохота —
Печатают! Невиданный тираж!
И Ганс Душилер входит в дикий раж.
Пропахнув запахом мужского пота,
Его стихи шагают, как пехота.

Там, на Парнасе, прозябает лира.
Душилеру властями отдана,
Свой прежний тон утратила она.
Ах, будь ты первым стихотворцем мира —
Что толку в том? Перед тобой — стена.

Но Ганс Душилер — тот себе живет,
На холм священный взгромоздясь умело.
И лира, что когда-то пела,
Теперь в руках его ревет.
Сидит Душилер, струны рвет.
Душилер знает свое дело.

«СВЕРХЧЕЛОВЕК»

Таможенный чиновник, писарь старший,
Начальник почты, что доселе мог
Распоряжаться разве секретаршей,
Сейчас герой, хозяин, полубог.

Но пусть пророк наш новоиспеченный
Не мнит, что он владычества достиг, —
Он тот же раб, он тот же подчиненный,
Который жаждет подчинять других.

Он, поднятый к правительственным высям,
Достигший положения князей,

При всем при том отнюдь не независим
И даже рад ничтожности своей.

Иной порядок для него немыслим:
Ему во всем приказ необходим.
Должно толчок его делам и мыслям
Давать лицо, стоящее над ним.

Он свято верит в силу дисциплины
И признает религию, любя
Удобнейшего «бога из машины»,
Чтобы свалить ответственность с себя.

Отравлен он мистической отравой,
Опутан предрассудками веков
И потому страшится мысли здоровой,
Срывающей с безумия покров.

Но лишь рабы его подвластны воле —
Свободных он не подчинит людей.
Ведь рангом отличаются, не боле,
Сверхчеловек и низменный лакей.

Одна и та же страсть у них от века:
Давить и быть давимым — их закон.
С великим рвением до сверхчеловека
Своим лакейством дослужился он.

ПОПУТЧИК

Итак, это я — господин фон Папен,
Чья совесть без пятен и без царапин.
А что до того, что было тогда,
То я был попутчиком, господа!
Попутчиком маленьким, скромным, уютным,
В их строй занесло меня ветром попутным.
А коль занесло, то я шагал.
Но как я при этом изнемогал!
Ведь выхода не было иного.
Но я не свершил ничего дурного,
Чем отличался от всех остальных...
За что ж я сижу на скамье среди них?!

Лишь фюрер в ином оказался мире,
С меня словно сняли пудовые гири:
Попутчику надо за кем-то идти,
А тут вдруг ни путника, ни пути!
В силу изложенной ситуации
Прошу о скорейшей реабилитации,
Чтоб, доказав свою чистоту,
Я на достойном и скромном посту
Мог применить свои опыт и знания,
Став канцлером новой нацистской Германии.

ИОГАННЕС БЕХЕР

(1891—1958)

Я — НЕМЕЦ

I

Я — немец. Пусть дозволено глупцам
Меня лишать гражданства в озлобленье.
Я прав своих гражданских не отдам.
И если завтра спросят поколения:

«Скажите, кто в немыслимые годы
Германию так мучил и давил?» —
Тогда решите вы, сыны народа,
Кто не был немцем и кто немцем был.

Корнями врос я в грунт моей державы
Наперекор кипенью непогод.
Там среди гор, как символ вечной славы,
Высокий дуб над кручею растет.

Надежно защищен корою твердой,
Ветвями раздирая мрак ночной,
Стоит он, нестигаемый и гордый,
Самих небес касаясь головой...

Я — немец. Пусть дозволено глупцам
Меня лишать гражданства в озлобленье.
Не встану перед ними на колени
И прав своих гражданских не отдам!

И знаю — будет лучший день на свете:
Народ проснется, к жизни возрожден.
Растет наш дуб и, устремясь в столетья,
Шумит листвою на ветру времен!

II

Я — немец... Да! В немецкой стороне
Родился я и не скорблю об этом.
Я — немец. И самой судьбою мне
Начертан путь — немецким стать поэтом.

С народом я всю боль его делил,
Тысячелетний гнет, что так огромен.
И не казался, а на деле был
Родной народ трудолюбив и скромн.

И я гордился участью своей!
Растил в народе добрые начала,
Вникая сердцем в суть его речей.
И речь народа, словно песнь, звучала.

Но злобно бушевали вокруг меня
Захватчики, дельцы и шарлатаны.
Они кричали: «Силою огня
Мы, немцы, покорить должны все страны!»

Нет, их за немцев я признать не мог!
И я расстался с их гнездом осиным.
Тому, кто грабит вдоль чужих дорог,
Не буду я вовек согражданином!

Я — немец. Но я знаю: немцем быть —
Не значит в муки повергать полсвета.
От этих немцев мир освободить —
Вот в чем я вижу высший долг поэта.

Мне ваша боль и ненависть ясна,
Вы все, кто стонет под немецким гнетом!
И ненависть и скорбь у нас одна.
Наш общий гнев — к отмщению зовет он!

Запомним преступления врагов,
Единый враг у нас сегодня с вами.
Пусть с вашим зовом мой сольется зов.
Мы вместе плачем общими слезами.

Настанет день, когда и мой народ
Поднимется, чтоб сбросить власть тиранов.

Затем живу, что верю: день придет,
Он засияет — поздно или рано.

И в этот день, который в каждом сне
Нам грезится сквозь мрак и непогоду,
Дано святое право будет мне:
«Я — НЕМЕЦ!» — гордо возвестить народу!

ГДЕ БЫЛА ГЕРМАНИЯ...

Как много их, кто имя «немец» носит
И по-немецки говорит... Но спросят
Когда-нибудь: «Скажите, где была
Германия в ту черную годину?
Пред кем она позорно гнула спину,
Свою судьбу в чьи руки отдала?»

Быть может, там, во мгле она лежала,
Где банда немцев немцев угнетала,
Где немцы, немцам затыкая рот,
Владыками себя провозглашали,
Германию в бесславный бой погнали,
Губя свою страну и свой народ?

Назвать ли тех «Германисей» мы вправе,
Кто потянулся к дьявольской отраве,
Кто, опьянев от бешенства и зла,
Нес гибель на штыке невинным детям
И кровью залил мир? И мы ответим:
— О нет, не там Германия была!

Но в камерах тюремных, в казематах,
Где трупы изувеченных, распятых
Безмолвно проклинают палачей,
Где к отомщению призывает жалость,
ТАМ новая Германия рождалась,
ТАМ билось сердце родины моей!

Оно стучало там, за той стеною,
Где узник сквозь молчанье ледяное
Шагал на плаху, твердый как скала.
В немом страданье матерей немецких,

В тоске по миру, в тихих песнях детских —
О, ТАМ моя Германия была.

Ее мы часто видели воочью,
Она являлась днем, являлась ночью
И молча пробиралась по стране.
Она в глубинах сердца созревала,
Жалела нас, и с нами горевала,
И нас будила в нашем долгом сне.

Пускай еще в плену, пускай в оковах,
Она рождалась в наших смутных зовах,
И знали мы, что день такой придет:
По воле пробужденного народа
Восторжествуют правда и свобода
И родину получит мой народ!

Об этом наши предки к нам зывали,
Грядущее звало из светлой дали:
«Вы призваны сорвать покровы тьмы!»
И, неподвластны ненавистной силе,
Германию в себе мы сохранили
И ею были, ею стали — Мы!

ДЕТСКИЕ БАШМАЧКИ ИЗ ЛЮБЛИНА

Средь всех улик в судебном зале
О них ты память сохрани!
Так было. Молча судьи встали,
Когда вступили в зал они.

Шел за свидетелем свидетель,
И суд, казалось, услышал,
Как вдалеке запели дети
Чуть слышно траурный хорал.

Шагали туфельки по залу,
Тянулись лентой в коридор.
И в строгом зале все молчало,
И только пел далекий хор.

Так кто ж им указал дорогу?
Кто это шествие привел?..

Одни еще ходить не могут
И спотыкаются о пол,

Другие выползли из строя,
Чтоб хоть немного отдохнуть
И дальше длинной чередой
Сквозь плач детей продолжить путь.

Своей походкою поспешной
Шли мимо судей башмачки,
Так умирительно потешны,
Так удивительно легки,

Из кожи, бархата и шелка,
В нарядных блестках золотых,
Подарок бабушки на елку —
Сюрприз для маленьких франтих.

Одни сверкают сталью пряжек,
В помпонах ярких... А иным.
Был путь далекий слишком тяжек,
И злобно дождь хлестал по ним.

...Мать и ребенок. Вечер зимний,
Витрины светятся светло.
«Ах, мама! Туфельки купи мне!
В них так удобно, так тепло!»

Сказала мать с улыбкой горькой:
«Нет денег. Где мы их найдем?»
И вот несчастные опорки
По залу тащатся с трудом,

Чулочек тянут за собою
И дальше движутся во тьму...
...О, что за шествие такое?
И этот смутный хор к чему?..

Они идут. Не убывает
Неисчислимый, страшный строй.
Я вижу — кукла проплывает,
Как в лодке, в туфельке пустой.

А вот — совсем другая пара.
Когда-то эти башмаки

Гоняли мяч по тротуару
И мчались на перегонки.

Ползет пинетка одиноко —
Не может спутницу найти.
Ведь снег лежал такой глубокий,
И та замерзла по пути.

Вот пара стоптанных сандалий
Вступает тихо в зал суда.
Они промокли и устали,
Но все равно пришли сюда.

Ботинки, туфельки, сапожки
Детей бездомных и больных.
Где эти маленькие ножки?
Босыми кто оставил их?..

Судья прочтет нам акт печальный,
Число погибших назовет.
...А хор далекий, погребальный
Чуть слышно в сумраке поет.

...Бежали немцы на рассвете,
Оставив с обувью мешки.
Мы видим их. Но где же дети?
...И рассказали башмачки.

...Везли нас темные вагоны,
Свистел во мраке паровоз,
Во мгле мелькали перегоны,
И поезд нас во тьму привез.

Из разных стран сюда свезли нас,
Из многих мест в короткий срок.
И кое-кто пути не вынес,
И падал, и ходить не мог.

Мать причитала: «Три недели...
Судите сами... путь тяжел.
Они горячего не ели...»
С овчаркой дядя подошел:

«О, сколько прибыло народа!
Сейчас мы всем поесть дадим.

Здесь горевать вам не придется!..»
Вздымался в небо черный дым.

«Для вас-то мы и топим печки.
Поди, продрогла, детвора?
Не бойтесь, милые овечки,
У нас тут в Люблине жара!»

Нас привели к немецкой тете.
Мы встали молча перед ней.
«Сейчас вы, крошки, отдохнете.
Снимите туфельки скорей!

Ай-ай, зачем же плакать, дети?
Смотрите, скоро над леском
Чудесно солнышко засветит
И можно бегать босиком.

Ох, будет здесь жара большая...
А ну, в считалочки играть!
Сейчас я вас пересчитаю:
Один. Два. Три. Четыре. Пять...

Не надо, крошки, портить глазки,
Утрите слезки, соловьи.
Я — тетя из немецкой сказки,
Я фея, куколки мои.

Фу, как не стыдно прятать лица!
Вы на колени пали зря.
Встать! Нужно петь, а не молиться!
Горит над Люблином заря!»

Нам песенку она пропела
И снова сосчитала нас,
А в доме, где заря горела,
Нас сосчитали в третий раз.

Вели нас, голых, люди в черном —
И захлебнулся детский крик...
...И в тот же день на пункте сборном
Свалили обувь в грузовик.

Да. Дело шло здесь как по маслу!
Бараки. Вышки. Лагеря,

И круглосуточно не гасла
В печах германская заря...

Когда, восстав из гроба, жертвы
Убийц к ответу призовут,
Те башмачки в отрядах первых
Грозой в Германию войдут.

Как шествие бесчисленных гномов,
Они пройдут во тьме ночей
Из края в край, от дома к дому
И все ж отыщут палачей!

Проникнут в залы и в подвалы,
Взберутся вверх, на чердаки...
Убийц железом жуть сковала:
Стоят пред ними башмачки!

И в этот час зарей зажжется
Свет правды над страной моей...
...Хорал печальный раздается,
Далекий, смутный плач детей.

Лицо убийц открылось людям,
Виновных в зверствах суд назвал.
И никогда мы не забудем,
Как башмачки вступили в зал!

ЗАВЕЩАНИЕ ПОЭТА

Когда придет мне время мир оставить,
В последний час прощания с людьми
Еще раз дай, земля, тебя прославить
И ты тогда к себе меня прими.

Пусть надо мною колокол не стонет,
Не говорят торжественных речей —
Пусть тихо и спокойно похоронят
И труд при этом не прервут ничей.

На камне дата, а над нею — имя.
Ты здесь со мной, начало всех начал!

Ты овладела тайнами моими,
Я лишь тебя одну не потерял.

Последнее с землей соединенье —
Вот в чем залог бессмертья, может быть.
Как вечность именуется? Забвенье,
Хвала тому, кто смог себя забыть,

ПРЕКРАСНАЯ НЕМЕЦКАЯ ОТЧИЗНА

Когда говорят
О красотах отчизны,
Следует помнить
О красоте человека.

Люди тогда лишь красивы,
Когда прекрасен созданный ими порядок,
Когда общество так же прекрасно
И жизнь хороша.

Об этом думайте!
Напоминайте об этом!

Да что б означала
Красота вековой природы,
Если б при всей красоте
Изнывал бы в беде человек?

О, как прекрасны
Седые альпийские горы,
Темная зелень лужаек,
Чистая влага ручьев!
Белые эдельвейсы
Манят на лоно природы...
Но средь той красоты,
Окруженный колючим забором
С электрическим током
И вышками сторожевыми,
Расположен был
Концентрационный лагерь...
И тогда казался ужасным
Этот альпийский пейзаж.

И красота, окаймлявшая лагерь,
Была издевательской,
Мертвой,
Ненужной...

Ведь там лишь прекрасна отчизна,
Где порядок жизни прекрасен,
Где прекрасно устройство людей
И прекрасен сам человек.

Красота нераздельна,
Красота отличается цельностью.

Пойте хвалебные гимны
Цельности красоты!

К СЕМИ УЖЕ ТЕМНЕЕТ...

К семи уже темнеет... Это
Идет зима, уходит лето.
Что делать, друг?.. Зажги-ка свет!
Мрак для раздумья предназначен,
Когда ты сам, как сумрак, мрачен,
Но правду мрак не скажет, нет.

Бывало, радость от печали
Мы в темноте не отличали.
Мне нужен свет! Когда светло,
То правду с кривдой разлучаешь,
Где высь, где бездна — различаешь
И за добро не примешь зло.

Мне нужен свет, чтоб постараться
В перазберихе разобраться
И не блуждать... Пусть свет горит,
Чтоб за беседою ночною
Я видел рот, каким со мною
Мой собеседник говорит.

Пусть руки мне его покажут!
Что рот смолчит — они доскажут
В смятенье, в радости, в мольбе,

О, приглядишься к их разговору:
То уползают, словно в нору,
То устремляются к тебе.

Мрак — это страх плетет тенета.
Свет — избавление от гнета.
Вы, звезды в сумраке ночном!
Когда вы светите, мерцая,
Себя я взором проницаю,
Мощь находя в себе самом...

...К семи часам темно без света.
Так жизнь уходит, песня спета,
И сумрак зеркало застлал.
Зажги же свет! И будешь прав ты,
И станешь отраженьем правды,
Вглядевшись в тысячи зеркал!

БЕРТОЛЬТ БРЕХТ

(1898—1956)

ИЗГНАНИЕ ПОЭТОВ

У Гомера не было дома,
Данте
заставили покинуть свой дом.
Ли Бо и Ду Фу
скитались сквозь бред
гражданских междоусобиц,
унесших тридцать миллионов жизней.
Умирающему Шекспиру
зажали рот.
Франсуа Вийона
искала не только слава,
но и полиция.
Прозванный *Милым*, Лукреций
ушел в изгнание.
И Гейне тоже ушел.
И скрывался Брехт
под соломенной датскою крышей.

ЕЛИ

На рассвете
ели кажутся медными...
Таковыми видел я их
полстолетия назад,
перед двумя мировыми войнами,
молодыми глазами,

ЖЕЛЕЗО

Сегодня ночью во сне
видел сильную бурю.
Она сотрясала строенья,
железные рушила балки,
снесла железную крышу.
Но все, что было из дерева,
гнулось и уцелело,

ЗВУКИ

Поздней ночью
гнездятся на тополях
огромные стаи ворон.
Но целое лето, поскольку
местность свободна от птиц,
я слышу только людей.
И доволен.

СОБАКА

Садовник сказал мне: «Ваш пес
ловок, умен
и куплен
с целью охраны садов.
А вы его воспитали
по несуразному принципу:
«Собака — друг человека».
Не понимаю, за что
он получает жратву?»

НЕЛЕГКИЕ ВРЕМЕНА

Стоя за письменным пультом,
я вижу через окно
в саду моем куст бузины —

смешение черного с красным.

И мне вспоминается вдруг

куст бузины моей юности, в Аугсбурге

Много минут я стою в самом серьезном

раздумье:

пойти ли к столу за очками,

чтобы еще раз увидеть

черные ягоды на ярко-красных ветвях?

ЛУИС ФЮРНБЕРГ

(1909—1957)

ВСТРЕЧА С РИЛЬКЕ (Шато-де-Мюзю-сюр-Сьер)

Знать, что он есть! И что Шато-Мюзю
здесь, на земле, а не в надзвездном царстве!
Скорее в путь! Спешу узреть его:
твоя душа нуждается в лекарстве.
Ты — безымянный, ты — не Валери,
но он приветлив, что ни говори.

И вот уже ты едешь, ты летишь,
терзаешься сомненьями в дороге.
Тебя снедают страхи и тревоги,
ты сам себе с укором говоришь:
«Ничтожество! Опомнись! Он ведь бог!
Постой, тебя не пустят на порог!»

Вокзал... Ты прибыл... Крохотный отель...
Грохочет по будыжнику пролетка...
Вот башня... Вот чугунная решетка...
Еще есть время! Уходи, пока
ты не нажал на пуговку звонка!

Вдруг настежь дверь — и он перед тобой
возник внезапно собственной персоной
С платком на голове... Немного сонный...
«Откуда вы узнали адрес мой?
Прошу войти...» Взволнованный до слез,
ты в дом вступаешь сквозь шпалеры роз.

О, этот сумрак!.. О, как сжало грудь!
О, как скрипят проклятые ботинки!

Тяжелый шкаф. Высоких стульев спинки.
Лавандой пахнет в комнатах чуть-чуть.
Простая печь... Кушетка... Чашка чаю...
«Мой старый замок. Здесь я выжидаю...»

И кресло... И хрипящие часы...
И голос, как пропущенный сквозь вату.
Глаза, что для лица великоваты...
Обвислые калмыцкие усы...
Рука-перчатка подбородок трет,
и что-то тихо произносит рот.

Понять бы только! Увезти с собой
хотя б слово! Ты слишком глуп и молод!
Так утоли ж, уйми рассудка голод!
О, как ты щедро награжден судьбой,
как счастлив ты! Ты в доме у него,
и, кроме вас двоих, здесь — никого.

А голос говорит уж час подряд.
Ты в упоенье от его находок.
Глаза, рука-перчатка, подбородок
с ним вместе говорят и говорят.
И вдруг он замечает мимоходом:
«Вы что ж, порт? Гм... Вы из Праги родом?»

Читать ему стихи?! Я обомлел.
Дойти ли до безумия такого?
Но дальний голос продолжает снова:
«Вы извините... Слишком много дел
скопилось вдруг... Сейчас я очень занят.
И кто вот в эти ящики заглянет,

тот изумится: кипы телеграмм
и рукописей тщетно ждут ответа.
Два добрых года бы ушли на это,
когда бы стал читать, признаюсь вам.
К тому ж я болен... Так что не взыщите...
Но вы мне обязательно пишите...

Падеюсь разгрузиться к рождеству...
Да что вы, что вы! Извиненья бросьте...
Напротив, мне приятно видеть гостя —
ведь я почти отшельником живу...

Как ваше имя?.. Вот клочок бумаги...
Счастливый путь до милой, старой Праги!..»

До милой Праги!.. Боже, дай мне сил
сквозь роз благоухание пробиться,
с паломничеством детским распротиться,
что я так торопливо совершил...
...И мимо роз, сквозь строй благоуханный.
уходит к безмяннм Безмянный...

КУБА
(1914—1967)

ПОЙ НА ВЕТРУ!

Пой на ветру
чисто и звонко:
да оградит в колыбели ребенка
наша единая воля к добру!

Зло осуди!
Новое строя,
свежей, как жизнь, родниковой струею
мир, раскаленный от войн, остуди!

Цвесь? Вымирать?
Рваться ли к высям?
Знайте: во всем от себя мы зависим,
все нам сегодня самим выбирать!

Мрак или свет?
Хлеб или камень?
Затхлость ума или разума пламень?..
В каждом поступке таится ответ,

Слышишь во мраке
воплъ Нагасаки,
воплъ Хиросимы,
невыносимый?

«Мы — пепелища,
наши жилища

сделались пищей
всесветного зла.

О, как позорно,
если повторно
гибель над миром раскинет крыла!»

Благодаренье
ясности зренья!..
Ночью ли поздней
иль поутру
славь неослепший
разум окрепший,
силу и молодость!..
Пой на ветру!

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПЕСНЯ

Колышется ветка,
качается сад...
Земля наша — в клетку,
наш край — полосат.
Все клетчатое, полосатое,
как
матрац и рубаха, штаны и пиджак.
Четыреста лет мы носили такой
доскутно-пятнистый наряд шутовской.
От плети помещицъей след полосат.
Железные прутья. Тюремный халат.
Жандармская метка горит на спине,
квадратная клетка — в тюремной стене.

Клетчат
четыре столетья подряд,
решетчато-клетчат
немецкий наряд.
Четыре столетья,
четыреста лет —
треххвостую плетью
оставленный след.
Столетия молчанья печальных
могил...

Но вечный молчальник
вдруг заговорил!
Мир мерзости начисто
нами сметет.
Сказало батрачество
юнкерству: «Вон!»
Пусть в полосах света,
сердца веселя,
осенняя эта
пестреет земля
и, как от азарта
качаясь, сады
в твой клетчатый фартук
роняют плоды!

* * *

Под сенью ночи черной,
за грозовой стеной,
вновь набухают зерна,
чреватые войной.
Но против черной ночи
на грозных рубежах
стоит народ рабочий
с оружием в руках.
Живи, страна родная!
Тебя мы защитим,
свой дом оберегая
оружием твоим,
озарены рассветным
лучом твоей весны
и знаменем трехцветным
твоим осенены.
Маховики турбины
вращают тяжело.
В труде, в борьбе едины
и город и село.
И дом наш чист и прочен
затем, что на часах
стоит народ рабочий
с оружием в руках.
В надежной колыбели
мы вынянчили жизнь.

Стремись к высокой цели!
За новое держись!
Как глыбы, дни ворочай,
старья сметая прах!..
Стоит народ рабочий
с оружием в руках!

* * *

Был полдень горяч и удушлив, как смерть.
А к вечеру вдруг началась круговерть.
Пожар в головах! И сердца горячи!
Зарницы зажглись, застучали мечи.
И ветер со стуком вломился во двор,
чтоб выдуть золу и чтоб вымести сор.
Идет колотьба-молотьба на земле,
а тучи хлопочут в небесном котле..
За молнией — гром. Где-то всадники мчат,
в сто тысяч копыт по дорогам стучат,
но спешит тех всадников пеший народ —
и с петель срываются створки ворот.

Эй! Вымети, ветер, бывшего труху!
Пусть валится наземь, кто был наверху!..
В дому богатея сегодня бедлам:
дубасят дубины по жирным телам.
Замки посшибав, отобрали добро.
Со звоном из окон летит серебро.
Колотят без устали колокола:
«Нам надо, нам надо, чтоб буря была!»

Коль дрожжи положены, тесто взойдет,
затопится печь, коли чист дымоход.
Вы в силу вращения не верите, но —
взгляните, как вертится веретено!
В муку превращают зерно жернова,
в извечном вращенье — закон естества.
Природа сама раскрывает секрет:
живое вращается, мертвое — нет!..
Пусть молот начнет, а кувалда поддаст!
Пусть плуг подымает неведомый пласт!
Мы этим законом должны дорожить:
отжившему — погибнуть, рожденному — жить!

СТЕФАН ХЕРМЛИН

(Род. 1915)

ПЕПЕЛ БИРКЕНАУ

Как ветер, как рой насекомых,
Как свежий ночной холодок,
Как облаков невесомых
Густой предрассветный поток,
Как скудная пища больного,
Как бабочки легкой пыльца,
Как в песне случайное слово,
Как снег на губах мертвеца,
Как в зыбкой воде отраженье
Мерцания звездных лучей,—
Легко, невесомо забвенье,
Как облако или ручей...

Над ржавою гвилью оврага
В смешении света и мглы,
Как клочья истлевшего флага,
Взметаются хлопья золы.
На трактах, телами мощенных,
Господствует чертополох.
Но в пепле неотомщенных
Отмщенья огонь не заглох.
Чтоб мы, вспоминая о прошлом,
Очистились в этом огне,
Земля, прилипая к подошвам:
«Запомни!» — вызывает ко мне...
Как слово прощанья, прощенья,
Как тяжесть чугуновой плиты,
Как накануне решенья

Внезапный прилив, немоты,
Так тяжело воспоминанье
О них, кого больше нет...
Погибшие в газовой бане
Любили любовь и рассвет,
Стихи и ночные аллеи,
Где слышен дроздов разговор,
О память! Она тяжелее
Громоздких гранитных гор...

Но тех, кто хранит эту память,—
Их много, им нет числа.
Та память убийц достанет
Из всех нор, из любого угла.
Серый пепел летает над нами,
Мечется ветер сквозной,
Серыми семенами
Засеяв простор земной,
Чтоб внукам в предостереженье
Посев тот однажды взошел,
Чтоб легок он был, как забвенье,
Как память людская, тяжел.
Чтоб, глядя на эти всходы,
Миллионы людей земли
Во имя любви и свободы
От гибели мир берегли.
Ведь те, кто поверил в надежду,
Не устроятся гроз.
В зеленую чудо-одежду
Рядятся ветви берез.

И голуби — шумные звенья —
Плывут над холмами золы,
Легки, как людское забвенье,
Как память людей, тяжелы.

БАЛЛАДА О ДАМЕ НАДЕЖДЕ

Хозяйка сна, подруга эшафота,
Предсмертный хрип, веселая сестра
Голодных толп, наркоз, полудремота,
Сиделка возле смертного одра,

Последний хворост в пламени костра;
Когда сердца дрожат в ознобе страха
(Чадит заря, а на рассвете — плаха),
Тогда деревенеющий язык
Зовет тебя, магическая пряха,
Надежда — королева горемык.

В дремучем мире дьяволов и змей
Ты призрачна, светла и невесома.
Прислушалась ты к жалобе моей:
Двенадцать бьет, полночная истома...
Я за тобой из города, из дома
В багровую безбрежность побреду.
Прости... Ты знаешь! Я попал в беду,
Распят и колесован... В смертный миг
Приди, прильни ко мне... В жару, в бреду...
Надежда — королева горемык.

Ты в жажде — утоление желанья,
Ключ,— пред тобой раскроется стена.
Святая смесь предчувствия и знания.
Убита вера, правда казнена.
Ты ненавидишь, ты любви полна.
Ты, нищенка, гонимая жестоко,
Вдруг вспыхнешь красным заревом с востока,
И будит спящих петушинный крик.
То пропадешь, то вынырнешь до срока,
Надежда — королева горемык.

Посылка

Тебе мы служим верно, без упрека,
Ты — лед. Ты — пламень, ты горишь высоко.
Ты — прошлое. Ты — будущего лик...
Ручей, в пустыне спрятанный глубоко,
Надежда — королева горемык.

ИОГАННЕС БОБРОВСКИЙ

(1917—1965)

ПОХОРОННАЯ ПЕСНЯ

Не во сне, не наяву
В узкой лодочке плыву...
Ничего себе челночек!
На груди моей вепочек,
Не покрыта голова.
Слышу скорбные слова.
А друзья идут за мною —
 На трубе один играет,
 Дует в дудочку другой.
Кто-то слезы утирает:
Со святыми упокой!
Я плыву в дубовой лодке —
Путь не дальний, а короткий,
И народ галдит вокруг:
«Дело кончено! Какую!»

На суку вороны кричат:
«Пусть его скорей упрячут!
Пусть уткнут его в песок!
Мы возьмем его венок!»
Но друзья идут за мною —
 На трубе один играет,
 Дует в дудочку другой.
Кто-то слезы утирает:
Со святыми упокой!
В путь недалечный, в путь короткий
Я плыву в дубовой лодке...

Ах, уже недолго плыть!
Что напрасно слезы лить?..

Скоро, скоро я причалю,
Мертвый, скрученный печалью.
Вот и кончено мое
Горемычное житье!
Так плыву я под луною,
А друзья идут за мною —
 На трубе один играет,
 Дует в дудочку другой.
И кладут меня в могилу
С непокрытой головой.
Я лежу в песок зарытый,
С головою непокрытой,
Заперт в темный теремок.
На груди моей венок.

ИЗ ПОЭТОВ ФРГ

ГАНС МАГНУС ЭНЦЕНСБЕРГЕР

(Род. 1929)

СОМНЕНИЯ

Чем она все-таки кончится,
бесконечная эта игра
в черные кости, в белые кости?
Будет ли проигран выигрыш
или выигран проигрыш?
«Да», — отвечают мои враги.

Я говорю: почти все, что я вижу,
можно исправить, но какой ценой?
Слишком кровавы шаги прогресса.
Какой же это прогресс?
Неужели мои желания до того просты,
что они просто несбыточны?
«Да», — отвечают мои враги.

А секретарши живут.
А мусорщики ни о чем не знают.
Исследователи следуют за своими исследованиями,
Едят едоки.
Все хорошо...
Между тем я спрашиваю:
завтра наступит ли завтра?
это кровать или гроб?
кто-нибудь прав или нет?
позволено ли сомневаться в собственных
сомнениях?

...Я внимательно прислушиваюсь
к тому, что говорят мне враги,

Но кто они, эти враги?
Для черных я — белый,
для белых я — черный.
Признаться, мне это нравится.
Это значит, что я на верном пути.
Но разве верный путь существует?

Мои враги — странные люди.
Они мне желают добра,
они всё готовы простить,
если я примирюсь
с ними и с самим собой.
Немного забывчивости —
и меня любят.
Немного терпимости
(безразлично к чему) —
и я буду принят в их обществе,
и уютно устроюсь,
и смогу, не терзаясь сомнениями,
спокойно повеситься,
примиренный и утешенный,
в ладу со всем миром.

О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОСПИТАНИЯ

Воистину великолепны
великие замыслы:
рай на земле,
всеобщее братство,
перманентная ломка...

Все это было б вполне достижимо,
если б не люди.

Люди только мешают:
путаются под ногами,
вечно чего-то хотят.
От них одни неприятности,

Если бы не опи,
как бы нам было легко,
как бы все было просто!..

Если бы не было их,
о, тогда бы,
тогда...

Тогда бы и я не мешал вам своими
стихами!

ПЕТЕР ВАЙС

род. 1916

**ПРЕСЛЕДОВАНИЕ
И УБИЙСТВО ЖАН-ПОЛЯ МАРАТА,
ПРЕДСТАВЛЕННОЕ АРТИСТИЧЕСКОЙ ТРУППОЙ
ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЛЕЧЕБНИЦЫ В ШАРАНТОНЕ,
ПОД РУКОВОДСТВОМ
ГОСПОДИНА ДЕ САДА**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Маркиз де Сад —

шестидесяти восьми лет, исключительно тучен. У него седые волосы и гладкое лицо без морщин. Он неуклюж, дышит порою с трудом, как астматик. Одежда — изысканная, но уже поношенная. На нем белые штаны до колен, с бантами, белая рубаша с широкими рукавами, белые туфли с пряжками. Грудь и манжеты — в кружевах.

Жан-Поль Марат —

сорока девяти лет, страдает болезнью кожи. Он закутан в белую простыню, на лбу — белая повязка.

Симона Эввар —

подруга Марата, неопределенного возраста. Исполнительница этой роли одета в больничный халат с фартуком, голова повязана платком. Движения ее странны и судорожны. Когда ей нечем заняться, она то и дело вынимает платок и при каждом удобном случае меняет Марату повязку.

Шарлотта Корде —

двадцати четырех лет. Одета в тонкую белую сорочку времен Директории. Грудь открыта, но поверх сорочки накинута легкий белый платок. Когда она появляется на сцене, на нее надевают шляпу с лентами. Постоянно находится под наблюдением двух медицинских сестер, которые ее поддерживают, причесывают и поправляют на ней платье. Двигается, как сомнамбула.

Дюпре —

депутат-жирондист. Исполнитель этой роли носит жилет поверх больничной рубашки. Он в узких, облегających штанах, в которых ходили молодые щеголи времен Директории. Помещенный в лечебницу как эротоман, он при каждом удобном случае использует роль любовника Шарлотты Корде к своей выгоде.

Жак Ру —

бывший священник, радикальный социалист. Одет в белого цвета смиренную рубашку со связанными рукавами, поверх которой накинута нечто вроде монашеской рясы. На сцене он появляется только в таком одеянии.

Четверо певцов:

«Медведь» — бас,

«Козел» — баритон,

«Петух» — тенор,

«Соловей» — сопрано,

представители четвертого сословия. Их больничные одежды украшены деталями шутовского костюма. Носят фригийские

колпаки, а Соловей — женщина, украшенная трехцветной повязкой, с саблей, изображает Марианну. Они поют и участвуют в пантомиме.

Пациенты —

второстепенные персонажи: певческие голоса, мимы и хор. По ходу действия они выступают либо в больничной одежде, либо в примитивных костюмах. Те, которые не участвуют в действии, должны делать вид, что репетируют, как бы готовясь к выступлению. Одни производят одни и те же движения, кружатся, прыгают, что-то бормочут, причитают, разражаются беспричинным смехом и криками или на все время представления застывают в прострации. Другие безвольно позволяют передвигать себя из стороны в сторону. Есть среди них несколько таких, кто внимательно следит за развитием действия, напоминая нам о том, что в Шарантоне содержались не только душевнобольные, но и люди, которые были неудобны наполеоновскому режиму из политических соображений.

Глашатай —

поверх больничного халата носит костюм арлекина. Весь он обвешан инструментами, которые, по мере необходимости создают шум. В руке у него посох, украшенный бантами.

Пятеро музыкантов —

пациенты клиники. Они играют на гармонике, лютне, флейте, трубе и барабане.

Санитары —

в форме, с длинными белыми фартуками, что делает их похожими на мясников. В карманы фартуков засунуты дубинки.

Сестры —

в длинных белых фартуках. Воротники накрахмалены, крылья чепцов торчат далеко в стороны. Ходят с четками, играют сестер мужчины атлетического телосложения.

Кульмье —

директор лечебницы, в элегантном костюме пальто и цилиндре. Носит пенсне и трость. Охотно становится в позу Наполеона.

Жена и дочь Кульмье —

одеты изысканно; их одежда представляет собой сочетание лилового и жемчужно-серого тонов, искрящихся драгоценностями.

АКТ ПЕРВЫЙ

За сценой — удары больничного колокола.

1. ОБЩИЙ ВЫХОД

Сцена представляет собой водолечебницу в Шарантоне, со всеми необходимыми атрибутами. Расставлены скамьи для актеров, сестер и санитаров. Впереди стоит ванна Марата, поперек которой положена доска для письма. Справа находится стул де Сада. Трибуна для Кульмье и семейства тоже должна находиться справа.

Постоянное место музыкантов — на сцене.

Де Сад занят последними приготовлениями к выходу актеров. Санитары завершают обычную процедуру для купания и массажа. На заднем плане, на возвышении, сидят и лежат пациенты.

Де Сад дает знак, и через заднюю боковую дверь справа входят актеры, предводительствуемые Кульмье с семейством и сопровождаемые санитарями.

Пациенты поднимаются со своих мест.

Процессия торжественно движется к рампе.

Звонит больничный колокол.

Марата, закутанного в белую простыню и сопровождаемого Симпой, подводят к ванне.

Две сестры подводят съжившуюся Корде к скамейке.

Дюпре, Жак Ру и четверо певцов выстраиваются, в то время как Кульмье приближается к игровому кругу.

Глашатай стоит в центре сцены.

Де Сад — рядом со своим стулом.

Колокол смолкает.

2. ПРОЛОГ

Кульмье

Почтенные зрители нашего театра!

В качестве главного психиатра

я от души вас приветствовать рад.

Присутствующий здесь господин де Сад

оказал нам честь, сочинив для нас пьесу,

способствующую нравственному прогрессу
и исцелению наших больных:
то есть пытается вызвать у них
посредством сценического искусства
необходимые мысли и чувства.
Итак, начинаем... Но просим при том
помнить, что здесь — сумасшедший дом
и перед вами — скорей дилетанты,
нежели признанные таланты...
Мы, будучи передовыми людьми,
хотим не сажаньем на цепь, не плетью,
как это делалось в средневековье,
душевное им возвратить здоровье,
а в духе гуманности нашего века
и Декларации прав человека
пробуем с помощью развлечения
немного поднять эффективность лечения.

Общий смех.

Надеемся, зрители нас простят
за то, что наш друг — господин де Сад
осуществил свою постановку,
используя местную обстановку:
предбанник и зал госпитальной бани,
поскольку, именно сидя в ванне,
Жан-Поль Марат, герой нашей драмы,
погиб от кинжала известной дамы,
заколот Шарлоттой Корде — жирондисткой,
здесь представляемой нашей артисткой.

3. РАССТАНОВКА АКТЕРОВ

Глашатай ударом посоха об пол дает знак оркестру. Торжественная увертюра. Кульмье вместе с семьей направляется к трибуне. Де Сад идет к своему стулу. Марата сажают в ванну. Симона накладывает ему на голову повязку и завертывает его в простыню. Сестры поправляют наряд Шарлотты Корде. Вся труппа принимает героические позы. Первая немалая сцена. Музыка смолкает.

4. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АКТЕРОВ

Г л а ш а т а й

(трижды ударяет посохом об пол)

Этот, в ванне до самых плеч,
и есть тот Марат, о котором речь.
(Указывает на него посохом.)

Он бледен. От щек отхлынула краска.
На голове у него — повязка.

(Указывает посохом.)

Скоро стукнет ему пятьдесят,
И весь он в прыщах — с головы до пят.

(Указывает посохом.)

Тело зудит. Шевельнуться не может.
Думает: ванна ему поможет.

(Касается посохом ванны.)

Видно, слегка поутихла боль...

Марат берет перо и что-то пишет.

Пациент, исполняющий эту роль,
годится для исторических хроник,
и хотя он, как говорится, хроник,
мы верим в успешность новейших мер —
в водолечение, например,
и к результатам придем превосходным,
подвергнув его процедурам водным.

(Указывает посохом на Симону, которая, неуклюже склонившись над Маратом, меняет ему повязку.)

А эта вот дама, стоящая рядом
(сейчас она к вам повернулась задом,
поскольку по ходу играемой пьесы
должна Марату менять компрессы,
чтоб остудить лихорадки жар),
не Шарлотта Корде, а Симона Эввар —
сожительница гражданина Марата,
с которой он обвенчался когда-то
не в церкви, средь гнусных поповских рож,
а в поле, где ветер качает рожь,
на вольной воле, под вольным небом,
не внемля гнусавым псалмам и требам...
Шарлотта Корде приближается к ванне!

(Указывает на Шарлотту Корде, которая оправляет платье и завязывает на груди платок.)

В музыке тема Корде, напоминающая пастораль.

Связана с монархистами в Кане.
Она происходит из местной знати.
На ней сапожки...

(Указывает на ее сапожки.)

Красивое платье...

(Указывает.)

Грудь слегка прикрывает шаль...

(Указывает.)

Конечно, в известной степени жаль,
что здесь — исторической этой персоной

Корде выпрямляется.

владеют припадками болезни сонной.

Корде, закрыв глаза, вскидывает голову.

Но все же мы верим:

(многозначительно, обращаясь к Корде)

участие в пьесе —

избавит ее от душевной депрессии

и дело у нас обойдется без спов!

(Указывает на Дюпре.)

А сей обладатель нарядных штанов

и парика, убеленного пудрой, —

Дюпре, человек относительно мудрый.

Средь шума собраний и митингов он

сумел сохранить благородный тон.

Кругом — революция, неразбериха,

а он говорит всегда ласково, тихо.

Но, как человек, жирондистам близкий,

включен Маратом в черные списки.

А так, в остальном, — симпатичный малый:

щеголь, шутник. И добряк, пожалуй...

Дюпре украдкой ласкает Шарлотту. Глашатай бьет его посохом по руке, водворяя на отведенное ему место. Одна из сестер отталкивает Дюпре от Шарлотты.

За то, что был слишком остер умом,

бывший монах угодил в этот дом.

И мы вовлекаем его в игру,

(показывает на Жака Ру, который, подняв голову, рвется из смиренной рубахи)

Он будет играть у нас Жака Ру.

Видите, вот он, в монашеской рясе.

Ему бы лучше уйти восвояси,

но он — революционный герой

и за Марата стоит горой.

Весьма примечательная фигура!..

К глубокому сожалению, цензура

почти полтекста его запорола,

установив, что здесь есть крамола
и не подходит для наших дней...
Спорить не будем. Властям видней.

Музыка. Жак Ру разевает рот и еще отчаяннее рвется из смири-
тельной рубахи. Кульмье грозит ему пальцем.

Почтенные зрители! Мы решили
поставить спектакль в современном стиле
и все сословия показать —

(указывает на публику)

то есть не только бывшую знать,
имевшую прежде дворцы и уголья,
но и представителей простонародья,

(указывает на актеров)

вовек не имевших земель и дворцов, —

(указывает на четырех певцов)

вроде четверки этих певцов.

В труппах ютившиеся недавно,

они в лечебнице равноправны.

Всех, кто подвержен душевным увечьям,
мы одинаково тщательно лечим.

Общий смех.

Позвольте вам их представить. Эй!

(Вызывает каждого из четырех.)

Медведь!

Козел!

Петух!

Соловей!

(Указывает на Соловья.)

Считалась последней из потаскух,

а здесь обнаружила голос и слух.

Каждый нарушает свою героическую позу приветственным жестом,
как это принято в ярмарочных балаганах. Соловей делает книксен.

Взгляните теперь — хороша картина! —

*(показывает на де Сада, который презрительно поворачи-
вается спиной к публике)*

на этого тучного господина.

После житейских и прочих невзгод

у нас он шестой пребывает год.

Сей странный субъект с сумасшедшим взглядом
является бывшим маркизом де Садом,
автором приснопамятных книг,

Сейчас он, правда, немного сник,
так как, бесспорно, будучи гением,
множество лет подвергался гонениям.
Впрочем, он снова в расцвете сил
и новой пиесой нас угостил...
Все в сборе?.. Итак,— приготовиться просим.

Музыкальный аккорд.

Сегодня — год одна тысяча восемьсот восемь,
июль, тринадцатое число...

Пятнадцать лет, как произошло
убийство того, сидящего в ванне.

(Указывает на Марата.)

Об этой кровоточащей ране,
хотя прошло уж пятнадцать лет,
мы никогда не забудем! Нет!

Из этого сердца

(указывает на грудь Марата)

струею красной

хлынула кровь в тот момент злосчастный,
когда,— о, час этот проклят будь! —

Марату, в его благородную грудь,
(снова касается посохом груди Марата)

вонзилось вдруг острие кинжала,
который она вот! —

(указывает на Корде)

в руке держала.

Музыка. Сестры укладывают Корде на скамейку для краткого отдыха. Симона садится позади ванны. Де Сад занимает свое место. Ру и Дюпре также садятся на скамейку. Четверо певцов выстраиваются, готовясь величать Марата.

5. ВЕЛИЧАНИЕ МАРАТА

Медведь и Козел

(речитативом)

С тех пор миновало четыре года,
как наступила у нас свобода,
многие, многие с этой ночи
на целую голову стали короче!

Хор

(сзади)

Эй! На фонарь аристократов!
К черту церковь! Долой прелатов!

Петух и Соловей
(речитатив)

Сегодня все мы живем войной,
а он —

(указывают на Марата)

революцией жил одной!

Одной дышал революцией он,
которую завершил император Наполеон.

Хор
(сзади)

Бей генералов, дери их леший!
Смерть торгашам! Спекулянтов вешай!

Жак Ру

Да здравствует революция!

Четверо певцов и другие пациенты обступают ванну, чтобы величать Марата. Кто-то поднимает венок из листьев.

Пациент
(сзади)

Марат! Не хотим за вельмож помирать!

Пациент
(сзади)

Марат! Накорми! Нам нечего жрать!

Пациент
(сзади)

Марат! Спаси от врачей и клистира!

Все пациенты

Марат! Мы требуем хлеба и мира!

Медведь
(указывает на венок)

Мы венчаем тебя, Друг Народа — Марат,
этим венком из березовых листьев
за неимением лавра,
который преступно растрачен

на украшение безмозглых голов
академиков,
полководцев и принцев!

В оркестре грохот барабанов. Марату надевают на голову венок.
Два пациента вынимают Марата из ванны и сажают себе на плечи.

Х о р

Слава, слава, слава Марату!
Заступнику нашему, другу и брату!

Марата обносят вокруг игровой площадки. Симона идет рядом и с опаской поглядывает на него. Пациенты шествуют следом, сопровождая величание заученными жестами.

С о л о в е й

(по простоте принимая игру всерьез)

Не стоит себя так царапать, папаша!
Смотри: пропадет революция наша!
Кругом об изменниках говорят...

М е д в е д ь и К о з е л *(песня)*

Четыре года бьется Марат.
Гонит и давит четыре года
Друг народа врагов народа.
За ним повсюду ищейки рыщут.
Марата ловят, Марата ищут.
Кричат изменники: «Он — изменник!
Тому, кто словит, отвалим денег!...»
А он не сломлен, а он не словлен,
а он, как буря, не остановлен!

П е т у х и С о л о в е й

Эй, выходите из всех подвалов!
Попов громите и феодалов!
Швыряйте смело на дно колодцев
их лизоблюдов и полководцев!
Вздымайте вверх топоры и косы!
Мы уничтожим вас, кровососы!
Смерть угнетателям! Смерть вампирам!
Отныне равенство правит миром!

М е д в е д ь и К о з е л

Да! Прекрасно звучат резолюции...
Кто же присвоил плоды революции?!

Ростовщики, захватившие власть,
сами друг друга спешат обокрасть.
Вор под топор посылает вора.
В кровь перегрызлась собачья свора.
При этом каждый строчит бумаги
О народных правах и народном благе.

Петух и Соловей

На кой же мы черт штурмовали Бастилию
и королевскую смяли фамилию,
если, цепи бесправья порвав,
снова должны добиваться прав?

Четверо певцов и хор

Марат! Революцию нашу изгадили!
Марат! Мы с врагами пока что не сладили!
Марат! Мы, как прежде, живем в угнетении!
К чертовой матери долготерпение!

Марата торжественно вновь водворяют в ванну. С его головы снимают венок. Симона меняет ему повязку и поправляет простыню. Музыка смолкает. Де Сад сидит неподвижно на своем стуле и окидывает сцену насмешливым взглядом.

6. ПОДАВЛЕННОЕ БЕСПОКОЙСТВО

Соловей

Теперь новые нашлись у нас хозяева!
Кровопийцы!
Выпустили бумажки
и говорят — деньги!
А ими только задницу подтирать можно.

Пациент

Забили нам голову всяким вздором,
а право — одно: сдыхать под забором.

Пациент

Слоняться без дела — вот весь наш труд.

Пациент

И все-то брешут! И все-то врут!

П а ц и е н т

Трепались: свобода, равенство, братство!
А получилось одно лишь...

Кульмье вскакивает со стула.

Ж а к Р у
(в середине сцены)

В чьих руках рынки?
Кто запер амбары?
Кто заграбастал сокровища?
Кто владеет землей,
которую должны были
раздать нам?

Кульмье оглядывается по сторонам. Одна из сестер оттаскивает Жака Ру.

П а ц и е н т ы
(на заднем плане по предварительному сговору кричат,
отбивая такт)

Знайте, разбойники, к власти пришедшие!
Мы — никакие не сумасшедшие!
Здоровы мы и хотим на волю!

На сцене возникает беспокойство.

К у л ь м ь е
(стучит тростью об пол)

Господин де Сад! Вы не слышите, что ли?
В тексте не было этих слов!

Де Сад не реагирует на слова Кульмье.

Я вынужден, к сожалению, вмешаться
и призвать вас к порядку.
Еще представление, по существу, не началось,
а уже происходит бог знает что!
Убедительно прошу всех успокоиться.
В конце концов сейчас совсем иные времена,
чем те, о которых повествуется в пьесе.

Смех в глубине сцены.

Помните об этом
и постарайтесь изобразить
неполадки тех лет,

кстати, давно уже преодоленные,
в более благоприятном свете.

Общий хохот.

Санитары оттесняют пациентов назад. Несколько сестер становятся перед пациентами и поют им успокоительные песни, чем-то напоминающие церковные причитания.

7. ВЫХОД ШАРЛОТТЫ КОРДЕ

Корде, скрючившись, сидит на скамейке посреди сцены. Сестры поднимают ее и готовят к выходу. Молитвенные причитания в глумление сцены.

Г л а ш а т а й

От лихорадки словно в тумане,
по-прежнему пребывает в ванпе
Жан-Поль Марат — человек из народа...
Сумятица девяносто третьего года:
слышится крики толпы вдалеке.
Вот он сжимает перо в руке.
Тревожною мыслью Марат взволнован,
к карте Франции взглядом прикован,
(показывает на карту, которую Марат развернул)
и сам не знает, что злобный рок
уже преступает его порог.
(Оборачивается.)

Сзади по рядам актеров пробегает шепот.

Х о р
(шепчет)

Корде! Корде!

Г л а ш а т а й

Вы ждете: вот-вот убийство свершится,
Корде должна на него решиться!
(Указывает посохом на Корде.)

Музыка — тема Корде. Пауза. Глашатай ждет, пока сестры закончат свои приготовления.

И никто из нас,
и никто из нас...
(Ждет.)

И никто из нас
не в силах ей помешать сейчас.
(Трижды стучит посохом об пол.)

Сестры ставят Корде в позу. Все это напоминает ритуальное действо. Музыка смолкает. Сестры отходят назад.

Корде
(сонливо и нерешительно)

Бедный Марат, ты сидишь в своей ванне
и копишь яд,
(проснувшись, говорит тоненьким голоском пасторальной дуручки)

источаешь яд,
которым отравлены толпы громил и
насильников!

Марат,
я пришла,
я —

Шарлотта Корде из Кана,
где сейчас собираются освободительные армии,
готовясь идти на Париж.

Я пришла первой,
Марат...

Когда-то был общий у нас кумир —
великий Руссо... Переделать мир
мы мнили в согласье с его ученьем.

Но одинаковым изречениям
различный мы придавали толк,
по-разному свой понимая долг,
примкнув к враждебным друг другу группам...
Стремясь к свободе, ты шел по трупам.

Достигнуть равенства ты хотел
нагромождением мертвых тел.

О братстве мы говорили оба.

Но разве к братству приводит злоба?

И я решила тебя убить,
пока ты всех не успел сгубить.

Я жаждала искру свободы высечь,
убив одного ради сотен тысяч!

Музыка смолкает, Корде стоит, опустив голову. Сестры уводят ее.

8. Я — РЕВОЛЮЦИЯ!

Марат
(повелительно)

Симона! Симона!
Подлей холодной воды!
Смени скорее повязку!
О, эта чесотка,
этот проклятый зуд!
Сил моих нет... Помоги, Симона!

Симона стоит перед ним, готовая выполнить любое его приказание, и делает заученные жесты. Она меняет Марату повязку, обмахивает его простыней и из кувшина подливает воды в ванну.

Симона

Жан-Поль, успокойся,
не царапай себя —
ты и так весь в крови.
И перестань сейчас же писать!
Ничего хорошего из этого не выйдет,

Марат

Мое воззвание!
Мое воззвание к французской нации!
Завтра — Четырнадцатое июля!

Симона

Жань-Поль, отдохни,
пожалей себя.
Посмотри: вода стала совсем красной...

В глубине сцены тихое и торжественное звучание хора.

Марат

Что значит ванна, полная крови,
в сравнение с той кровью,
которая еще прольется!
Когда-то мы думали, что обойдемся
сотней-другой казненных,
потом убедились,
что мало и тысяч казней,
а сегодня
я вообще уже сбился со счета...

Повсюду,
повсюду...
(*Встает в ванне во весь рост.*)

Четверо певцов, не обращая на Марата никакого внимания, раз-
леглись на полу и играют в карты.

...там,
за этими стенами
на чердаках,
в подвалах —
повсюду
торчат заговорщики!
На них фригийские колпаки,
но под рубахой —
щит с королевской лилией!
Они считаются «нашими»,
но стоит только
возмущенной толпе
разграбить лавку
какого-нибудь спекулянта,
как они тут же вопят:
«Голодранцы! Канальи!
Пролетарская сволочь!..»
Симона...
Горит голова...
Не могу...
Задыхаюсь...
Я слышу в себе этот крик,
Симона...
Я — революция!

Сестры опять выводят Корде на авансцену. Дюпре следует за ней.

9. ПЕРВЫЙ ПРИХОД ШАРЛОТТЫ КОРДЕ

Глашатай трижды стучит посохом об пол и указывает на Корде,
Симона стоит, загородив ванну.

Г л а ш а т а й

Первый приход Шарлотты Корде!

В музыке вновь возникает тема Корде.

К о р д е

Мне надо видеть гражданина Марата...
Я пришла сообщить ему важные вести

о положении в Кане,
где сейчас собрались заговорщики...

С и м о н а

Нет, нет, мы никого не принимаем.
Будьте добры нас оставить в покое.
Если вам надобно что-то сообщить,
напишите письмо...

К о р д е

То, что мне надо сообщить,
ни в каком письме не изложишь.
Я хочу его видеть!
Встать перед ним лицом к лицу!
Понимаете?

(Тоном любовного объяснения.)

Да, я хочу увидеть, как он задрожит
и как на лбу у него выступят капли холодного
пота!

И я вонжу ему между ребер кинжал,
который спрятан у меня на груди под сорочкой.

(Истукленно.)

Я руками обеими этот кинжал сожму,
но Марат ничего пока не заметит.
Тут я лезвие в сердце вдвину ему,—
и послушаем, что он на это ответит!

Когда хлынет кровь из его груди

(приближается к Марату)

и когда свершится мое отмщение...

*(Подходит непосредственно к ванне, вытаскивает кинжал
и запосит его над Маратом.)*

Симона застывает в ужасе. Де Сад поднимается со своего стула.

Д е С а д

Еще рано, Шарлотта!
Пока погоди...
Это будет —
в третье твоё посещение.

Корде останавливается, прячет кинжал и покорно возвращается на
свою скамью. Сестры и Дюпре следуют за ней.

10. ПЕСНЬ И ПАНТОМИМА
О ПРИБЫТИИ ШАРЛОТТЫ КОРДЕ
В ГОРОД ПАРИЖ

Для сопровождения песни пациенты выступают в роли мимов. Путем несложных переодеваний они изображают различных персонажей уличной толпы: щеголей, красоток, торговцев, точильщиков, мальчишек с флажками, акробатов, цветочниц, виляющих бедрами уличных девок. Корде изображает сельскую девушку, которая впервые приехала в город и с изумлением оглядывается по сторонам.

Медведь и Козел
(под музыку)

Прикатила Шарлотта Корде в Париж
и, хотя с дороги слегка устала,—
как увидела: флаги свисают с крыш —
так в ночлежке задерживаться не стала.
Кто-то, видимо, дал ей такой совет:
прямо к Пале-Роялю бежать чуть свет,

Петух и Соловей

А в аркадах там на любом прилавке —
кружева, гребешки, ремешки, булавки,
белила, румяна, настойки, эссенции,
средства от триппера и импотенции,
всех оттенков помада, чтоб красить губки,
и специальные подмывальные губки,
словом — все: от подвенечного платья
вплоть до тайного снадобья против зачатья,

Медведь и Козел
(под музыку)

Но она не слушала зазывал
и, смешавшись с толпою, вошла украдкой
в оружейную лавку, чтоб выбрать кинжал —
поострей, с перламутровой рукояткой.
Продавец тихонько: «А вам — к чему?
Впрочем, может, возьмете футляр вдобавок?»
И Корде, подмигнув, улыбнулась ему
и два ливра бросила на прилавок.

Мимическая сцена покупки ножа. Корде выбирает себе кинжал и платит. Потом она прячет кинжал под платком на груди. Продавец заглядывает ей под платок и жестами выражает свое восхищение.

Петух и Соловей (под музыку)

А в садах, в садах щебетали птички.
Кавалеры вдевали цветы в петлички.
Жарким пламенем роз полыхало лето.
Но Шарлотте было плевать на это.
И она вдыхала, нахмутив брови,
странный смешанный запах цветов и крови,
и, нахмутив брови, она глядела
на толпу, что шикала и галдела:
в колесницах высоких на гильотину
осужденных везли, как на бойню скотину.

Мимическая сцена становится все более внушительной и переходит в «Пляску смерти». Музыка подчеркивает монотонный ритм. Двое пациентов, покрытых простыней, изображают лошадь. Они тянут телегу, на которой в одних рубашках стоят осужденные. Священник дает последние напутствия. Пациенты, сопровождающие телегу, съежились, вертятся, корчатся, подпрыгивают, трясутся. У некоторых начинаются конвульсии, и они в судорогах падают на землю. Подавленное хихиканье и стоны. В музыке грохот шагов.

Корде — лицом к публике. Говорит она все тем же тоненьким голоском. За ее спиной — грохот шагов.

Корде

Что это за город,
что это за проклятый город,
где солнце не может пробиться
сквозь чадную мглу?
Это — не дождь, не туман,
а теплый, густой, окровавленный пар
скотобоен...
Что они там горланят?
Кого волокут?
Что поднимают на пики?
И для чего этот вопль,
этот хохот,
кривлянье,
сумасшедшая пляска?
Чего они бьют в ладоши?
Чему радуются?
Отчего так визжат их дети?
И что это за телеги,
за которыми следом бежит,

топая башмаками,
ошалелое стадо?

Крики в глубине сцены.

Ах, что это за город,
где прямо на улицах
валяется падаль?
Что это за лица?

За ее спиной разворачивается «Пляска смерти». Четверо певцов присоединяются к танцующим. Телега превращается в помост. Два пациента изображают гильотину. Совершается приготовление к казни.
Корде, задумавшись, сидит на скамейке.

Скоро, скоро
эти люди обступят меня,
и тысячи пик,
тысячи ртов и глаз
будут кричать:
«Казнить ее!
Мы требуем смерти!»

11. ТОРЖЕСТВО СМЕРТИ

Мимически изображается казнь.

М а р т
(говорит, глядя вперед)

То, что сейчас происходит,
остановить невозможно!
Чего они только не вынесли,
прежде чем месть
стала для них воплощением правды!
Вы видите только внешнюю сторону
и не хотите подумать о том,
как их довели до такого отчаянья,
до такой исступленной ярости!
О, запоздалые плакальщики и гуманисты,
вы теперь причитаете,
глядя, как льется кровь...
Но что эта кровь перед кровью,
которую пролил народ

в ваших разбойничьих войнах
на протяжении столетий?

Падает первая голова. Радостный вопль толпы. Начинается
очередная казнь.

Что эти жертвы в сравнении
с миллионами жертв,
принесенными на алтарь вашей жадности,
ради вашей наживы?
Что означает несколько разграбленных замков
в сравнении
с ежедневным и ежечасным ограблением народа?!

Нет, вас нисколько не тронет,
даже если этот народ
будет раздавлен и вырезан полчищами

интервентов,

которых вы тайно призываете
на французскую землю,
надеясь, что поражение народа
станет вашей победой!
Разве хоть тень сострадания отразится тогда
на ваших камешных, на ваших падменных лицах,
искаженных сегодня
гримасой притворной жалости
и отвращения к крови?..

Голова осужденного падает. Крики. Голову перекидывают, как мяч.
Тревожный звон колокольчиков.

Кульмье
(встает)

Господин де Сад,
дело так не пойдет!
Подобные сцены отнюдь
не способствуют успокоению пациентов,
а, напротив,
вызывают ненужное возбуждение.
Собственно, мы пригласили публику
именно для того,
чтоб показать, что у нас
находятся на излечение
не только отбросы общества,
но и вполне достойные люди.

Де Сад не обращает на его слова никакого внимания и с презри-
тельной улыбкой оглядывает сцену.

12. РАЗГОВОР О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

На сцене воцаряется покой. Сестры бормочут краткую молитву.

М а р а т

(через опустевшую игровую площадку, обращаясь к де Саду)

Де Сад, я как-то читал
в одном из твоих сочинений,
что высшим законом жизни
является смерть.

Д е С а д

И эта смерть существует
лишь в нашем воображенье!
Только человек
способен себе представить
состояние смерти.
Природа ее не знает.
Каждая смерть, даже самая страшная,
растворяется в бесконечном
равнодушьи природы.
Лишь мы придаем нашей жизни
какую-то ценность,
природе же — все безразлично!
Мы можем гильотинировать
целую нацию, —
природа смолчит!

(Встает.)

Природа сильнее человека!
Сильней его разума!
Сильней его воли!
Сильней его совести!
Вспомни хотя бы
Казнь бедняги Дамьена после
его неудавшегося
покушенья
на покойного Людовика Пятнадцатого.
Сколь милосерден топор гильотины
в сравнении с пытками,
которые он выносил
четыре часа подряд,
покуда толпа
тешилась этим зрелищем,

а Казанова, стоя возле окна,
задира́л подол своей даме,
глазевшей на казнь...

(Покосившись на Кульмье.)

Ему распороли грудь,
надрезали руки и голени,
вливая в открытые раны
расплавленную смолу,
олово и кипящее масло,
терли воском и серой.
Правую кисть ему отпилили огнем,
затем канатами за поги
привязали к хвостам
четырех лошадей,
не привыкших к подобной работе,
и волокли по земле
в течение целого часа,
но не могли разорвать.
Тогда ему стали надпиливать плечи и бедра.
Одна рука отвалилась,
потом отвалилась другая.
И он это видел и создавал, что с ним делают,
и что-то кричал толпе.
А когда ему вырвали правую ногу
и левую,
он все еще жил, хранимый природой,—
правда, голос ослаб.
И, наконец, он повис —
окровавленный, грязный обрубок,
мотал головой
и стонал, совсем уже тихо,
уставившись на распятие,
которое перед ним
держал проповедник.

Сестры вполголоса бормочут молитвы.

Вот это воистину было
великим народным празднеством,
перед которым бледнеют
все празднества наших дней!
Каким нестерпимым уныньем
веет от наших казней,
лишенных огня и задора!
Массовость, обыденность

и повседневность убийств
нам не дают насладиться
единичною смертью!
Мы обезличили и обесценили смерть
своим деловым бесстрашьем,
холодным расчетом,—
а там, где утрачен вкус к смерти,
прекращается жизнь.

М а р а т

Гражданин маркиз,
хоть ты и заседал в трибуналах
и даже являлся участником
сентябрьского штурма,
в тебе говорит еще прежний
заносчивый аристократ.
И то, что ты называешь
равнодушьем природы,
на самом деле — твоя
собственная апатия.

Д е С а д

Жалость, Марат,
есть привилегия правящих,
Когда, проявляя жалость,
богач бросает монету
в дырявую шляпу нищего,
он преисполнен сознания
своего превосходства
и ему доставляет сладострастную радость
возможность унижить другого
пинком своего подавня.

Аккорд лютии.

Нет, друг Марат, не для нас
эти мелкие чувства.
Нам — то есть, мне и тебе —
подобают лишь крайности.

М а р а т

Если уж говорить
о так называемых крайностях,
то мы понимаем под этим
совершенно различные вещи.

Я равнодушью природы
противопоставляю действие,
ищу сокровенный смысл
в великой ее немоте
и не могу, не хочу
быть простым созерцателем!
Я вступаю в борьбу
не на жизнь, а на смерть
со всем, что считаю неправильным,
и не жалею усилий,
чтоб изменить и улучшить
извечный порядок вещей!
Дело идет о том,
чтобы вытащить себя самого
из рутины,
подняться над собственной сутью,
глазами прозревшего разума
по-новому видя мир.

13. ЛИТУРГИЯ МАРАТА

На сцене хор пациентов.

М а р а т

На протяжении веков
людям твердили о том,
что короли и тираны —
добрые наши отцы,
чьей неустанной заботе
о процветанье народа
мы обязаны всем.
Подкупленные порты
слагали хвалебные гимны,
восторженно воспевая
их доблесть и милосердие.
С самого раннего детства
церковь и школа
вбивают в мозги человека
идеологию рабства.

Х о р

(сопровождая монолог Марата)

Будь, человек, смиренней овцы!
Монархи — добрые наши отцы!

Все мы — свидетели их добродетели,
Многая лета вам, наши радетели!

М а р а т

И люди заученно повторяли
идиотские тезисы,
а главное — верили в них,
как веришь всему,
что тебе ежедневно вбивают в башку.
И они слышали проповеди попов:

(В сопровождении хора.)

«Милосердие церкви в одинаковой мере
принадлежит богатым и бедным!

Мы не привязаны ни к одному из правительств,
ни к одному государству,
а только к народу, который
является единой семьей братьев!»

(Продолжает один.)

Вокруг торжествовала несправедливость,
народ изнывал под тяжестью
непомерного гнета,
а с церковных амвонов звучали
все те же бесстыжие проповеди.

(В сопровождении хора.)

«Терпите! Терпите!

На этой земле мы — лишь гости!

Послушанье и кротость
распахнут нам врата
в светлое царство господне!..»

(Продолжает один.)

Так они выжимали
последний грош из народа,
умножая свои
награбленные богатства,
и целовались с князьями
на кутежах и попойках,
и говорили голодным:

(В сопровождении хора.)

«Страдайте!

Страдайте, как тот, на кресте!

Такова божья воля!..»

Пантомима. Пациенты и четверо певцов движутся к рампе. Они в шутовских костюмах, чем-то напоминающих облачения священников. Петух держит в руках крест, сколоченный из швабры

и веника, и на веревке тащит за шею Козла. Медведь размахивает ведром, как кадилом. Соловей перебирает четки. Марат продолжает свой монолог.

А когда человеку постоянно внушают
одно и то же,
пусть самую явную глупость,
он начинает верить
в то, что ему твердят,
и ложь принимает за истину.
Так неимущие, полуголодные люди
стали довольствоваться
созерцанием распятого на кресте,
израненного страдальца
и поклонялись ему, как символу
собственной беззащитности.

А попы говорили:

(В сопровождении хора и молитв сестер.)

«Воздымите длани к создателю
и не ропщите!

Прощая своих обидчиков,
вы обрящете вечную жизнь на том свете!

Да будет молитва
единственным вашим оружием!
Да воцарится в ваших сердцах
спасительное смирение!»

(Продолжает один.)

И люди в своей темноте,
в своем незнании истины,
верили этим речам
и страшились восстать
против своих угнетателей,
правящих, как им сказали,
милостью божьей...

Х о р

Аминь!

К у л ь м ь е

(услышав «аминь», вскакивает со своего кресла)

Господин де Сад,
я вынужден снова вмешаться
самым решительным образом!
Мы же договорились
об изъятии из пьесы
этого монолога!

Он абсолютно не к месту,
тем более в наши дни,
когда духовенство
полностью поддержало
нашего императора
и когда столь отчетливо
вновь проявилось стремление народа
найти утешенье в религии.
Ни о каком угнетении
не может быть даже речи!

Саркастический смех в глубине сцены.

Напротив,
церковь сегодня
делает все для того,
чтобы покончить с нуждой
при помощи сбора одежды,
устройства бесплатных обедов
и покровительства клиникам.
В частности, наша лечебница
находится под опекой
не только светских властей,
но и духовных отцов.

Г л а ш а т а й
(высоко подняв посох)

Если случайно кто-то из зрителей
нас счел за безбожников и возмутителей,
мы вновь и вновь подчеркнуть обязаны,
что предыдущие сцены связаны
исключительно с преодоленным прошлым.
Все мы, порвав с богохульством пошлым,
в лоно Христово вернулись сегодня
и чтим бесконечную мудрость господню.
(Крестится.)

14. ДОСАДНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

На заднем плане пациент, нацепивший на шею брыжи священника,
бьется в припадке и на коленях прыгает к рампе.

П а ц и е н т
(лепечет в припадке)

Молитесь,
молитесь,
молитесь ему!

Дьявол еси
в преисподней, а не на небеси,
ад наш насущный даждь нам днесь,
да святится имя твое,
да будет воля твоя,
да придет царствие твое,
отпусти нам невинность нашу,
избавь нас от добродетелей наших,
введи нас во искушение
во веки веков,
аминь!

Кульмье вскакивает со своего кресла. Свисток глашатая. Санитары набрасываются на пациента, связывают его и оттаскивают. Его ставят под холодный душ.

Г л а ш а т а й
(размахивает трещоткой)

Здесь, среди охваченных сумасшествием,
надо привыкнуть к таким происшествиям.
Напомню, что сей пациент когда-то
носил благороднейший сан аббата,
достойно служа в знаменитом храме.
Теперь убедиться вы можете сами,
глядя на странность его поведения,
сколько неисповедимы пути провиденья.

(В заключение вновь взмахивает трещоткой.)

Кульмье садится. Пациенты возвращаются под наблюдением сестер и санитаров и растягиваются на лежаках.

15. ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА МЕЖДУ МАРАТОМ И ДЕ САДОМ

Д е С а д

Чтобы суметь отличить
истину от неправды,
нужно познать себя.
Я себя не познал,
и если порой мне кажется,
что я обнаружил истину,
я тотчас в ней сомневаюсь
и разрушаю собственное построенье.
Все, что мы делаем в жизни,
каждое наше действие —

есть лишь галлюцинация,
зыбкая тень того,
что нам хотелось бы делать.
Единственная реальность —
это изменчивость наших познаний.
Я, например, не знаю,
кто я: палач или жертва?
Я измышляю
самые жуткие пытки,
но стоит мне только
их изложить
на бумаге,
как я испытываю нестерпимую боль,
словно это меня
поджаривают на углях.
Я способен на все,
но именно все
наполняет меня чудовищным страхом...

П а ц и е н т
(быстро выпрыгивает вперед)

Человек —
это самый безумный,
самый жестокий,
самый опасный,
самый безжалостный зверь!
Я прожил на белом свете
несколько тысяч лет
и принимал участие,
наверно, в миллионах убийств!
Разбухла,
разбухла земля
от потрохов человеческих,
от гнойной, зловонной жижи.
Мы — те немногие,
те очень немногие,
кто остались в живых,
ходим по зыбкой трясине,
в которой завязли
бесчисленные покойники.
Повсюду, на каждом шагу
у нас под ногами — трупы,
пепел, истлевшие кости,
свалявшиеся волосы,

выбитые зубы,
проломанные черепа.
Человек обезумел!
Обезумевший зверь — человек!
Я — обезумевший зверь!

Де Сад подходит к нему и, успокаивая, отводит его в сторону.

(Продолжает кричать.)

Нет такой клетки,
в которой меня удержат!
Нет таких кандалов,
которых бы я не порвал!
Я прошибу все стены,
ломаю любые решетки!
Вы еще увидите,
что будет со всеми вами,
когда я вырвусь на волю!
Дело еще не кончено!
Я кое-что приготовил...

Марат

О, этот зуд! Этот проклятый зуд...
Пламенем жжет
кожу мою
лихорадка!
Горит голова!
Ты слышишь, Симона?
Обмакни повязку в раствор!
Остуди мою голову!

Симона спешит ему на помощь и производит соответствующие манипуляции.

Де Сад

Знаю, Марат:
ты сейчас готов променять всю свою славу
и обожанье народа
хотя бы на час передышки от мучительной боли,
Вот ты лежишь в своей ванне,
скрючившись,
в розовой водичке,
один на один со своими идеями
и представлениями,
которые давно уже не соответствуют
тому, что творится вокруг.

Ты возмечтал вторгнуться,
вгрызться в действительность,—
но вот она вгрызлась в тебя,
и ты перед ней бессилен.
Лично я отошел
от всей этой суеты,
найдя себе утешение
в выдуманной мною самим
воображаемой жизни.
Вся эта революция
больше меня не волнует...

М а р а т

Нет, ты не прав...
Не прав...
Разве бесстрастным рассудком
можно разрушить Бастилию?
Вялым пером летописца
свергнуть негодный порядок?
Это нелегкое дело —
сотворение нового!
Допущены тысячи промахов.
Нас еще тянет назад
груз неизжитого прошлого.
В каждом, в каждом из нас
еще продолжают гнездиться
усвоенные веками
правы, привычки, предвзятости,
ядом столетий рабства
еще отравлена мысль.
Даже самые честные,
самые светлые головы
еще до конца не избавились
от мусора прежних времен.
Мы — творцы революции —
сами порой не знаем
как нам быть с нашим детищем!
В революционном Конвенте
все еще заседают
отдельные честолюбцы,
охваченные тщеславьем.
Каждый мечтает тайком
что-то оставить от прошлого:
один — дорогую картину,

другой — дорогую любовницу,
третий — любимую мельницу,
четвертый — любимую верфь,
пятый — старую армию,
шестой — своего короля!
Так утверждается вновь
священное право собственности:
мол, каждый сам себе — крез,
каждый, если захочет,
может достичь богатства,
каждый имеет возможность
вступить в состязанье друг с другом,
в свободную конкуренцию
равноправных партнеров,
в биржевую игру,
где у каждого —
равные шансы на выигрыш!

Пациенты постепенно встают со своих лежаков, некоторые при-
ближаются к рампе. Четверо певцов готовятся к выходу.

И все они верят, что это
и есть настоящее братство,
настоящее равенство,
подлинная свобода!
Им в самом деле мерещится
небывалый расцвет
торговли, ремесел, промышленности!
И в то время, как мы
все дальше и дальше
отходим от нашей истинной цели,
они вот,—
(указывает на зрительный зал)
убеждены,
что революция
уже победила!

16. РЕАКЦИЯ НАРОДА

Четверо певцов
(под музыку)

И откуда у них берутся деньги,
и откуда берется такая прыть,
и откуда берутся такие связи,

и откуда берутся такие возможности,
если у нас только — дыры?!

М е д в е д ь

Дыры — наше жилье.

К о з е л

Сиро наше житье.

С о л о в е й

В дырах наша одежда.

П е т у х

Лопнула наша надежда!

Ч е т в е р о п е в ц о в

Итак, новоявленные вельможи
очень на прежних вельмож похожи.
Новая сволочь, пролезшая в дамки,
позаграбастала земли и замки.
Золото, жемчуг, дворцовые вазы
хапнул вчерашний владелец лабаза.
Лавочник пьет королевские вина.
Корчит мясник из себя дворянина.
Зуд охватил депутатов Конвента:
не упустить бы такого момента!
Всех золотая трясет лихорадка.
Только народу живется несладко.
Деньги и власть у господ на уме.
Мы же, как встарь, пребываем в дерьме.
Что нам с того, что король обезглавлен,
если народ торгашами задавлен?!
Марат! Революцию нашу изгадили!
Марат! Мы с врагами пока что не сладили!
Марат! Мы, как прежде, живем в угнетении!
К чертовой матери долготерпение!

Резкий свисток глашатай.

Глашатай выходит, размахивая посохом. Музыка стихает. Четверо
певцов и хор отступают назад.

Г л а ш а т а й

Почтенные зрители, теперь вы видите сами,
что значит толпа: просто хам на хаме.
Вообще всевозможные потрясения и бури
происходят всегда от плебейской дури,

В эти трудные дни потерпеть бы малость.
А они все скулят, так и бьют на жалость.
Да что с них взять! Безмозглое стадо!
Ведь сейчас не скулить, а работать надо
и поддерживать тех, кто в новейшем духе
нас пытается вытащить из разрухи
и посредством спасительного единства
прекратить отвратительные бесчинства.
Что касается нас, то актерская братия
целиком за правительственные мероприятия,
которые всеобщим восторгом встречены,
ибо процветанье и счастье уже почти обеспечены,

17. ПЕРВЫЙ РАЗГОВОР МЕЖДУ
КОРДЕ И ДЮПРЕ

Дюпре и сестры выводят Шарлотту на авансцену. Они поддерживают ее под локти. Дюпре идет сзади, поддерживая ее со спины.

Г л а ш а т а й

(берет в руки свирель и издает несколько звуков)

Теперь, преисполнясь высокой морали,
автор велит, чтобы мы разыграли
сцену свиданья Дюпре и Шарлотты,
*(тревожно оглядывается по сторонам, с облегчением
кивает и указывает посохом на Корде)*
что мы и выполним не без охоты...

С помощью сестер Шарлотта выходит на игровую площадку. Дюпре — рядом с Шарлоттой. Сзади стоят сестры. Шарлотта и Дюпре церемонно здороваются друг с другом.

Шарлотта Корде в свои юные годы
видела лишь монастырские своды,
помещена в благородный приют
города Кана...

Именно тут

Дюпре ее выбрал себе в приятельницы
по настоянию самой настоятельницы.

Дюпре под шумок прижимается к Шарлотте и шупает ее.

(Обращаясь к Дюпре.)

Дюпре! Перестань! Не входи в роль!
Ты любишь ее платонически!

Глашатай посохом дает знак оркестру. Корде стоит с закрытыми глазами, откинув назад голову. В музыке — тема Корде. Глашатай внимательно наблюдает за ней.

Корде
(стоит с закрытыми глазами)

Ах, дорогой мой Дюпре...
(Смутившись, умолкает, потом продолжает
вновь, в стиле оперной арии.)

Ах, дорогой мой Дюпре,
что можем мы сделать с тобою,
чтоб отвратить это зло?..
(Открыв глаза.)

Всюду на улицах только и слышишь о том...
(Смущенно умолкает.)

Дюпре осторожно поглаживает ее по спине и по бедрам.

...только и слышишь о том,
что Марата объявят диктатором.
Сегодня он еще вынужден
лгать, что насилие
является временной мерой.
Но мы с тобой знаем,
что цель его состоит
в зверствах и беззаконии.
(Утомленно смолкает.)

Дюпре
(обнимая Шарлотту, говорит в стиле той же арии,
но более пылко)

Ах, дорогая Шарлотта!
Вернись, о, вернись, умоляю,
к своим монастырским подружкам,
запрись в своей келье,
найди утешенье в молитве.
Разве в твоих это силах
справиться с дикой толпой?

Одна из сестер подходит к Дюпре и отдергивает его руку, которую
он сует Шарлотте за пазуху. Корде остается в той же позе.

Ты говоришь о Марате.
Но кто он, этот Марат?
Какой-нибудь выскочка,
какой-нибудь корсиканец...

Глашатай тревожно звонит в колокольчик.

Прошу прощенья,— сардинец,
а может быть, даже — еврей.
Кто на него вообще
обращает вниманье?
Скопище уличной черни!
Нет, дорогая,
Марат для нас не опасен.

(Снова в любовном порыве обнимает Корде за бедра.)

Между тем четверо певцов дурачатся, играют в карты, показывают друг другу карточные фокусы.

К о р д е

Милый Дюпре,— понимаю:
ты хочешь меня испытать,
но я уже знаю, что делать...
(Пытается высвободиться из объятий Дюпре.)

Обе сестры хватают Дюпре за руки.

Д ю п р е

(страстно, в прежнем стиле арии)

Ах, дорогая Шарлотта,
я жажду остаться с тобой!
(Падает перед ней на колени и обхватывает ее ноги.)

К о р д е

Нет! Ты должен сейчас же,
немедленно
отправиться в Кан
к Барбару и Бюзо!
Слышишь?
Сейчас же беги!
Вечером будет поздно!

Д ю п р е

Как я могу покинуть
город,
в котором находишься ты,
моя дорогая?
Я остаюсь в Париже...
*(Забывшись, бросается на Корде и сжимает ее
в объятиях.)*

Глашатай бьет его посохом, затем стучит об пол.

Г л а ш а т а й
(суфлирует)

И для чего мне бежать...

Д ю п р е

И для чего мне бежать,
если все это
продлится недолго...
(Страстно ласкает Корде.)
Уже англичане штурмуют
Дюнкерк и Тулон.
Пруссакн...

Г л а ш а т а й
(поправляет)

Испанцы!

Д ю п р е
(испуганно)

Испанцы?!
Прошу прощенья, — испанцы
заняли Руссильон.
Париж...

Г л а ш а т а й
(поправляет)

Майнц!

Д ю п р е

Извините, — Майнц
окружили пруссаки,
Валансьенн и Конде — англичане...

Г л а ш а т а й

Австрийцы!

Д ю п р е

Извините, — австрийцы.
Восстала Вандея!

(С воодушевлением, все крепче обнимая Шарлотту.)

Нет! Долго они не продержатся,
эти ничтожные выскочки,
эти тупые фанатики,

лишенные какой бы то ни было
нравственности и культуры!
Все, дорогая Шарлотта!
Кончено! Я — остаюсь!
(Еще крепче обхватывает ноги Шарлотты
и прижимается головой к ее коленям.)
Скоро, поверь мне,
настанет
тот долгожданный час,
когда мы снова сможем
радостно произнести-и-и-и
заветное слово: «Сво-о-о-б-о-да!»
(Пукает «петуха».)

Дюпре встает, не выпуская Корде из объятий и пытается поцеловать ее. Корде отбивается, сестры спешат ей на помощь, грубо отталкивают Дюпре и ведут Шарлотту к ее скамейке.
Музыка смолкает.

18. ДЕ САД ПЛЮЕТ НА ВСЕ НАЦИИ

Д е С а д
(со своего места, обращаясь к Марату)

Слышишь, Марат,
как все они пекутся
о спасении Франции?
Каждый из них считает,
что именно он — патриот,
и кто как умеет,
с пафосом или без пафоса,
кричит, что готов
погибнуть во славу Франции!
В общем, и тем и другим
угодно отведавать крови...
(Встает.)

Мы именуем Высшею Справедливостью
смертные приговоры
и отсечение голов,
в то время как наши противники
лелеют мечту о том,
что распри и разногласия
среди вождей революции
приведут ее к гибели,
и уже видят тот день,

когда проберутся к власти
сиятельные господа,
которые вступят в сношения
со всеми князьями Европы
и восстановят порядок.
Что ж! И Гора, и Жиронда
верят в величие Франции.
Но разве, Марат, ты не видишь
неимоверную глупость
всех этих излияний,
всю бесконечную пошлость
патриотических фраз?
Эх, дорогой Марат!
Как мне осточертела
эта белиберда!
Я не хочу быть героем!
Плевать я хотел на Францию
и на все прочие нации!
И вообще — на все!

Кто-то из актеров громко плюется.

Общая сумятица.

К у л ь м ь е

(угрожающе поднимая палец, перебивает де Сада)

Я попросил бы...

П а ц и е н т

(сзади)

Да здоровствует Наполеон!

Да здоровствует Франция!

На заднем плане пронзительный хохот.

М е д в е д ь

(сзади)

Да здоровствуют все короли,
князья, императоры, папы!

На сцене возникает беспокойство.

К о з е л

(сзади)

Да здоровствуют диета и клизма!

Хохот.

Соловей

Да здравствует Марат!

Жак Ру

Да здравствует революция!

Де Сад

(перекрывая шум)

Лозунги очень быстро
завладевают массой,
втягивают их в свой круг...

Один из пациентов начинает со страшной скоростью бегать по кругу, за ним — второй и третий. За ними гонятся санитары.

Но я плюю

на движения взбудораженных масс!

Сзади опять кто-то громко сплевывает.

Мне глубоко начхать...

Кто-то чихает, общий хохот.

...на все благие порывы,
которые гаснут,
загнанные в безысходные тупики.

Мне наплевать
на все жертвы,
принесенные —
неважно ради чего...
Я верю только в себя!

Марат

(пылко, обращаясь к де Саду)

А я продолжаю верить
в священное дело,
которое ты предаешь!
Мы свергли кровавую власть
разжиревших разбойников.
Многих мы обезвредили,
правда, иным удалось
увильнуть от расплаты,
но, к сожалению, не в этом —
главная наша беда!

С прискорбием я наблюдаю,
как многие люди
сегодня сами не прочь
сесть народу на шею,
рвутся к богатству и к роскоши,
так что порою кажется,
что революция
произошла
в интересах лавочников и торгашей!
Буржуазия стала
новым правящим классом,
четвертое же сословье,
как прежде,
осталось ни с чем.

19. ЖАК РУ АГИТИРУЕТ

Ж а к Р у

(на заднем плане, вскочив на скамейку)

К оружию граждане!
Боритесь за ваши права!
Если сегодня
вы не возьмете того,
что принадлежит вам по праву,
вы можете ждать хоть сто лет
и ничего не добьетесь!

Пациенты, встав с лёжаков, приближаются к оратору.

Они преисполнены к вам
презрительного высокомерья:
еще бы!
Ведь вы не учились даже читать и писать!
Кто мог позволить себе подобную роскошь?
Они вас используют
в качестве чернорабочих своей революции,
с безгливостью отворачивая
чувствительные носы:
вы пахнете слишком дурно!
Вы провоняли потом!
Вам надо держаться подальше,
где-нибудь в стороне,
не раздражая их

своим неприятным запахом
и неопрятной одеждой.
При этом они не прочь,
чтоб вы, находясь
на самой черной работе
и пребывая в невежестве,
способствовали расцвету
просвещенного века,
который вам лично не даст
ничего, кроме бедности,
кроме все той же
изнурительной, черной работы!
А между тем их поэты
будут слагать стишки
о наступление эпохи
разума и справедливости,
а живописцы напишут
величественные полотна,
изображая колбасников
в виде античных героев!
Плюньте им в рожу!
Не поддавайтесь их лжи!
Покажите им, что вас — много!

Две сестры сзади подходят к Жаку Ру и стаскивают его со скамьи.

Кульмье
(вскакивая со своего кресла)

И мы должны здесь все это выслушивать?!
Мы — граждане нового века,
стремящиеся к процветанию?!

Жена Кульмье

Уймите его!
Это — невыносимо!
Он просто клеветает!

Глашатай
(пронзительно свистнув)

Этот смутьян, из вчерашних священников,
видит в достойнейших людях — мошенников!
Мусорный ящик приняв за амвон,
уличный сброд агитирует он!

Надо с прискорбием отметить, что многие
сделались жертвой его демагогии:
дескать, мы требуем рая земного
и не хотим никакого иного!..

Слушать противно подобную дичь!
Можно ли рая земного достичь?!
Впрочем, наверное, сам он не ведает,
что это значит... А вот — проповедует!
Тоже мне, новый нашелся пророк:
всюду, мол, царствуют зло и порок,
мы, мол, как прежде, бесправные парии,
но не смущайтесь, друзья-пролетарии,
вскоре расправимся мы с нищетой,
ибо пришел настоящий святой,
тот, кто Христа нам заменит распятого!
(Указывает на Марата.)

Смело вставайте под знамя Маратова!

Кульмье, удовлетворенно кивнув, снова садится в кресло. Пациен-
тов оттаскивают назад.

Д е С а д

Эх, бедняга Марат!
Мир для тебя ограничен
стенками этой ванны,
в которой ты сидишь,
весь испарапанный,
покрытый коростой.
Неужто ты все еще веришь
в возможность такой справедливости,
при которой власть
действительно будет в руках большинства?
Разве можно достичь
настоящего равенства?
Сегодня, клеймя одного,
вы у него изымаете
деньги или имущество,
чтоб передать это в руки многих,
которые, приобретя таким образом
чужое богатство,
сами начнут богатеть,
начнут наживаться,
точно так же, как их предшественники,

а когда наступит
гигантский застой производства,
миллионы лишатся куска насущного хлеба...
Да и вообще, скажи,
можно ли верить в то,
что самые разные люди
в равной мере способны работать для общего
блага?
Что существует естественное равенство между
людьми?

Как там поется в песне?..

(Продолжает в сопровождении лютни и пантомимы.)

Четверо певцов символически изображают, что в мире все продается и все покупается.

Один известен, как лучший пирожник,
другой — парикмахер, потрясший мир,
третий — самый великий сапожник,
четвертый — прославленный ювелир,
пятый — гениальнейший мастер-обойщик,
шестой — знаменитейший женский врач,
седьмой — удивительнейший закройщик,
восьмой — замечательнейший палач,
девятый — бесподобно играет в шашки,
десятый — пламеннейший трибун-златоуст,
у одиннадцатой — лучшие в мире ляжки,
у двенадцатой — самый высокий бюст.

Пауза.

Неужто ты думаешь их осчастливить,
уткнув их носом в постылое равенство?!
Неужто ты все еще веришь в возможность
прогресса,
если каждый станет лишь малым звеном
в великой цепи?
Неужто ты все еще веришь в единенье людей?
Даже те немногие,
кто были когда-то готовы
погибнуть во имя общности,
давным-давно отказавшись
от этой мертвой идеи,
вцепились друг другу в глотку,

смертельными став врагами
из-за ничтожнейших пустяков.

М а р а т
(выпрямляется)

Нет, речь не о пустяках!
Дело идет о главном.
Революция избавляется
от малодушных попутчиков!..
Мы должны взорвать
самый фундамент рабства,
и пусть этот взрыв устрасит
своей чрезмерной жестокостью
зажравшихся моралистов
в их сытом самодовольстве!
Послушай!..
Ты только послушай,
как проникает сквозь щели
подленький их шепоток...
Смотри,
как они притаились,
как ждут
той минуты,
когда настанет их срок...

Ч е т в е р о п е в ц о в
(говорят по одному в сопровождении музыки)

В чем дело?! Не пойму-с!
Я самый лояльный француз.
Поверьте, я «за», а не «против»,
не «против», вовсе напротив.
Да кто тут чего разберет!
Сказали, что кончился гнет,
сказали, что с казнью Капета
настал э́поха расцвета.
Ну, что же: расцвет так расцвет.
Монарха давно уже нет.
Смotalись попы и монахи.
Князья и бароны — во прахе,
Марат стал народным вождем...
Чего же мы, собственно ждем?!

20. ЖАК РУ ВТОРИЧНО АГИТИРУЕТ

Ж а к Р у
(вырвавшись вперед)

Мы требуем
открыть амбары
и раздать хлеб голодающим!
Мы требуем передачи
всех фабрик и мастерских
в руки народа!

Пациенты и певцы выходят на авансцену и окружают Жака Ру.

Мы требуем, чтобы в церквах
были устроены школы,
с тем чтобы церковь могла наконец
приносить хоть какую-то пользу!

Кульмье размахивает руками, пытаясь что-то сказать.

Мы требуем немедленного прекращения
кровопролитной войны,
которая служит вздуванию цен
и разжигает преступную жажду захватов!

Кульмье сбегает с трибуны и устремляется к де Саду, что-то ему говорит, но де Сад не реагирует.

Мы требуем, чтобы расходы
на подлую эту войну
полностью несли
те, кто ее развязали!
Отныне и навсегда
должны быть развеяны басни
о «великой войне» и о «доблестной армии»!
Все это ложь!
Доблесть! Бранная слава!
Ни с той, ни с другой стороны
нет и намека на доблесть,
нет никаких героев,—
а только серые массы
запуганных насмерть солдат,
которые хотят одного и того же:
мира,
чтоб не лежать зарытыми в землю,
а ходить по земле,
причем на своих ногах,
а не на деревянных култышках!

Кульмье
(прерывая)

Это пахнет предательством!

Жена Кульмье
Нам нужна наша армия!

Кульмье
(резко обращаясь к де Саду)

Вся эта сцена была изъята из пьесы!

Де Сад
(восклицает, не обращая на Кульмье ни малейшего
внимания)

Браво, Жак Ру!
Я недаром
велел на тебя напялить одежду священника!
Нынче — пора мимикрии.
Сегодня важнее всего
умение вовремя скрыться,
умение вовремя вынырнуть
и вовремя спрятаться вновь!..
Обличье монаха, Жак Ру, —
отличная маскировка!

Две сестры, справившись наконец с Жаком Ру, оттаскивают его в сторону. Дюпре использует возникшее на сцене замешательство, чтобы прижаться к Шарlotte. Она по-прежнему безучастно лежит на скамье. Пациенты встревоженно выступают вперед.

Жак Ру
(в то время, как его привязывают к скамье)

Марат!
Твое время пришло!
Марат, покажись!
Они тебя ждут!
Пусть революция грянет
мгновенным ударом
всеразрушающей молнии!
Пусть надо всеми вспыхнет
ее ослепительный свет!
(Вскакивает с привязанной к спине скамейкой.)

Его силой укладывают. Пациентов оттесняют назад.

Д е С а д

*(медленно подходит к авансцене, не обращая внимания на
общий шум)*

Марат!

Ты им нужен!

На день? На час? — Не знаю...

Сегодня они хотят
превратить тебя в мученика,
чтоб ты за них пострадал.

И они поместят в Пантеон
урну с твоим прахом,
а завтра — они же —

в куски разобьют эту урну.

А потом пройдут годы,
и люди изредка

будут друг друга спрашивать:

«Скажи, ты не помнишь,
кто такой был — Марат?..»

Ну, а теперь послушай,
что я думаю о революции,
которую, можно сказать,
сам я когда-то накликал...

Шум на сцене смолкает.

Тогда,

еще сидя в Бастилии,
я набросал свои тезисы.

Я вытолкнул их из себя,
истязаемый ненавистью
к самому себе,

к ограниченности собственной мысли.

Там, в тишине заточенья,

всплывали передо мной

образы этих чудовищ,

представителей обреченного класса,

чья власть мерещилась мне

в виде дурного спектакля,

где происходит глумление

над человеческой плотью.

До мельчайших деталей

я восстанавливал

весь этот механизм насилий и пыток,

и в то же время
 в себе самом находил
 жестокость и злобу.
 Я выступал не столько
 против тогдашних властителей,
 уже обреченных историей,
 готовых в нервном отчаянье
 увлечь за собой в могилу
 весь французский народ,—
 сколько против себя самого!
 В этом мире преступников
 я из своей души
 выкапывал зерна преступности,
 их скрупулезно исследовал,
 желая тем самым
 постичь существо эпохи,
 в которую я живу.
 Я сам был пропитан насквозь
 подлостью и злодейством,
 которыми я наделял
 придуманных мной великанов,
 и потому был готов,
 чтобы меня самого
 скрутили и «обработали».
 И я намерен теперь
 подвергнуться истязаньям
 вот этой самой красотки,—
 (*указывает на Корде, которую выводят на авансцену*)
 которая здесь стоит
 с плетью, зажатой в руке,
 чтобы и я получил
 заслуженное возмездье,
 в то время как я с тобой
 разглагольствую о революции.

Сестры ведут Шарлотту Корде на авансцену. Де Сад протягивает Шарлотте плетку, снимает с себя рубашку и подставляет ей спину, продолжая стоять лицом к зрителям. Шарлотта стоит позади. Пациенты медленно приближаются. Дамы на трибуне Кульмье в нетерпении вытягивают шеи.

Сначала я в революции
 видел возможность
 великого отомщенья,

священную оргию мести,
которая превосходит
самые жуткие сны.

Корде медленно замахивается и опускает плеть на спину де Сада.
Де Сад корчится от боли.

Ну, а потом,
когда я стал заседать в трибуналах...

Удар плетью. Де Сад хрипит.

...не в качестве подсудимого,
как это было прежде,
но в грозной роли судьи,—
я понял, что не могу
людей приговаривать к смерти...

Удар плетью.

Я делал все для того, чтоб их выручить:
пытался одних оправдать,
другим — смягчить наказание...
Я видел, что не способен к убийству...

Удар плетью. Де Сад астматически стонет.

...хотя это было,
пожалуй, последней возможностью
проявить свое «я».
Но теперь...

Удар плетью. Стоп.

...меня воротит
от этой возможности.

Корде, запыхавшись, опускает плеть.

Так что сегодня, Марат...

Удар плетью. Де Сад задыхается.

Я вижу, к чему ведет
твоя революция...

Выбившись из сил, Корде опускает плеть. Обе сестры подходят к ней и отталкивают назад. Она повинуется, волоча за собой плеть.

(Не вставая с колен, продолжает.)

Она ведет к обезличиванию
отдельного человека,
к утрате возможности

самостоятельно мыслить,
к пагубной беззащитности
перед лицом государства,
которое, будучи
бесконечно далеким
от нужд и забот человека,
становится недоступным
для чьей-либо критики.
Вот почему я
навсегда отошел
от идей революции,
замкнулся в самом себе.
Отныне я не хочу
никому подчиняться!
И если действительно
я осужден на гибель,
я все же еще надеюсь
кое-что сохранить —
хотя бы свою независимость!
Отныне я — лишь наблюдатель,
Я навсегда решил
наблюдать и не вмешиваться
во что бы то ни было,
видеть
и, размышляя над виденным,
уйти навсегда в тишину.
(Задыхаясь, умолкает.)

В глубине сцены молитвенные песнопения.

И пусть, когда я исчезну,
от меня на земле не останется
даже следа... Тем лучше!
(Берет в руки рубашку, медленно надевает ее и под молит-
венные песнопения возвращается к своему стулу.)

22. «БЕДНЫЙ МАРАТ, ТЫ ГОНИМ И ОПЛЕВАН...»

Марат
(скрючившись и наклонившись вперед)

Симона, Симона!
(Смотрит невидящим взглядом.)
Отчего вдруг так стало темно?
Смени мне повязку!

Укрой меня теплым платком!
Сам не пойму —
холодно мне или жарко...

Симона, склонившись над Маратом, стоит, готовая выполнить любое его приказание. Она кладет руку Марату на лоб, меняет ему повязку и простыню, обмахивает платком.

Симона,
сходи, позови рассыльного Басса!
Я продиктую ему
свое воззвание к нации!

Симона в отчаянии трясет головой и рукой зажимает свой рот.

Симона, где мои записи?
Я их только что видел!
Отчего так темно?!

Симона подвигает ему доску, на которой лежат бумаги.

С и м о н а

Да вот они здесь, твои записи!
Не волнуйся, Жан-Поль!..

М а р а т

Где перо?
Где чернила?

С и м о н а

(указывая на перо и чернильницу)

Да вот же твое перо,
а вот и чернильница.
Все на обычном месте.
Это, наверно, от облака
сделалось так темно
или от дыма:
сейчас там сжигают трупы.

Музыка подчеркивает ее слова. Четверо певцов выходят вперед.

Ч е т в е р о п е в ц о в
(поют)

Бедный Марат, ты гоним и оплеван,
Номер газеты твоей конфискован.
Покуда ты пишешь свой манифест,

снова тебе угрожает арест!
Бедный Марат, при чадящей лампаде!
Передохни! Оторвись от тетради.
Мы тебе верим, и ты нам поверь:
дом твой обложен ищейками. В дверь
скоро ударит приклад алыгвазила.
Ну, а за этим — тюрьма и могила...

Хор и четверо певцов
Марат! Революцию нашу изгадили!
Марат! Мы с врагами своими не сладили!
Марат! Мы, как прежде, живем в угнетении!
К чертовой матери долготерпение!

Музыкальный финал.

23. ВТОРОЙ РАЗГОВОР
МЕЖДУ ШАРЛОТТОЙ КОРДЕ И ДЮПРЕ

Сестры и Дюпре готовят Шарлотту к выходу. Общими усилиями они ставят ее на ноги. Сестры приводят в порядок ее платье и надевают на нее шляпу.

Глашатай выходит вперед и трижды стучит посохом об пол.

Г л а ш а т а й
(издав на свирели несколько звуков)

Да... Происходят ужасные вещи...
Только не все так темно и зловеще:
в мире не только страданье и кровь,
но и добро, красота и любовь.
В мире не только миллионы казненных,
но и миллионы счастливых влюбленных,
в мире — не только разбой и пожар,
но и веселье гуляющих пар.
Так что давайте, забыв про пожары,
взглянем на эту влюбленную пару.

Сестры выводят Корде на авансцену. Дюпре обнимает Шарлотту за талию.

(Посохом указывает на них.)
Видите — с пышной прической девица...
(Указывает.)
Очень изящна... Чуть-чуть бледнолица...
(Указывает.)

Глазки слезинками увлажнены...

(Указывает.)

Губки, что твой лепесточек, нежны...

(Указывает.)

Ротик ее улыбается сладко...

(Указывает.)

Словом — типичная аристократка...

Ну, а скажите, чем плох ухажер?

(Указывает на Дюпре.)

Дюпре поднимает ногу Шарлотты и целует ей туфлю, затем осыпает поцелуями ногу. Корде отталкивает его.

Сдержанность жестов... Потупленный взор...

Шарлотта резко отталкивает Дюпре. Потеряв равновесие, он падает, неуклюже шлепнувшись задом об пол, но тут же поднимается и встает в комическую позу влюбленного. Корде презрительно отворачивается.

Правда, сегодня он несколько мрачен,
ибо безумною страстью охвачен.

(Касается посохом его груди.)

Ладно... Пускай поворкуют, как голуби.

Время придет, и отрубят им головы.

Вслед за невестой пойдет и жених...

Ну, а покамест послушаем их.

В музыке — тема Корде. Шарлотта, забыв текст, ждет подсказки.

(Суфлирует.)

О, золотая пора...

К о р д е

(в стиле арии)

О, золотая пора,—

ты настанешь!

Человек будет жить в согласье

с самим собой

и с себе подобными...

Дюпре осыпает ее руки и плечи поцелуями.

Д ю п р е

(гладя ее волосы, поет в стиле арии)

О, я верую твердо:

на земле воцарится

справедливый общественный строй,
при котором
человек сможет пользоваться
ин-ди-ви-ду-аль-ной сво-бо-до-ой,
(снова тянет руку к Шарлотте, та отбивается)
любя своего ближнего,
как самого себя.
(Пытается поцеловать Корде в губы, она увертывается.)

К о р д е
(поет)

В этом обществе равенство
будет означать
равное право для каждого
действовать по своему усмотре-е-е-нию-ю-ю!

Д ю п р е
(сладоострастно прижавшись к Шарлотте; Глашатай подпе-
вает ему)

Я уповаю,
я верую,
что различие между людьми,
созданное природой...

Корде отпрянула назад и вырвалась из его рук. Дюпре скачет за
ней, продолжая свою арию.

...будет уравнено
высшим установленьем,
так что...
(почти бездыханно)
так что...

Одна из сестер возвращает Корде на авансцену и ставит в герои-
ческую позу.

...при всем различии в психике
и в физи-и-чес-ких ка-а-а-чествах
люди придут к единству
и к общественному согласью...
(Облегченно вздыхает и, подобно Шарлотте, становится в
соответствующую позу, так что финал выглядит вполне при-
стойно.)

24. ЭТА ХОДЯЧАЯ ЛОЖЬ...

Марат выпрямляется.
Сестры уводят Шарлотту. Дюпре следует за ней.

Марат

Эта ходячая ложь
об идеальном обществе!
Неужто и в самом деле
богач добровольно
откажется от богатства?
Если сегодня
воздействие обстоятельств
заставляет имущих
идти на иные уступки,
то здесь в основе
тот же корыстный расчет:
отделаться жалким грошиком,
чтоб сохранить миллионы!
Кругом, например, говорят
о предстоящем увеличении
заработка рабочих.
В чем же тут дело?

Несколько пациентов поднимаются со своих мест и, прислушиваясь,
медленно приближаются к середине сцены.

А в том,
что, повышая заработок,
предприниматель рассчитывает
удвоить, утроить выработку
и тем самым
удвоить, утроить свои доходы.
Нет, не надейтесь, друзья,
что вы достигнете цели
без применения силы!

Корде, вытянувшись, лежит на эстраде. Дюпре склоняется над ней.

Не поддавайтесь обману!
Если им даже удастся,
задушив революцию,
добиться подъема хозяйства
и вам покажется,
что вы стали жить лучше,
потому, что нужду
искусно замаскируют,

добавив немного денег
к вашему жалованью,
так что вы сможете даже
позволить себе купить
кое-какой товарец,
и вы начнете верить,
что благосостоянье
уже у ваших дверей,—
знайте, что вас
по-прежнему надувают
опытные обманщики,
те, кто богаче
в тысячу раз, чем вы...

Пациенты и четверо певцов медленно приближаются к авансцене.

Не верьте своим хозяевам,
когда они вас начнут
похлопывать по плечу
и внушать вам,
что больше нет никаких оснований
для классовой розни.

Кульмье беспокойно оглядывается по сторонам.

Если вы им поверите,
тогда их господство над вами
станет уже абсолютным
и навсегда утвердится
их разбойничья власть.

(Обращаясь к публике.)

Засев в своих крепостях
новейшего образца
из стали, стекла и мрамора,
они развяжут всемирный грабеж,
всемирную бойню
под лозунгом распространенья культуры,
спасения цивилизации...

Кульмье, сойдя с трибуны, поспешно направляется к де Саду и что-то шепчет ему. Де Сад не реагирует.

И если им будет нужно,
они вас швырнут в мясорубку,
в пламя войны,
чтоб вы защищали
кучку презренных преступников!

Де Сад встает со своего стула и успокаивает Кульмье.

С каждым днем, с каждым часом
подкупленная наука
будет совершенствовать
орудия смертоубийства,
которые уничтожат
миллионные массы людей.

Г л а ш а т а й
(свистнув)

Спешим объяснить, что вся эта речь
приведена здесь, чтоб поразвлечь
тех представителей нашей публики,
кто помнит страхи времен республики,
и каждое слово, что здесь произносится,
конечно, никак к нашим дням не относится.

25. ВТОРОЙ ПРИХОД ШАРЛОТТЫ КОРДЕ

Г л а ш а т а й

Второй приход Шарлотты Корде!
(Указывает на Корде.)

Сестры прихорашивают ее и выводят на авансцену. Кульмье, успокоившись, возвращается на свое место. Корде заносит руку, как бы готовясь постучать в дверь. За ее спиной стоят сестры, чтобы в случае необходимости подхватить ее. Глашатай посохом дает знак Корде, и она жестом изображает стук в дверь, в то время как глашатай стучит посохом об пол.

К о р д е
(тихо)

Я пришла
вручить это письмо,
(вынимает письмо из-под платка)
в котором снова прошу,
чтобы меня допустили к Марату.
Я очень несчастна,
и этого достаточно,
чтобы я имела право
просить Марата о помощи...

Корде протягивает Симоне письмо. Симона в крайнем волнении делает шаг навстречу Корде, затем возвращается к ванне и снова меняет Марату повязку.

(Громко повторяет.)

Я вправе просить гражданина Марата о помощи...

Он делает решительный жест. Симона нервно вздрагивает, мечется взад и вперед, потом подходит к Шарлотте и вырывает у нее из рук письмо.

М а р а т

Кто там, Симона?

Симона снова мечется между Корде и Маратом.

Г л а ш а т а й
(суфлирует)

Девушка из Кана с каким-то письмом,
Просительница...

Корде стоит, свикнув. Дюпре подходит к ней сзади и обнимает ее. Подбегают обе сестры и уводят Корде на ее скамью.

С и м о н а
(сбивчиво и злобно)

Я не впущу никого!
Они приносят нам только несчастья
со своими ахами, охами,
обидами и болячками,
будто тебе и впрямь
нечего больше делать,
как быть их врачом, адвокатом и исповедником,
лечить их от насморка или запора
и разрешать их семейные ссоры...

Симона рвет письмо в клочки и обрывки прячет себе в фартук.
Потом подходит к ванне и укрывает Марата простыней.
Музыка принимает трагическое звучание.

Ч е т в е р о п е в ц о в
(становятся в позу)

Бедный Марат! Пересиль свои муки!
Даром ты, что ль, изучил все науки?
Может с болезнью расправиться вмиг
тот, кто, как ты, медицину постиг!
В физике ты разбираешься тоже,—
значит, исчезнут прыщи с твоей кожи!
Знаем: в ушах твоих — грохот и шум,
только по-прежнему ясен твой ум,
трезво осмысливший мироустройство.

Так что зачем проявлять беспокойство?
Лучше прочисть нам, беднягам, мозги,
Мы как слепые. Не видим ни зги,
Выведи нас на прямую дорогу
и просвети нас хотя бы немного!

В музыке нарастает трагический грохот. Марата всего лихорадит.
Симона щупает рукой его лоб, обмахивает его платком и снова
меняет ему повязку.

26. МАРАТУ МЕРЕЩАТСЯ ПРИЗРАКИ

Вся сцена дрожит и грохочет. Пантомима: везут телегу, в нее впряжены мужчина и женщина, изображающие родителей Марата. Сидящие в телеге олицетворяют представителей народа, армии, церкви и буржуа-нуворишей.

Все сидящие в телеге увешаны орденами и примитивными знаками отличия. Их костюмы крайне гротескны.

Марат

(встает в ванне во весь рост)

Смотрите! Вот они! Вот они!
Попы, генералы,
министры, усыпанные звездами,
титурованные фальшивомонетчики,
правительственные прохвосты,
Я вижу их приближение!
Смотрите! Они уже рядом!
Смотрите!
Не позже, чем завтра,
они возьмутся за дело,
за создание новой,
великой Франции,
настолько великой,
что вы
будете ползать в ничтожестве
перед этим величием!
Вот они — здесь.
Я их вижу...

Звуки грозы нарастают.

Г л а ш а т а й

(стукает посохом об пол)

Покамест он черт-те что несет,
(указывает на Марата)

послушаем этих почтенных господ,
(Указывает на участников пантомимы.)

Приближается актер, изображающий учителя.

Вот школьный учитель, который когда-то
в школе учил молодого Марата.
(Указывает на учителя.)

Учитель
(поет фистулой)

Еще ма-ма-льчишкой этот Ма-арат
друг с другом стравливал групп-пы реб-бят,
де-де-ревянными бились они меч-а-чами,
бежала кровь из но-носов ручьями.

Сзади слышатся крики.

А если кто... кто попадался в пле-плен,
то должен был, не... не... вставая с колен,
подвергаться в течение це-целого ча-часа
насилю со стороны победившего кла-класса.

Г л а ш а т а й
(указывает на женщину, изображающую мать Марата)

А теперь позвольте на сцену нашу
пригласить к Марату его мамашу,
и, поскольку она его нам родила,
пусть расскажет нам про его дела.

М а т ь
(поет дребезжащим голосом)

Еще в возрасте грудного младенца
такие выкидывал он коленца!
Да и потом — не бывало дня,
чтоб обходились бы без ремня.
То он есть не хочет, то спать не ляжет,
то сутки слова тебе не скажет,
ни в чем родителям не уступит,
бывало, отец его розгами лупит...
(Пронзительно хохочет. Из глубины сцены раздается смех
и слышатся удары розог.)
...в чулан запрет... А ему — начхать
на всех, в том числе на родную мать,
(Снова хохочет.)

О т е ц

(выпрыгивает вперед, говорит прерывистым голо́сом)

Нет, он, действительно, с самых пеленок
был сущий дьявол, а не ребенок.
Случалось — двинешь его по зубам,
он тут же в ответ тебе двинет сам.
Укусишь его — он тебя укусит,
петлей припугнешь — все равно не струсит,
а неподвижно уляжется на пол...
Уж я и щипал его и царапал, —
ни розгой его не проймешь, ни пинком...
Таким вот нас бог наградил сыно́ком,
(Разражается раскатистым смехом.)

М а р а т

Да,
теперь я вас узнал наконец,
ненавистная мать,
ненавистный отец!

Родители приседают на корточки. Их все еще трясет смех. Они раскачиваются, как если бы сидели в лодке.

Запомнил я ваши розги и плетки...
Но отчего вы плывете в лодке?
Какая волна вас качает всех?
И что означает ваш жуткий смех?

Родители сидят, раскачиваясь. Их смех постепенно смолкает.

С и м о н а

(подходит к ванне)

Жан-Поль,
тебя всего лихорадит,
Перестань сейчас же работать!
Ты погибнешь, Жан-Поль!
Отдохни!

М а р а т

Нет, это не лихорадка,
Симона.
Я их узнал.
Всех...
Всех...

Учитель
(выскакивает вперед)

Это-от хва-а-а-стунишка! Этот нахал!
В пять лет, сопляком,
он уже орал:
«Я-я-я-я-я
знаю бо-больше,
чем все, вместе взятые учителя!»
А когда ему пят-пят-пятнадцать
стукнуло лет,
Он кри-кри-кри-чал:
«Я ум-умнее,
чем це-целый уни-универси-си-тет!»
А в двадцать
визжал он в пылу по-полемики!
«Я ге-гениальной,
чем все ака-ака-ака-академики!»
Так он
во-вопил и то-топал ногами.
И все, что я ззздесь го-го-говорю,
такая же пра-правда,
как то, что я-я
стою перед ва-вами.
(Размахивает тростью.)

Марат

Симона,
где мои старые рукописи:
«Приключения графа Потовского»,
«Польские письма»,
«Цепи рабства»?..

Симона
(машет рукой)

Оставь! Оставь!
Тебе нельзя напрягаться!

Марат
(поднимается)

Слышишь?
Найди мои рукописи!
Неси их сюда!
Сию же минуту!

Учитель

Пи-писания плагиатора!
Набор украденных мыслей!
Пу-пустые тирады...

Представитель армии
Одна книга издана под именем графа,
другая под именем принца.
Разве не ясно,
что это — шарлатан и авантюрист,
стремившийся пробраться в высшее общество,
который, потерпев неудачу,
себя объявил борцом
против тех,
перед кем он сам пресмыкался?

Представитель науки
А что он выделял в Англии,
этот пройдоха Марат?
Разве он не был лондонским денди,
представителем золотой молодежи,
который с позором бежал,
уличенный в мошенничестве,
воровстве и растрате?!
Правда, потом он снова
смог втереться в доверие
к некоторым знатым семействам,
став, например, лейбмедиком
графа д'Артуа, брата Людовика,
или я ошибаюсь,
и он был всего-навсего бедным,
безвестным ветеринаром,
и это не он, не Марат,
а кто-то другой драл со своих пациентов
по тридцать шесть ливров
за пустяковый визит
и пользовался при этом
исключительным расположением
знатных особ
дамского пола?!

Жена и дочь Кульмье аплодируют.

Но когда эти дамы
вдруг обнаружили,

что их гениальный целитель
простой коновал,
а его необыкновенные лекарства
состоят из воды и меда —
они приказали слугам
вышвырнуть его вон,
и тогда,
очутившись на улице,
оплеванный и опозоренный,
он принялся орать:

Крики из глубины сцены.

«Собственность — кража!
Долой тиранов!»

Призыв подхвачен в глубине сцены.
Появляется фигура в маске, напоминающей лицо Вольтера.

Г л а ш а т а й
(указывает посохом)

А сейчас перед вами предстанет в натуре,
прославленный в нашей литературе,
Вольтер — властитель сердец и умов,
и лично вам скажет несколько слов,
(Указывает посохом.)

В о л ь т е р
(монотонно)

Мы имели возможность
ознакомиться с сочинениями
некоего Марата,
под претенциозным названием —
«О человеке».
В этом, с позволения сказать, эссе
Марат
разъяснил нам, непросвещенным,
что душа человека
расположена в коре головного мозга
и, таким образом,
воздействует на всю механику
человеческого организма.
Эта же душа, в свою очередь,
получая от организма
те или иные сигналы,

превращает их в то,
что мы именуем сознанием.
Иными словами,
выходит,
что, предположим, мозоль
наполняет болью извилины мозга,
а омраченная болью душа
влияет на печень и почки.
Вот — примерная схема,
которую нам преподнес
под видом научного открытия
этот профан,
недостойный даже нашей насмешки.

Петух и Соловей иронически хохочут. На авансцену выходит фигура с пальмовой ветвью.

Г л а ш а т а й

Приглашаем на сцену другого гения!

(Указывает посохом.)

Господин Лавуазье! Вы, без сомнения,
знаете, что Марат исследовал свойства огня
и света,

Что вы можете нам сообщить про это?..

Л а в у а з ь е

(монотонно)

Академия в свое время
рассматривала труды господина Марата
о физических свойствах огня,
света и электричества.

Названный выше Марат
вознамерился пересмотреть
все теории,

существовавшие в этой отрасли
прежде.

Так, по его утверждению,
огонь является

не одной из четырех стихий,
а жидкой, текучей массой флюидов,
которые воспламеняются
от соприкосновения с воздухом.

Свет, — утверждает Марат, —
не является светом
в обычном понимании слова,

а только вибрацией
световых лучей,
так же как и тепло,
которое образуется
в результате все тех же вибраций
и соприкосновения света
с человеческим телом,
от чего возникает движение молекул.
Подводя итоги,
можно сказать,
что сей
новоявленный творец бытия
объявляет
несостоятельной
всю мировую науку,
кладя в основу существования природы
трение магнитных частиц,
вызывающих электрический ток.
Не удивительно,
что, овладев подобной премудростью,
он сидит в ванне,
изнемогает от зуда,
будучи просто не в силах
что-либо предпринять
против обычной чесотки.

Медведь и Козел иронически смеются. Отец и мать раздражаются
хохотом. Участники пантомимы становятся в позу судей, произ-
носящих приговор.

В о л ь т е р
(под музыку)

И когда он понял,
что все его изыскания и научные опыты
полетели к чертям...

С в я щ е н н и к

Дилетант тотчас же учуял,
что можно выбиться в люди,
примкнув к революции.

У ч и т е л ь

И он об-об-ра-ра-тился к че-черни,
по-пошел к угнетенным.

Н у в о р и ш
И назвал себя «Другом Народа»,

С в я щ е н н и к
Но думал он не о народе.

Л а в у а з ь е
А лишь о самом себе,
о собственной угнетенности!

Раскачиваясь и вновь разразившись хохотом, отец и мать удаляются, везя за собой телегу с участниками пантомимы. Жак Ру спешит на защиту.

Ж а к Р у
Горе подвижнику!
Горе тому, кто отважится
выступить против рутины,
раздвинуть привычные рамки,
пробиться сквозь стену косности!
Освистан и высмеян тот,
кто дерзнул
сорвать с себя шоры невежества!.,
О, Друг Народа Марат!
Всю жизнь ты стремился к ясности
и потому постигал
тайны огня и света!

В глубине сцены возникает беспокойство.

Ты мечтал разбудить
спящие силы природы,
встряхнуть их, растормошить,
и потому тебя влекло
к исследованию свойств электричества!
Ты, наконец, хотел
познать человека,
его назначение в жизни
и неустанно мучился жгучим вопросом:
где она расположена,
эта душа,

Пациенты, образуя группу, выступают вперед.

этот сгусток
пустых идеалов
и взбаламученной нравственности?

Вот почему ты решил
поселить ее
в самом мозгу человека,
чтобы душа перестала
быть отвлеченным понятием,
сделавшись чем-то реальным,
чем-то практически действенным,
мыслящим,
способным
влиять на события,
подчинять себе жизнь!
И к революции ты пришел оттого,
что понял,
что дальше так длиться не может,
что нужны перемены,
решительный пересмотр
всех устаревших порядков,
полнейшая ломка
отживших установлений,
и что без этой ломки
бесплодны любые усилия
усовершенствовать мир!..

Кульмье вскакивает. Сестры и санитары подбегают к Жаку Ру и от-
таскивают его в глубину сцены. Де Сад встает со своего стула и с
усмешкой наблюдает за происходящим.
Корде по-прежнему дремлет на лежаке.
Дюпре сидит перед ней на полу.

Х о р

*(в сопровождении музыки и молитвенных причитаний
сестер)*

Марат! Революцию нашу изгадили!
Марат! Мы с врагами пока что не сладили!
Марат! Мы, как прежде, живем в угнетении!
К чертовой матери долготерпение!

Г л а ш а т а й

(размахивая трещоткой)

Сквозь сумятицу времени мало-помалу
мы приближаемся с вами к финалу
той злосчастной эпохи, что нынче на деле
мы, слава господу, преодолели
и, устранивши противоречия,
достигли единства, добросердечия,

всеобщей любви и всеобщей гармонии,
поставив крест на былом беззаконии.
О значении этого величайшего факта
стоит подумать во время антракта.
Сейчас мы вас просим пройти в буфет,
чтоб отведать пива, кофе, конфет,
а затем, после отдыха небольшого,
вы Марата в ванне увидите снова.
(Указывает на Марата.)

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

За сценой — удары больничного колокола.

27. НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

На сцене — декорации первого акта, с некоторыми изменениями.
Справа — вокруг стула де Сада и трибуны Кульмье — сидят п а ц и е н т ы, которые изображают жирондистов в Национальном собрании. Д ю п р е сидит между двумя п а ц и е н т к а м и в одеж-
дах кокоток. Слева, вокруг ванны Марата, находятся п а ц и е н т ы,
которые изображают якобинцев и зрителей из народа.

Х о р, разбившись на группы, воспроизводит: продолжительный,
почти непрерывный гул возмущения; длинный, монотонный свист;
приглушенный топот ног.

М а р а т стоит в ванне и глядит вперед, прямо перед собой.

Г л а ш а т а й

Прежде чем мертвым в могилу лечь,
Марат в уме произносит речь
и излагает свои теории
воображаемой аудитории
(Посохом дает знак оркестру.)

Туш. Участники сцены, изображающие депутатов, свистят, топают
и шаркают ногами.

Г о л о с а (заученно)

Долой Марата!
Пусть говорит!
Прочь с трибуны!
Нельзя запрещать высказываться!

Да здравствует Робеспьер!
Слава Дантону!

М а р а т

(Говорит, глядя вперед. В течение всей своей речи он обращается не к тем, кто присутствует на сцене, так что становится ясно, что эту речь он произносит лишь в своем воображении.)

Сограждане,
депутаты Национального собрания!
Отечество в опасности.
Армии всей Европы,
предводительствуемые мародерами,
вторглись в наши границы,
чтоб задушить свободу и Францию.
Мысленно они уже делят добычу.
А мы...

Что делаем мы?

Слева — шарканье ног.

Наш военный министр,
чья верность долгу и честность
не вызывали у нас
ни малейших сомнений,
оказавшись вором и спекулянтом,
продает за границу хлеб,
предназначенный для нашей армии,
снабжая войска интервентов.

Продолжительный свист. Крики: «Ложь! Прочь с трибуны!»

Наш главнокомандующий —
генерал Дюмурье...

Ж е н а К у л ь м ь е

Браво! Браво! Да здравствует!..

М а р а т

Генерал Дюмурье,
которого я считал предателем,
а вы объявляли героем,
переметнулся к противнику.

Крики: «Браво! Долой! Клевета!»

Большинство наших генералов
сочувствует эмигрантам

и только и ждет того дня,
когда можно будет вступить
в откровенную сделку
с врагами отечества.

Крики: «На гильотину! Лжец! Подстрекатель! Да здравствует Друг
Народа!»

Хваленый наш финансист —
господин Камбон
нажился на выпуске
фальшивых бумаг,
так что страна оказалась
на грани инфляции.

Свист и топот.

С о л о в е й

Да здравствует свободное
предпринимательство!

М а р а т

Мне также известно,
что наш достоправный банкир —
господин Перго,
вступив с англичанами в заговор,
возглавил шпионский центр,
расположенный
в одном из подвалов
его банкирской конторы.

К у л ь м ь е

(вскакивает с места и решительно прерывает Марата)

Это — бесстыжая клевета
на достойнейшего человека,
кавалера Почетного легиона,
которого Наполеон
назначил
директором Национального банка!

Возгласы: «Марат, прекрати, заткнуть ему глотку! Марат, говори!
Не бойся! Bravo, Марат!»

М а р а т

(отвечая на крики)

Народ больше не в силах
покупать себе хлеб

у господ перекупщиков
по чудовищным ценам.
Наши солдаты ходят в лохмотьях.
Контрреволюция
ввергла страну в пучину
новой гражданской войны.
А мы продолжаем бездействовать!
Церковные земли по-прежнему
не розданы бедным,
хотя я не переставал твердить,
о необходимости распределения
монастырских земель,
поделенных на небольшие участки,
среди неимущих,
с тем чтобы, снабдив
будущих владельцев этих участков
земледельческими орудиями,
посевным материалом
и прожиточными средствами,
превратить их в полезных граждан,
привязанных к революции
и заинтересованных в ее поддержке.
Ничто не сдвинулось с места!
До сих пор не созданы общинные мастерские
в зданиях бывших церквей и помещичьих
замков!

Тот, кто работает, гнет спину
на маклеров, биржевиков,
держателей акций...

Шиканье.

Дорогие сограждане!
Неужели мы с вами дрались за свободу
во имя тех, кто нас грабит?

Голоса: «Хватит! В тюрьму подстрекателя! Слушайте! Слушайте!»

Отечество наше в опасности.
Мы говорим о Франции.
Но чья это Франция?!
Мы говорим о свободе,
Но чья это свобода?!
Депутаты Национального собрания!
Вы никогда не вырвитесь
из проклятого прошлого,

никогда не поймете
опасности перерождения...

Свистки, гул возмущения.

Почему в этом зале
так мало мест?
Почему бы тысячам,
десяткам и сотням тысяч французов
не знать, что здесь происходит,
и не слышать того,
что здесь говорится?!

Д ю р е

Чего он хочет достичь своими речами?
Посмотрите, кто сидит на трибунах:
вязальщицы, прачки, консьержки,
лишенные работодателей,
карманные воры, бездельники,
фланирующие по бульварам,
Возмущение среди слушателей.

завсегдатаи
парижских кафе...

Голос: «А на какие шиши?»

...беглые каторжники,
сумасшедшие, выпущенные
из психиатрических клиник...

Общее столпотворение, свист.

Неужто вся эта публика
должна управлять страной?!

М а р а т

Лжецы!
Вы ненавидите Францию!
Вам ненавистен народ!

Крики возмущения, возгласы: «Браво, Марат! Он говорит правду!»

Народ для вас — только бесформенная,
грубая масса,
потому что вы никогда
не знали народа, не жили среди него
и, примкнув к революции,

никогда не пытались
осмыслить ее основы!
Разве Дантон,
даже великий Дантон,
не считает,
что мы должны сосредоточить все наши силы
прежде всего
на возведение бедности
в главную добродетель,
а не на уничтожение богатства?!
Разве наш Робеспьер,
который бледнеет
при одном слове — «насилие»,
сам не проводит время
в известных салонах,
при отблеске канделябров,
за изысканным кушаньем?!

Слушатели прищипывают языками. Крики: «Долой Робеспьера! Да здравствует Марат!»

Мы все еще стремимся подражать
напудренным проходивцам
Неккеру, Лафайету, Талейрану...

Кульмье
(резко)

Молчать!..

Сегодня, слава богу, не девяносто третий

год,

а восемьсот восьмой,
и сам император
возвратил этим в свое время несправедливо
оклеветанным людям
достоинство, честь и доброе имя!

Марат

(решительно продолжая свою речь и
как бы не замечая Кульмье)

...Неккеру, Лафайету, Талейрану,
и так далее, и так далее,—
всех их не перечислишь!
Нам наконец нужен
подлинный защитник интересов народа,
такой человек,

которого все мы могли бы назвать
неподкупным,
который пользовался бы всеобщим доверьем!
Конечно, споры и хаос —
хорошее дело,
но это пока что
лишь первая стадия,
за которой должно
последовать
главное.
Выберем одного,
который сможет решительно
отстаивать наши права...

Крики: «Назначить Марата диктатором! Посадить его в ванну! Швыр-
нуть его в унитаз! Крысиный диктатор!»

Диктатор!
Пусть навсегда исчезнет
это проклятое слово!
Мне ненавистно любое напоминание
о диктаторах, патриархах, владыках,
но нам нужен руководитель,
который в период кризиса...

Дальнейшие его слова тонут в общем шуме.

Д ю п р е

Он подстрекает
к новым убийствам!

М а р а т

Мы не убийцы!
Мы — судьи!
Мы деремся за жизнь!

Д ю п р е

О, как надоела агитация
вместо творческой мысли!
Как хочется вновь красоты и гармонии
вместо смуты и фанатизма толпы!

Четверо певцов бросаются на Дюпре и зажимают ему рот.

Жак Ру
(*в глубине сцены вскакивает с места*)

Слышите, что здесь творится?
Объединяйтесь!
Расправьтесь с врагами народа!
Спешите их обезвредить!
Если они победят,
никому из вас не будет пощады,
и все, чего вы добились,
пойдет прахом!

Возгласы восхищения, свистки, топот ног. Выкрики в хоре: «Долой!
К черту Марата! Прочь! Прочь!»

Г о л о с а

Марат! Марат! Марат! Марат!
Венчайте лавровым венком Друга Народа!
Слава Марату! Вечная слава!
Да здравствуют улицы!
Да здравствуют фонарные столбы!
Да здравствуют булочные!
Да здравствует Франция!
Да здравствует свобода!
Долой кандалы!
Долой смирительные рубахи!
Долой замки и запоры!
Долой решетки!

Возмущение и крики. Пациенты бросаются к авансцене. Величание
Марата.

Х о р

Эй, друг Марат! Ты им кажешься зверем!
Но только тебе одному мы верим!

Медведь и Козел
(*поют, пританцовывая*)

Бей спекулянта! Души богатея!
Вздернуть попа — недурная затея!
А там с силенками соберемся
и до господ бога самого доберемся!

Петух и Соловей
(*поют, пританцовывая*)

Теперича сами мы — господа!
Оленья пагу подавай нам сюда!

**Представители угнетаемых классов
Желают рябчиков и ананасов!**

Хор

Марат! Марат! Марат!

Де Сад

(приближается к авансцене: хор постепенно смолкает)

Итак,—

**они найдут одного,
на кого они смогут свалить
все свои преступления,
и они назовут его кровавым чудовищем,
и он войдет в историю
под именем
Жан-Поля Марата!**

Грохот барабанов, музыкальное вступление.

28. «БЕДНЫЙ МАРАТ, ТЫ СИДИШЬ В СВОЕЙ ВАННЕ...»

Марат покорно вновь садится в ванну и утомленно склоняет голову на доску. Скамьи для зрителей отодвигают назад. Сестры и санитары оттесняют пациентов в глубину сцены. Впереди четверо певцов медленно танцуют «Карманьолу».

Медведь и Козел

**Бедный Марат, ты сидишь в своей ванне,
а время подходит к последней грани.
Сейчас ты погибнешь от рук злодейки,
которая спит вон на той скамейке.**

Петух и Соловей

**Но покуда ей графы и рыцари снятся,
тебе не худо бы с места сняться
и перебраться в другие места:
Корде проснется, а ванна — пуста!**

Медведь и Козел

**Бедный Марат! Ну, не будь ротозем!
Ведь без тебя мы осиротеем!**

Петух и Соловей

**Бедный Марат! Наступает ночь...
(Указывая на Корде.)
Смотри! Не впускай ее, сучью дочь!**

Трижды раздается оглушительный грохот барабана.
Шум в глубине сцены смолкает.
Пациентов выстраивают в шеренгу, руки у них сложены на голове.
Сестры стоят перед Маратом, молитвенно сложив руки. Слышно,
как они бормочут молитвы. Четверо певцов некоторое время еще
продолжают танцевать, потом растягиваются на полу.

Марат
(боязливо)

Что там за стук,
Симона?
(Вновь повелительно.)

Симона,
подлей холодной воды!

Симона сидит скорчившись и не реагирует на его слова.

Симона,
куда запропастился Басс?

Де Сад

Хватит, Марат! Прекрати!
Ты сам говорил,
что нет прока
в маранье бумаги.
Я уже давно
бросил труд
всей моей жизни —
свиток
в тридцать метров длиной,
исписанный бисерным почерком:
я сочинял это в камере.
А когда пала Бастилия,
моя рукопись
бесследно исчезла,
как исчезает все,
что написано рукой человека
или создано
его мыслью и воображением...

Марат лежит, уткнувшись лицом в доску, зажав уши руками.

Марат,
взгляни на меня!
Подумай, Марат,

как ты жил в своей ванне?
Зачем ты так себя мучил?

По приказу сестер пациенты меняют позу и стоят, подняв руки
вверх.

М а р а т
(выпрямляется)

Мне было отпущено время
только на труд,
на работу.

Порою мне не хватало суток;
когда я пытался исследовать
причины
того или иного общественного порока,
я тотчас же обнаруживал
тысячи
идуших от него ответвлений.
Куда бы ни бросил взгляд,
я видел сплошные пороки,
сплошное падение нравов.

Один из стоящих в шеренге пациентов падает навзничь. Санитар
уносит его.

Когда я писал,
я неизменно думал
о необходимости действия
и рассматривал слово
как прелюдию к делу.
Меня всего колотила нервная дрожь,
ибо я уже слышал
грохот грядущих действий.
Помню,
над книгой «Цепи рабства»
я работал в течение трех месяцев
по двадцать часов в сутки.
Горы материалов
были мной собраны,
изучены,
перемолоты мыслью,
исследованы до мельчайших крупинц,
но чем я дольше работал,
тем глубже меня засасывала
трясина материала.
Две недели я находился в прострации,
а между тем

мою рукопись уже объявили запретной.
Так случалось всегда:
каждое мое слово стремились оклеветать,
извратить его смысл, обезвредить.
Любая моя листовка
грозила мне арестом и казнью.
Почти всю жизнь
я провел в изгнании,
в бегстве,
в подполье.
Тысяча солдат национальной гвардии,
вооруженных пушками,
окружили мой дом.
Да и сегодня я жду,
что постучат в мою дверь
и черное жало смерти
к груди мне приставит штык.

Д е С а д

Что толку в твоих воззваниях?
Поздно, Марат! Дело сделано.
Забудь о своем манифесте,
в каждой фразе которого
содержится ложь.
Неужто ты до сих пор
так и не понял
всей тщеты революции?
Неужто ты не увидел,
куда она завела?
Взгляни хотя бы на этих
заблудших революционеров, —
(указывает на четверых певцов, которые сидят в ожидании),
с их кокардами
на шутовских колпаках.
Что значат для них
слова твоего манифеста?
Куда ты их можешь направить?
Что хочешь им приказать?..

Ч е т в е р о п е в ц о в
(поют, как бы отвечая на монолог де Сада)

Бедный Марат со своей прокламацией!
Воры торгуют французскою нацией,

Сам ты, когда-то объездив весь свет,
понял: нигде справедливости нет.
Давят народ богачи проклятушие,
и прозябают в нужде неимущие,
но, испытав на себе произвол,
ты в революции выход нашел! —
Кроме всемирного землетрясения,
нет никакого иного спасения!
Так, поднимая на битву народ,
ты на столетие вышел вперед!..

Музыка смолкает.

Четверо певцов, танцуя, возвращаются на середину сцены. Пациенты вновь занимают свои места. Сестры пытаются разбудить Шарлотту Корде. Трижды раздается громкий, настойчивый стук.

29. ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ТРЕТЬЕМУ
ПРИХОДУ ШАРЛОТТЫ КОРДЕ

Г л а ш а т а й

Корде,
проснись!

Пауза. Имя «Корде» шепотом повторяется в глубине сцены. Шепот, нарастая, заполняет всю сцену. Сестры тормошат Шарлотту, Дюпре окликает ее. Симона стоит скрючившись около ванны, устремив взгляд на то место, где находится Шарлотта Корде.

Х о р

Корде,
Корде,
проснись!
Проснись, Шарлотта Корде,
Корде, проснись!

В музыке — тема Корде.

Г л а ш а т а й
(посохом дает знак оркестру)

Шарлотта Корде! Твое время настало!
Проснись-ка во что бы то ни стало!
Слышишь, Шарлотта! А ну-ка, вставай
и поскорее кинжал доставай!

Пауза. Сестры силком поднимают Корде со скамьи и ставят ее на ноги. Корде стоит, опустив голову, колени у нее подгибаются. Сестры

поддерживают ее и медленно ведут к авансцене. Она еле волочит ноги. Дюпре идет сзади, обнимая Шарлотту за бедра.

Ты слышишь, Шарлотта?! Проснись! А потом успеешь выспаться вечным сном.

Шарлотту ставят в позу. Две сестры поддерживают ее с обеих сторон. Дюпре стоит сзади, упершись ей в спину. Музыка смолкает.

К о р д е

(с закрытыми глазами, говорит тихо и боязливо)

Теперь я знаю.
как это выглядит,
когда голова разлучается с телом.
Руки завязаны за спину,
стянуты ноги шнурком,
шея обнажена,
волосы на макушке обрезаны,—
затем
между двух столбов
взлетает по желобам
косое широкое лезвие,
на котором дрожат
капельки крови,
и —
резко падает вниз.
В эту долю мгновения
голова,
сжатая металлическим обручем,
еще смотрит
в окровавленную корзину,
и тут происходит
удар,
который нас делит надвое...

Пауза.

Это значит,
что голова,
которую держит палач, высоко подняв над
толпой,
еще продолжает жить:
глаза еще видят,
язык еще ворочается,
а внизу —
отдельно от головы —

еще дергаются в судорогах
руки и ноги...

Д ю п р е
(подходит к Шарлотте, обнимая ее за бедра, говорит в
сопровождении лютни)

Что ты там шепчешь, Шарлотта?
Что за ужасные сны?
Шарлотта, проснись!
Взгляни, как прекрасны
эти деревья,
как розов закат,
не думай о страшных вещах!
Лучше вдохни всей своей грудью,
своей полной,
удивительной грудью,
пленительный аромат чудесного летнего
вечера...

Пауза. Дюпре проводит рукой по ее груди и под платком нащупы-
вает у нее кинжал.

Зачем у тебя кинжал?
Выбрось его, Шарлотта!
(Музыка смолкает.)

К о р д е
(отталкивает его руку)
Сейчас нельзя без оружия.
Надо уметь защищаться...

Д ю п р е
(умоляя)
Кто тебя смеет обидеть,
моя дорогая?!
Выбрось кинжал!
Уезжай отсюда!
Вернись к себе в Кан!

К о р д е
(выпрямляется и отталкивает сестер)

Там, в Кане,
в моей комнате
лежит на столе у окна
раскрытая Книга Юдифи.

Юдифь тоже ушла,
чтоб никогда не вернуться;
наделенная
необыкновенной красотой,
она пробралась
в лагерь тирана
и одним ударом меча
отсекла ему голову!

Бормотанье молитв в глубине сцены.

Д ю п р е

Шарлотта,
что ты задумала?

Пациенты в середине сцены образуют группу. Корде поднимает руку, как бы готовясь постучать в дверь.

30. ТРЕТИЙ И ПОСЛЕДНИЙ
ПРИХОД ШАРЛОТТЫ КОРДЕ

Глашатай трижды стучит посохом об пол, сопровождая стук Шарлотты в воображаемую дверь. Марат вздрагивает и смотрит в сторону Корде. Симона становится перед ванной, ограждая Марата.

Д ю п р е

Зачем ты пришла в этот дом?
Знаешь, кто здесь живет?

К о р д е

Он,
ради которого я прибыла в этот город,

Д ю п р е

Зачем он тебе?
Уходи отсюда, Шарлотта!
(*Падает перед ней на колени.*)

К о р д е

Я получила приказ
и должна его выполнить...
(*Отпихивает его ногой.*)
Оставь меня здесь одну.

Дюпре обхватывает ее ноги. Шарлотта несколько раз пинает его, Дюпре на коленях пятится назад.

Г л а ш а т а й
(указывает на Шарлотту)

Итак, смотрите, как в третий раз
пациентка, которая здесь у нас
изображает Корде Шарлотту,
берется опять за свою работу
и преступает заветный порог...

(Указывает на Корде.)

Дюпре у ее валяется ног.

Но она не слышит его уговоров,
потому что такой у нее жуткий поров.

(Указывает на Корде.)

И мы, развивая событий нить,
не в силах уже ничего изменить.

(Указывает на Дюпре, который на коленях пятится назад.)

Дюпре! Напрасны твои старания!

(Указывает на Шарлотту.)

Ее уже охватила мания,
и, одержимая чувством одним,
она прямо жаждет расправиться с ним.

(Указывает на Марата.)

М а р а т
(выпрямившись во весь рост)

Нет,
я все-таки прав,
я готов повторить все сначала...
Симона,
где Басс?
Мое воззвание не ждет...

Симона отходит в сторону и, застыв, в ужасе глядит на Шарлотту,

Д е С а д
(подходит к ванне)

Марат,
что значат,
все твои памфлеты и речи
перед этой красавицей,
которая там стоит
и рвется к тебе,
чтобы тебя обнять,
поцеловать тебя в губы,
Марат!

Девственница предлагает тебе
свою девственность!

Корде стоит выпрямившись и, усмехаясь, перекидывает волосы через плечо, затем кладет руку себе на грудь, где у нее под платком спрятан нож.

Взгляни,
как она улыбается,
как блестят ее зубы,
как она распустила волосы.
Марат!
Забудь обо всем!
Она явилась, Марат!
Она хочет тебя.
Разве ты не чувствуешь
жар ее плоти?
Вот она — перед тобой,
с обнаженной грудью,
едва прикрытой косынкой,
под которой, быть может,
даже спрятан кинжал,
чтобы придать эту остроту
любвонной игре!

Корде на миг приближается к ванне. Она покачивает бедрами, как бы предлагая себя. Симона, застыв в неподвижности, механически вынимает платок.

М а р а т

Симона,
кто там стучит?
Ты слышала стук, Симона?

Д е С а д

Девушка из сельской глуши,
молодая монахиня.
Подумай
о горькой судьбе
этих несчастных затворниц,
которые, лежа на жестком полу,
себя истязают крапивой.
Теплый воздух с полей
едва проникает
в их кельи
сквозь решетки стрельчатых окон...

Подумай,
как они там лежат,
в сорочках, влажных от сырости,
изнывая от вожделения
и мечтая о самом простом соитии,
как о некоем сверхнебывалом событии.

Аккорд лютни. Паптомима. Соловей садится верхом на Медведя и проделывает акробатические трюки.

(Под музыку.)

Взбудоражило новое время бедняжку!
Революция! Вольность! Душа нараспашку!
И уже опостылел ей дряхлый господь,
и бунтует закрепощенная плоть,
ибо нет революционного искупления
без всеобщего совокупления!..

Х о р

(протяжно)

Нет революционного искупления
без всеобщего совокупления!

Конец пантомимы.

Д е С а д

Марат,
перед тобою тело,
которое алчет тебя!..
Когда я тринадцать лет
торчал в цитадели,
я понял,
что мир состоит из человеческих тел
и что в каждом из этих тел
заложена величайшая энергия,
которая рвется наружу!
Там, в одиночестве,
в мире каменных стен,
я непрерывно слышал
сладострастный шепот
невидимых губ.
Каждой клеточкой кожи,
спиной, ладонями рук
я ощущал
сладость
невидимых прикосновений,

Запертый
за тринадцать замками,
закованный в цепи,
я мечтал
о раскрепощении плоти,
о небывалом пиршестве тела...

Один из пациентов, согнувшись и втянув голову в плечи, на ды-
почках приближается к авансцене и с интересом прислушивается.
Остальные пациенты следуют за ним.

Только любовная битва
является подлинной битвой!
Марат, пойми —
нет несчастнее узника,
чем заточенная плоть!
Покуда плоть заперта,
все ваши революции
окажутся просто бунтом в тюрьме,
который будет подавлен
предателями из числа самих арестантов.

Х о р

(в сопровождении музыки, протяжно)

Не даст революция искупления
без всеобщего совокупления!

Музыка смолкает.

К о р д е

(обращаясь к Симоне; в сопровождении музыки)

Я вам вручила письмо в конверте,
Речь там идет о жизни и смерти.
Марат должен знать о событиях в Кане,
иначе окажется он в капкане.

М а р а т

Кто там пришел?

С и м о н а

(вновь становится около ванны, заслоня собой Марата)

Девушка из Кана...

М а р а т

Скажи, пусть войдет...

Симона отходит в сторону, неодобрительно качая головой.
Она присаживается на корточки позади ванны и закрывает лицо руками.

Корде приближается к ванне, покачивая бедрами. Она улыбается.

Рукой она все еще придерживает платок на груди.

Де Сад покидает игровую площадку и возвращается к своему стулу, где и останавливается, с напряженным вниманием наблюдая за дальнейшим развитием действия.

К о р д е
(тихо)

Марат,
я хочу тебе назвать имена
наших героев.
Но это не будет предательством,
потому что я говорю с мертвецом.

М а р а т
(выпрямляясь)

Выражайся ясней!
Я что-то тебя не пойму.
Подойди поближе...

Корде с застывшей улыбкой приближается к ванне. Ее тело медленно раскачивается. Она сует руку под платок.

К о р д е
(в манере монотонного пения)

Вот тебе — их имена,
слышишь, Марат?
Вот имена заговорщиков,
собравшихся в Кане:
Барбару,
Базо,
Петион,
Луве,
Бриссо,
Верньо,
Гаде,
Кансонне...

По мере того как она произносит эти имена, ее лицо принимает все более дикое выражение, в котором смешаны ненависть и сладострастие.

М а р а т

Кто ты?
Приблизься...

Марат приподнимается. Простыни соскальзывают с его плеч. Шарлотта наклоняется над ним. Левой рукой она как бы хочет его обнять, в правой руке — под платком — она держит кинжал.

К о р д е

Марат,
я пришла,
но ты не увидишь меня,
ибо ты уже мертв.

М а р а т

(полуобнаженный, встает во весь рост и кричит)

Басс! Пиши!
«Суббота,
тринадцатое июля
тысяча семьсот девяносто третьего года.
К французской нации.
Граждане!...»

Корде стоит прямо перед Маратом. Левой рукой она гладит его грудь, плечи и шею.

Марат сидит неподвижно, откинувшись на спинку ванны. В правой руке у него перо.

Корде достает из-под платка кинжал, берет его обеими руками и высоко заносит над Маратом.

Резкий свисток Глашатая.

Пациенты, санитары и сестры застывают, образуя немую сцену.

Корде съеживается.

Марат неподвижен.

31. ВСТАВНОЙ ЭПИЗОД

Г л а ш а т а й

А сейчас, в нарушение театральной традиции, мы явим вам чудеса композиции и перед финалом введем эпизод, в котором изложен дальнейший ход истории нашей великой нации после той мерзостной провокации, которая здесь произошла в июле, тринадцатого числа тысяча семьсот девяносто третьего года, когда зарезан был Друг Народа. Нам хочется, чтоб перед смертью Марат узнал из последующих тирад, какого мы с вами достигли расцвета

после того беспокойного лета
и как по праву вступил на трон
наш император Наполеон,
сделавшись нашим законным правителем...
Словом, все то, что известно зрителям.
(Указывает на публику.)

Музыка в быстром темпе исполняет военный марш. Четверо певцов
выходят.

Ч е т в е р о п е в ц о в
(песня)

В Вандее вспыхнул мятеж роялистов.
Мы бились геройски, хоть враг был неистов.
Но нам удалось роялистов смести
и революцию нашу спасти.
Знамена трехцветные к небу вздымались.
Напрасно враги, как ужи, извивались:
железный революционный террор
на головы гадин обрушил топор.
Так в каждом отряде экспедиционном,
охваченном пафосом революционным,
мы за народное дело дрались
и смыли с земли роялистскую слизь.
Так кровью своею, делами своими
мы в битвах твоих обессмертили имя,
присвоив его одному из полков...
Марат! О, как был ты умен и толков,
когда нас учил справляться с врагами...
Ты умер, Марат! Но твой образ был с нами.
Взвивались, взвивались знамена побед.
Марат — наше знамя! Нам удержу нет!
Предатели всю свою спесь растеряли:
одни — застрелились, других — расстреляли.
И за эскадроном лихой эскадрон,
как буря, влетел в осажденный Лион!
Чтоб контрреволюционную выжечь заразу,
три тысячи мы обезглавили сразу
и двинулись дальше, как яростный шквал,
и Нант перед нами не устоял.
Дома заговорщиков гибнут в пожаре,
тела заговорщиков тонут в Луаре,
а мы уже дружно штурмуем Тулон —
и там предводителем наших колонн

был офицер, кто немного позднее
для целого мира стал грома грознее...
Как видишь, Марат, наш напор не утих:
врагов одолев, мы взялись за своих.
Недаром учил ты, на многих примерах,
уменью врагов узнавать в малOVERах.
И вот Робеспьер задал правильный тон,
и на гильотину отправлен Дантон,
а вслед за Дантоном — толпа супостатов,
которых мы чтили как депутатов:
они заварили предательства кашу,
используя подло доверчивость нашу!..
Так пусть неподкупные правят страной!..
Вот едут на плаху в телеге одной,
покрыты плевками, обложены свистом,
былой якобинец с былым роялистом,
и тот якобинец и тот роялист
от страха дрожат, как осиновый лист,
поскольку для госпожи Гильотины
все люди, как братья родные, едины
и не пожалеет ничьей головы
проворная бритва веселой вдовы!
Не устрашат нас врагов завыванья!
Революционные завоеванья
великий революционер Робеспьер
спасает при помощи крайних мер.
Крайняя мера — есть крайняя мера..
Но посмотри! Волокут Робеспьера!
Какие-то он произносит слова,
но вот уж в корзине — его голова.
За то, что к врагам он не знал пощады,
его уничтожить решили гады,
которые, верша свои махинации,
мечту лелеяли о реставрации!
И даже лучший твой друг — Жак Ру
также был приговорен к топору...
А теперь мы тебе сообщим, наконец,
что у нас у всех появился отец —
Бонапарт, обожаемый нашим народом.
Он, кажется, из Сардинии или с Корсики родом,
и хотя одет он в военный мундир,
он обещает нам вечный мир
и работой нас обеспечил в своих
оружейных кузницах и мастерских,

Себя именует он революционным
императором Франции — Наполеоном!..
Итак,— революция и император...

Громкий аккорд.

Да... Это, прямо скажем,— театр!
Повсюду торжественный марш звучит,
а у нас с голодухи в брюхе урчит,
и мы стоим и глазеем на все на это,
а попы распевают:
«Мно-гая ле-та!..»

32. УБИЙСТВО

Г л а ш а т а й
(*подает знак посохом*)

Убийство!

Корде, вдруг очнувшись от забытья, заносит руки для могучего удара и вонзает кинжал в грудь Марата. Пациенты издают общий крик. Де Сад стоит с торжествующим видом, чуть подавшись вперед и сотрясаясь от беззвучного смеха. Все обступают ванну.

Героическая немая сцена. Выглядит она так: Марат поник, как на классической картине Давида,— правая рука свешивается через край ванны. В правой руке зажато перо, а в левой — бумаги. Корде все так же сжимает кинжал. Четверо певцов хватают ее сзади и тайно резко дергают за локти, что платок на груди у Шарлотты разрывается, обнажая грудь. Симона стоит, наклонясь над ванной, с жестами ужаса. Дюпре на коленях. Жак Ру стоит позади ванны на скамье.

33. ЭПИЛОГ

Торжественно-приглушенное оркестровое вступление. Сестры выходят вперед и уводят Шарлотту, которая опять спускает. Они поправляют платок у нее на груди. Сестры подводят Шарлотту к де Саду.

Шарлотта протягивает ему кинжал.

Сестры заслоняют ванну простыней. Под прикрытием простыни Марат выходит из ванны.

Глашатай, подняв посох, приближается к авансцене. Музыка смолкает.

Г л а ш а т а й

Почтенные зрители! Совершив путешествие
в эпоху повального сумасшествия,
к современности обратим просветленный взор,
где перед нами открыт простор

воистину свободной и радостной жизни,
которая наступит в нашей отчизне,
испытавшей столько тяжких невзгод,
ну, если не завтра, так через год...
Сейчас разойдется вы по домам,
но на прощанье хотелось бы нам,
пусть в самых общих чертах, пусть вкратце,
кой в чем по возможности разобраться.
Так попросим Марата, стоящего тут,
воскреснуть хотя бы на пять минут.

Простыню опускают. Марат выступает вперед.

М а р а т

Пожалуйста! Вот я опять перед вами
и объясню все своими словами,
а не теми, что автор мне навязал,
чтоб я их выкрикивал в зрительный зал.
Задумайтесь над иным сюжетом...
Я видел, что золото правит светом,
но золотом тем обладают не многие,
а, к сожалению, очень немногие.
Богатством владеет несколько лиц,
а нищета не имеет границ.
Тогда я понял, что нужен взрыв,
чтоб несправедливости лопнул нарыв,
я понял, что нужен полнейший слом
того, что зовется всемирным злом,
что нужен решительный переворот,
чтоб навсегда человеческий род
избавился от заплывших жиром
разбойников, правящих этим миром,
но будут бесплодными все усилия
без революции, без насилия,
и оттого призывал к расправе я
над всеми носителями бесправия,
над всеми, кто служит золоту тельцу.
Да, да! Ни к барышнику, ни к дельцу
я никогда не испытывал жалости
и в битве с ними не знал усталости!..
Из гроба мое не восстанет тело,
но не умрет мое правое дело.
За мною следом другие придут
и дело мое до конца доведут.

И люди, в порыве священного братства,
разделят поровну все богатства!

Г л а ш а т а й

Скажи нам, Корде, как бы ты поступила,
если бы стража тебя отпустила?

К о р д е

Ах, я жила в тишине и покое.
Как же пошла я на дело такое?..
Честно скажу: для меня это внове —
ложиться под нож за пролитие крови.
Но когда я узнала об этом злодее,
меня ужаснули его идеи.
Я видела в каждом его манифесте
призывы к ненависти и к мести,
а не к согласию и к добру.
Тогда я решила, что лучше умру,
чем допущу, чтоб нам жить под режимом,
который навязан сим одержимым,
что в ванне сидит, источая гной,
и ядовитую брызжет слюной,
революцию пачкая кровью и грязью.
И чтоб прекратить его безобразья,
я, признаюсь,— абсолютно готова
его, если нужно, зарезать снова.

Ж а к Р у

(быстро выбегает вперед)

Не верьте словам этой хищной красотки —
лжедемократки и лжепатриотки!

(Указывает на Корде.)

Потоком высокопарных фраз
народ околпачивался не раз!
Бубнят про высокие идеалы
эксплуататоры и обиралы:
«Гуманность, свобода, любовь, добро»,—
украив у народа его добро!
Вы только что слышали всякие байки
из уст отъявленной негодяйки!
И до чего же она лицемерна!
Опасность подобных речей безмерна:
ведь предпочтительней волк в натуре,
чем тот же волк, но в овечьей шкуре!

По приказу Кульмье сестры и санитары набрасываются на Жака Ру
и оттаскивают его в сторону сцены.

Г л а ш а т а й
(обращаясь к де Саду)

Быть может, теперь господин маркиз
раскроет нам сущность своих реприз
и не откажется от оценки
только что виденной нами сценки?

Д е С а д

Смысл мною созданного творенья —
в противоборстве двух точек зренья.
Хотел разрешить я извечный спор,
что продолжается до сих пор.
Но вот что воистину примечательно,
что сам я запутался в нем окончательно,
и, откровенно скажу, боюсь,
что под конец я скажу: «Сдаюсь!»
Марат народ призывает к битве,
а не к терпенью, не к молитве,
другие, как видите, наоборот —
долготерпению учат народ.
Я лично тоже стою за ломку,
но надо сперва подстелить соломку
и постараться найти нечто среднее
меж революцией и церковной обедней.
Установив, что есть два пути,
я третий путь пытаюсь найти,
но, как сторонник этого третьего,
нигде и ни в чем не смог усмотреть его,
и так, увы, я остался с носом,
а вопрос мой остался открытым вопросом!

К у л ь м ь е

Но сейчас у нас совсем иная эпоха,
и живется нам, говоря по правде, неплохо:
мы обеспечены хлебом и топливом тоже
и стали на нормальных людей похожи.
И хотя пока что идет война,
однако победа уже видна!

В оркестре == финальный марш. Пациенты, выстроившись в шерен-
гу, маршируют на месте.

Четверо певцов

И пусть у нас животы еще не набиты
мы нашей общею целью сыты.
Свобода слова укрепляет наш дух,
хоть и не все говорится вслух,
а кое-что даже, напротив,— шепотом,
в чем мы обладаем богатым опытом.

Хор

(в сопровождении нарастающей музыки, маршируя на месте)

И даже мы, в этом учреждении,
исполнены твердого убеждения
в том, что о нас заботится государство,
и в ответ охотно принимаем лекарства,
решительно отказываясь от какой бы то ни было
критики

сегодняшней официальной политики,
потому что только неисправимые циники
недовольны порядками в нашей клинике,
а здравомыслящие сумасшедшие
приветствуют перемены, происшедшие
с приходом великого Наполеона,
который правит революционно!

Сверху опускают огромный портрет Наполеона в героической позе.
Музыка становится все громче. Колонна пациентов марширует вперед.
Сестры и санитары пытаются задержать шествие. Колонна по
нескольку раз делает четыре шага вперед, три — назад. Музыка
становится еще громче, тема марша — еще отчетливее.
Кульмье беспокойно отходит в сторону, машет руками, как бы от-
гоняя шествие.

Все

Да здравствует наш император, кто ныне
ведет нашу армию сквозь пустыни,
сквозь океаны и сквозь снега,
чтоб навсегда сокрушить врага
и на колени его поставить,—
и окончательно этим прославить
наше возлюбленное отечество
для блага и счастья всего человечества!

В грохоте марша колонна движется к авансцене, по-прежнему идя
несколько шагов вперед делая несколько шагов назад.

Кульмье
(перекрывая грохот)

Да здравствует Франция, Наполеон
и наша лечебница Шарантон!

Все
(громко скандируют, не прекращая марша)

Шарантон! Шарантон!
Наполеон! Наполеон!
Искупление! Искупление!
Совокупление! Совокупление!

Музыка, крики и топот ног сливаются воедино.
Кульмье возвращается на свою трибуну и дает знак — сигнал общей тревоги.

Гудит больничный колокол.
Санитары берут дубинки и набрасываются на пациентов. Жак Ру
вырывается на авансцену.

Жак Ру
(обращаясь к пациентам и публике)

Итак,
они убили вашего друга,
а вы стояли и допустили все это,—
из косности,
из незнания,
из лени мысли!..
Властью крови...
господством железа и золота
враги революции
хотят у вас вырвать богатства,
которые принадлежат вам по праву!..

Общее столпотворенье. Перекрывая шум, Жак Ру продолжает.

Учитесь видеть и думать!
Учитесь бороться!
Последнее слово будет за вами.

Жак Ру исчезает в глубине колонны. Хор, четверо певцов и многие
из пациентов рукоплещут ему. Кульмье, отчаявшись, делает знак
задернуть занавес.

Занавес

Вирго дум флоребам — когда я цвела невинностью.
Омнибус плацебам — всем правилась.
Флорес адунаре — собирать цветы.
Иби дефлораре — там лишить девственности.
Сед нон индеценгер — но весьма пристойно.
Вальде фраздуленгер — очень коварно.
Вальде индеценгер — очень непристойно.
Мульгум виолентер — очень грубо.
Немус эст ремогу — рожа ведь в сторонке.
Планкси эт хок тотум — я плакала и все прочее.
Нон прокуль а виа — недалеко от дороги.
Тимпанум кум лира — тимпан и лира.
Диксит: седеамус — он сказал: давай сядем.
Лудум фацциамус — давай поиграем.
Нон абскве тиморе — не без робости.
Дульцис эст кум оре — он сладкоречив.
Корпоре детекта — обнажив тело.
Куспиде эректа — подняв копьё.
Бене венебатур — хорошо поохотился.
Лудус комплеатур — да свершится игра.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Ошеров. Предисловие</i>	5
От переводчика	16

ЛИРИКА ВАГАНТОВ

Орден вагантов	19
Нищий студент	22
Прощание со Швабией	23
Добродетельная пастушка	25
Я скромной девушкой была	25
Монахиня	27
Выходи в привольный мир!	27
Ах, там в долине, под горой...	28
«Когда б я был царем царей...»	29
«Без возлюбленной бутылки...»	29
Завешание	29
Доброе, старое время	30
Кабацкое житье	32
Спор между Вакхом и пивом	34
«Ах, куда вы скрылись, где вы...»	36
Наставление поэту, отправляющемуся к потаскухам	36
Отповедь клеветникам	37
Раздор между чтением книг и любовью	39
«В утренней рани почудилось мне...»	40
«Вновь облетела липа, и лес осенний гол...»	40
Жалоба девушки	40
Плач по поводу бегства возлюбленной	41
Любовь к филологии	42
Рождественская песня школяров своему учителю	43
Разговор с плащом	44

Проклятие	45
Колесо Фортуны	46
Взбесившийся мир	47
Стареющий вагант	48
Снежное дитя	49
Песнь про лгуна	50
Богатый и нищий	51
Исповедь архипиита Кельянского	51
Апокалипсис голиарда	55
Призыв к крестовому походу	57
Против Симонии	58
«Ложь и злоба миром правят...»	60
Восхваление истины	60
 Гартман фон Ауэ. БЕДНЫЙ ГЕНРИХ	 65

НЕМЕЦКИЕ НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

Крестьянин и рыцарь	103
Улингер	104
Крысолов из Гамельна	108
Баллада о Генрихе Льве	109
Про воду и про вино	111
Горемыка Швартенгальз	113
Линденшмидт	114
Лорелея	116
Королевские дети	116
Лилофея	118
Пилигрим и набожная дама	121
Господин фон Фалькенштейн	122
Дочь пастора из Таубенгейма	123
Спор между жизнью и смертью	124
Беглый монах	125
Портной в аду	126
Баллада о двух братьях	128
Проданная мельничиха	129
Про страну Шлараффню	131
Маленький скрипач	135
Хозяин и подмастерье	136
Мускат	137
Власть денег	138
Была б ты немного богаче...	138
Свидание с мертвым женихом	139
Вейнсбергские жены	140
Баллада о голодном ребенке	143

Надежда	144
Путаница	144
Старинное предсказание близкой войны, которая, однако, окончится весной	146
Ганс Сакс. ИЗВЛЕЧЕНИЕ ДУРАКОВ	151
ПОЭЗИЯ XVII ВЕКА	
Неизвестный автор	
Вечность	169
Георг Рудольф Векерлин	
К Германии	171
Сон	171
На раннюю смерть Анны-Августы, маркграфини Баденской	172
Пирушка	173
Фридрих фон Шпее	
Ксаверий	176
Прошла угрюмая зима...	177
Юлиус Цинкгреф	
Об измене возлюбленной во время войны	180
Мартин Опиц	
Песнь об отчизне	181
Безответная любовь	182
К ночи и к звездам	184
Poeta	184
Образец сонета	184
Пресыщение ученостью	185
Sta viator	186
Зерцало мира	186
Свобода в любви	187
Песня	188
Среди множества скорбей	188
Жалоба	189
Везувий	190
Прогулка	191
Погибла Греция	192
Слово утешения среди бедствий войны	192
Роберт Робертин	
Весенняя песня	194
Фридрих Логау	
Изречения и эпиграммы	196

Знатное происхождение	196
Отважная честность	196
Право и бесправье	196
Немецкая речь	196
Исполнение желаний	197
Стыдливый век	197
Власть	197
Война и мир	197
Наставление	197
Наши песни	197
Голод и война	198
Житейская мудрость	198
Служение музам	198
Победа над собой	198
Симон Дах	
Анке из Тарау	199
Цена дружбы	200
Приглашение к веселью	201
Даниэль Чепко	
Размышления	202
Одно — в другом	202
Предателю	202
Затяжная война	202
На погребение своего пера	202
Фрагмент	203
Пауль Гергардт	
Летняя песнь	204
Вечерняя песнь	205
Моление о дружбе	206
Песнь утешения	207
Перед распятием	209
Ода в честь провозглашения мира	211
Иоганн Рист	
На приход холодной зимней поры	213
Жалоба Германии	214
Вечность	215
Христианским князьям и властителям Германии...	216
Георг Филипп Гарсдерффер	
Дождь	218
Загадки	219
Нуль или зеро	219
Время	219
Латынь	219

Пауль Флеминг	
К самому себе	220
Размышление о времени	220
Зачем я одержим	221
Спор с самим собой	221
Озарение	222
Верное сердце	222
Как бы он хотел, чтобы его целовали	223
На ее отсутствие	224
Похвальба пехотинца	224
Новогодняя ода 1633	225
Великому городу Москве, в день расставания	227
На слияние Волги и Камы...	227
На смерть господина Мартина Опица	228
К Германии	228
Эпитафия господина Пауля Флеминга...	229
Исайя Ромплер фон Левенгальт	
Взбесившаяся Германия (Фрагмент)	230
Андреас Чернинг	
Девушке, выходящей замуж за старика	232
К отсутствующей	233
Юстус Георг Шоттель	
Песня грома	234
Непрерывность страданий	235
Иоганн Клай	
Анакреонтическая ода от лица Марии Магдалины	236
Праздничный фейерверк по случаю рождения мира	237
Андреас Грифнус	
Слезы отечества, год 1636	238
Величие и ничтожество языка	238
Созерцание времени	239
Fortis ut mors dilectio	239
Мертвец говорит из своей могилы	241
К портрету Николая Коперника	242
Гибель города Фрейштадта	243
Невинно страдающему	245
Заблудшие	245
Сонет надежды	246
Все бrenно...	246
Одиночество	247
Плач во дни великого голода	247
Гробница кесаря	249

К накрашенной	249
Свадьба зимой	250
К Евгении	250
На завершение года 1648	251
На завершение года 1650	251
Последний сонет	252
Христиан Гофмансвальдау	
Исповедь гусяного пера	253
Утренняя песня	253
Портрет влюбленного	254
Радость	255
Сладострастье	256
На крушение храма Святой Елизаветы	257
Предостережение	258
Земная жизнь	258
Размышления в день моего пятидесятилетия	259
Строки отчаяния	260
Филипп Цезен	
Ода	263
К боготворимой, равных себе не имеющей Ро- земунде	264
Иоганн Георг Грефлингер	
Праздник	266
Ганс Гриммельсгаузен	
Гимн крестьянству	267
Ангелус Силезиус	
Изречения	269
Зигмунд фон Биркен	
Мир говорит	271
Осенняя песнь Флоридана	272
Катарина Регина фон Грейфенберг	
О преследуемой и все же неодолимой добродетели	274
К ночи	274
Даниэль Каспер Лоэнштейн	
Лабиринт	276
Величие человеческого духа	277
Даниэль Георг Морхоф	
Эпиграммы	279
Доктору Мартину Лютеру	279
Виноторговцу, утонувшему в реке	279
Скряга	279

Христиан Вейзе	
Благие мысли при восхождении по лестнице . . .	280
Неожиданные размышления о наступающей старости	281
Поэтам надобно влюбляться	282
Абрагам а Санта-Клара	
Эпитафия старухи	284
Война	285
Ночные музыканты	285
Ганс Асман Абшатц	
Предостережение к Германии	287
Время и вечность	287
Квиринус Кульман	
Изменчивая сущность бытия человеческого . . .	289
Очертанье примет плоть	290
Готфрид Арнольд	
Мир на земле	292
Иоганн Христиан Гюнтер	
Студенческая песня	293
Проснувшаяся печаль	294
Ужель, прелестница младая...	295
Вечерняя песня	296
Терпимость, совестьливость...	298
К отечеству	300
При вручении ей перстня с изображением черепа	302
Народные песни времен Тридцатилетней войны	
«Нависла туча надо мной...»	303
Саксонская девушка	303
«Ах, выпал снег повсюду...»	304
Детлюбийцы	305
Иезуиты	307
Старый солдат	308
Песнь о гибели и злодейском разрушении Магдебурга...	311
Генерал Хольк, умирая в 1633 году...	312
Отходная Валленштейну	314
Рассказ о фальшивой монете	315
Голубь — птица голубая	317
ПОЭЗИЯ XVIII—XIX ВЕКОВ	
Бартольд Брокес	
* Утренняя молитва	323

Матнас Клаудиус	
* Война	324
Йоганн Вольфганг Гете	
Истолкование старинной гравюры на древе... . .	325
На смерть Мидинга	329
Фридрих Шиллер	
Вытрезвление Бахуса	336
Мужицкая серенада	337
Достоинство мужчины	339
Мудрецы	341
Раздел земли	343
Солдатская песня	344
Фридрих Гельдерлин	
Гимн свободе	346
Клеменс Брентано	
* Чувство Родины	349
Ахим фон Арним	
* Песня русалок	351
* Молитва	352
Адельберт Шамиссо	
Игрушка великанши	353
Король жил на Севере диком	354
Уж так на свете повелось...	355
Йозеф Эйхендорф	
* Колечко	356
* Утешение	357
Генрих Гейне	
Жалоба старонемецкого юноши	358
Рампсенит	358
Мария-Антуанетта	361
«Юноша девушку любит...»	362
Оглядка	363
Георг Гервер	
* Песня ненависти	364
Фердинанд Фрейлиграт	
Принц Людвиг Прусский	366
Из народной поэзии XIX — начала XX века	
Старые знакомые	368

«Напевы немецкой шарманки»	370
Ужасающее убийство	370
Разбойничья песня	372
Возвращение из Китая	372

ПОЭЗИЯ XX ВЕКА

Герхарт Гауптман	
«Приди и властвуй, Новый год...»	377

Франк Ведекинд	
Бригитта Б.	379

Пауль Цех	
Лишь повинаясь воле павших...	381

Иоахим Рингельнац	
Афишные тумбы	382
Маленькие актеры	383
Робкое слово	383

Эрнст Штадлер	
Время закрытия магазинов	386

Лион Фейхтвангер	
Песня павших	388

Якоб ван Годдис	
Конец света	389

Георг Гейм	
Россия	390

Курт Тухольский	
Пять лет спустя	391
Третий рейх	392

Поэты ГДР

Эрих Вайнерт	
Имперский поэт	394
«Сверхчеловек»	395
Попутчик	396

Иоганнес Бехер	
Я — немец	398
Где была Германия...	400
Детские башмачки из Люблина	401
Завещание поэта	405
Прекрасная немецкая отчизна	406
К семи уже темнеет...	407

Бертольт Брехт	
Изгнание поэтов	409
Ели	409
Железо	410
Звуки	410
Собака	410
Нелегкие времена	410
Луис Фюрнберг	
Встреча с Рильке	412
Куба	
Пой на ветру!	415
Крестьянская песня	416
«Под сенью ночи черной...»	417
«Был полдень горяч и удушлив, как смерть...»	418
Стефан Хермлих	
Пепел Биркенау	419
Баллада о даме Надежде	420
Иоганнес Бобровский	
Похоронная песня	422
Из поэтов ФРГ	
Ганс Магнус Энценбергер	
Сомнения	424
О трудностях перевоспитания	425
* Петер Вайс. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И УБИЙСТВО ЖАН-ПОЛЯ МАРАТА, представленное артистиче- ской труппой психиатрической лечебницы в Ша- рантоне, под руководством господина де Сада	
Перевод латинского текста (к с. 25)	532

И32 Из немецкой поэзии: век X — век XX. / Пер. с нем. Льва Гинзбурга; Предисл. С. Ошерова; худ. В. Носков. — М.; Худож. лит., 1979. 543 с.

Сборник представляет русскому читателю лучшие образцы немецкой поэзии, созданные с X века до наших дней. Здесь и песни вагантов, и поэма средневекового поэта Гартмана фон Ауэ «Бедный Генрих», и народные баллады, и стихи крупнейших поэтов XVII—XIX веков. Заключают сборник произведения поэтов ГДР и ФРГ.

И $\frac{70404-112}{028(01)-79}$ 163-79

И (Нем)

ИЗ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

Век X — век XX

Редактор *А. Парин*

Художественный редактор *Л. Калитовская*

Технические редакторы *А. Кузнецова*
и *Е. Полонская*

Корректор *Д. Эткина*

ИБ № 1370

Сдано в набор 23.06.78. Подписано в печать 02.04.79. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Елизаветинская». Печать высокая. 28,56 усл. печ. л. 25,775 уч.-изд. л. Тираж 25 000 экз. Заказ 1198. Цена 2 р. 50 к. Издательство «Художественная литература». Москва, Б-78, Ново-Васманная, 19. Набрано и сматрицировано в ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградском производственно-техническом объединении «Печатный Двор» имени А. М. Горького «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская, 26.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени Ленинградской типографии № 2 имени Евгении Соколовой «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, Ленинград, Л-52, Измайловский пр., 29.

